

З.И. Файнбург

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА...

Социализм
и «культ
личности»
(Очерки
теории)

Файнбург З. И.

**НЕ СОТВОРИ
СЕБЕ
КУМИРА...**

**Социализм и «культ личности»:
(Очерки теории)**

Файнбург З. И.

Не сотвори себе кумира... Социализм и «культ личности»: (Очерки теории). – М.: Политиздат, 1991. – 351 с.

В работе З.И. Файнбурга (1922–1990) исследуются суть и история «культы личности» как специфической системы социальных отношений, возникающей на раннем этапе социализма. Показывается конкретный механизм формирования «вождизма», характерного для определенного периода истории страны, раскрываются предпосылки возникновения культа личности, особенности его становления, обосновываются условия и средства как борьбы с ним, так и предотвращения его реставрации.

Книга носит полемический, дискуссионный характер, рассчитана на широкий круг читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Определить кратко, обозначить понятие одним-двумя словами иногда оказывается необыкновенно трудно. В таких случаях обычно возникает условное, конвенциональное (то есть основанное на молчаливом соглашении всех со всеми) обозначение этого явления. Так возник термин «культ личности». Входящие в него слова не в состоянии раскрыть всю сложность и многоплановость обозначенного им социального явления.

Нельзя считать исчерпывающими и термины «сталинизм», «сталинщина». Относительно этих понятий в литературе высказывались разные мнения, однако исчерпывающей полнотой, как мы полагаем, не обладает ни одно, ни другое¹.

Поскольку термин «культ личности» – наиболее старый и наиболее универсальный, мы, в конечном счете, предпочли именно его. При этом понятие «культ личности» мы употребляем в кавычках, подчеркивая этим его конвенциональность.

В свое время понятие культа личности (по отношению к Фердинанду Лассалю) К. Маркс и Ф. Энгельс употребляли без кавычек. Без кавычек употребил его и Н. С. Хрущев в своем докладе XX съезду КПСС². Тогда такое употребление этого понятия можно было оправдать относительной неразвитостью нашего знания, наших оценок проблемы. Сегодня ситуация изменилась. Сегодня ясно, что буквальное понимание термина «культ личности» принципиально недостаточно – оно не вмещает всей полноты: свойственных этому явлению общественных

¹ Обсуждение проблемы названия этого явления см., в частности: Сталинизм – правда без упрощений. Беседа И. Нёрлюнда (Дания), Д. Претеля (Испания), Р. Медведева (СССР) // Проблемы мира и социализма. 1989. № 6. С. 42–49.

² Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях. Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н. С. XX съезду КПСС 25 февраля 1956 года // Известия ЦК КПСС. 1959. № 3. С. 128–170.

отношений, не вмещает влияния этих отношений на последующее развитие СССР и всего мира.

В нашей работе предпринята попытка в доступной широкому, но информированному читателю форме изложить социально-философскую (можно сказать иначе: социологическую) концепцию «культа личности». История «культа личности» И. В. Сталина в СССР служит для нас лишь фактологической основой для теоретического исследования проблемы.

В последние годы вышел в свет ряд исторических и социально-философских работ, в обобщенном виде исследующих «культ личности» в той его форме, которая имела место в СССР: Д. А. Волкогонова, Р. А. Медведева, А. В. Антонова-Овсеенко, Л. А. Гордона и Э. В. Клопова и других. Есть ряд зарубежных работ, ставших теперь доступными советскому читателю. Для исследователей еще остаются закрытыми многие основные архивные материалы, а потому говорить о полноте и законченности исторического освещения проблемы не приходится. Но социально-философское исследование, на наш взгляд, находится в несколько ином положении.

В 70-е годы вышел ряд работ хотя формально далеких от прямого исследования «культа» И. В. Сталина, однако на самом деле написанных с учетом достаточно полного представления о нем. Это работы Ф. М. Бурлацкого³, А. И. Володина, Ю. Ф. Карякина, Е. Г. Плимака⁴. Еще в начале 60-х годов в журнале, «Проблемы мира и социализма» были опубликованы две очень важные для теоретического понимания вопросы статьи Ю. Ф. Карякина⁵. Наконец, в последнее время появились

³ Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура...». М., 1976; Бурлацкий Ф. М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. М., 1977.

⁴ Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976. В это же примерно время был опубликован ряд статей Э. Генри, тоже фактически посвященных анализу «культа личности».

⁵ Особенно важной для формирования нашей концепции были статьи: Карякин Ю. Ф. Эпизод из современной борьбы идей // Проблемы мира и социализма. 1964. № 9; он же. Антикоммунизм, Достоевский и «достоевщина» // Проблемы мира и социализма. 1963. № 5.

содержательные работы по обобщенному исследованию сталинизма – А. С. Ципко, Е. А. Амбарцумова, Н. А. Симонии, О. Р. Лациса, И. М. Клямкина, А. П. Бутенко, М. Я. Гефтера и других.

Серьезное социально-философское исследование проблемы только начинается. И трудности здесь совершенно иные, чем те, которые встают перед историком.

Мы полагаем, что фактического (исторического) материала и сейчас достаточно для социально-философского исследования «культа личности». Такого рода исследование – это анализ явления в ключе формационной теории марксизма, то есть анализ степени его закономерности для формационного перехода от капитализма к социализму.

До сих пор практически каждая страна, вставшая на путь перехода к социализму, в той или иной степени, в той или иной форме имела дело с «культом личности». Но повторяемость – одна из черт закономерности. Другое дело, какие из свойств «культа личности» неотвратимы, а какие – нет. (Закономерность и неотвратимость отнюдь не тождественные понятия.)

Следовательно, для анализа «культа личности» исследователь должен исходить из какой-то конкретной, поднятой на формационный уровень теории социализма. Камнем преткновения здесь является то, что теория какой-либо ступени общества (а социализм в нашем понимании – это закономерная ступень истории) может достичь зрелости только тогда, когда в той или иной мере сложится описываемое этой теорией общество. Сегодня о зрелости социализма, в каком бы варианте мы его ни рассматривали, говорить было бы преждевременно. Да еще и сталинизм усугубил трудности исследования социализма, поскольку грубо вульгаризировал его теорию и деформировал его практику.

Автор данного исследования уже много лет (совместно с Г. П. Козловой) занимался как раз исследованием формационной теории социализма. Без теории социализма дать анализ «культа личности», по нашему глубокому убеждению, вообще невоз-

можно. Как бы читатель ни оценивал нашу трактовку сущности современного социализма, она, на наш взгляд, обладает некоторым минимумом системных свойств⁶. Поэтому анализ «культы личности» ведется в нашей работе с точки зрения предложенной нами концепции социализма.

Коллективистская природа социалистического общества и «культы личности» Вождя («великого гения всех времен и народов», как неоднократно называли в свое время средства массовой информации не только И. В. Сталина, но и соответствующих персонажей политической истории в других странах) принципиально, антагонистически противоположны друг другу. Их совмещение в реальной истории всегда осуществлялось за счет умаления, ограничения и деформации коллективности. Однако объяснение «культы личности» надо искать в исторически объективно обусловленном состоянии именно коллективности – определяющего (основного) отношения новой формации в целом, включая и ее первую фазу – социализм. Более развитое, более зрелое состояние коллективности в общественных отношениях, когда она обретает свои более развитые формы, делает необходимостью историческое снятие «культы личности».

С точки зрения общих законов теории социализма критика «культы личности», борьба с ним не могут рассматриваться только как проявление, реализация личных мнений и убеждений тех или иных руководителей (скажем, Н. С. Хрущева, М. С. Горбачева). Эта их линия есть проявление исторической необходимости

⁶ За годы научной деятельности автором (самостоятельно и в соавторстве) опубликовано около 200 работ, большая часть которых посвящена проблемам теории социализма. Назовем только некоторые из них: Файнбург З. К вопросу об основном противоречии социализма // Экономические науки. 1966. № 6; Файнбург З. Козлова Г. Логика «Капитала» К. Маркса и логика политической экономии социализма // Экономические науки. 1981. № 8; Файнбург З. И., Козлова Г. П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов, 1982; Файнбург З., Козлова Г. Становление новой парадигмы политической экономии социализма // Экономические науки. 1987. № 3; Файнбург З. Козлова Г. Концепция против цитаты (о современном прочтении классического наследия) // Экономические науки. 1989. № 1; Файнбург З., Козлова Г. Формационный подход К. Маркса и развитие социализма // Экономические науки. 1990. № 6.

ности. Когда возникает такая необходимость, то история рано или поздно находит себе персонажей, способных реализовать эту закономерность. Требования истории здесь неотвратимы, ибо касаются самого главного и самого существенного в социализме: либо данное конкретное общество на ступени своей относительной исторической зрелости преодолеет «культ личности» и его последствия, либо реализация социалистической тенденции его развития резко затормозится.

Весьма значительная сложность в понимании «культа личности» состоит еще и в том, что исторический персонаж, воплотивший в себе «культовое» начало, не может в конечном счете действовать как противник социальной системы, в границах которой существует культ его собственной личности, а наоборот, в меру того, как эта социальная система возвеличивает его самого, вынужден в какой-то форме заботиться о ее благополучии. По отношению к истории он может в основе своей деятельности лишь «плыть по течению», ибо только в таком его соотношении с ходом истории и с историческим временем может сложиться и функционировать «культ».

И.В. Сталин вынужден был строить социализм, отстаивать его, но делал он это так, чтобы процесс развития общества не мешал культу его собственной личности. Личный интерес здесь безусловно был приоритетен, а потому и процесс строительства социализма в какой-то степени в каких-то аспектах неизбежно деформировался,искажался. В анализе мы все время пытаемся выделить из общего потока истории это влияние «культа личности», деформирующее природу становящегося социализма. Исторически позитивное в становлении социализма достигнуто в основе своей коллективными усилиями народа и партии как его массовой организации. То, что иные историки относят к позитивной якобы роли И. В. Сталина, фактически могло бы быть значительно превзойдено при условии научного подхода к управлению обществом не только под руководством коллектив-

ного органа, но и под руководством другого персонажа. Во всяком случае, достижения общественного строя, достижения всего народа неправомерно целиком приписывать одному лицу, кем бы оно ни было. Вот почему исследование «культа личности» никак не может быть сведено лишь к психологической характеристике И. В. Сталина, его соратников и его оппонентов.

Важнее всего здесь общее марксистское теоретическое понимание эпохи в целом, социализма как его центрального явления. Автор пытался идти именно этим путем: от самого общего в формационной характеристике сущности социализма к особенному – к анализу процесса реализации социалистической тенденции истории в СССР, а от него – к частному, к «культу личности» как своеобразной «детской болезни» одного из вариантов становления социализма.

При исследовании «культы личности» камнем преткновения является и проблема его взаимоотношений с марксизмом. Одна крайность – это полное отождествление сталинизма и марксизма. По нашему мнению, эта позиция может быть объяснена только глубоким непониманием того, чем является марксизм. Другая крайность – полный отрыв сталинизма от марксизма. Объяснение этой позиции мы видим в неисторической трактовке содержания марксизма. Марксизм при этом рассматривается как некая готовая данность, а не как развивающаяся, проходящая ряд ступеней в процессе своего становления концепция. С точки зрения современного науковедения естественно предположение, что между марксизмом и сталинизмом могла возникнуть вполне определенная генетическая связь.

Автор полагает, что судьбы марксизма в России – одна из сложнейших и наиболее противоречивых проблем социальной истории нашего общества. Хотя уверения в верности марксизму, начиная уже с 1917 года, приняли воистину ритуальный характер, однако мера, степень этой верности требует самого тща-

тельного рассмотрения, как и предварительное уяснение вопроса о том, как при этом интерпретируется сам марксизм.

Читатель может согласиться с нашими предположениями и выводами, может и не согласиться. Во всяком случае, автор излагал свое понимание проблемы в целом, пытался дать именно системное представление об исследуемом явлении. Для научного подхода это, наверное, естественно и закономерно.

Несколько слов о личной позиции автора по отношению к исследуемой им проблеме.

Автор не разделяет мнения, что лучшая позиция в подобного рода исследовании – это отсутствие каких-либо пристрастий. Конечно, свои пристрастия исследователю надобно контролировать. Однако абсолютное беспристрастие в вопросах социально-политического анализа невозможно в принципе. Человек не может абстрагироваться от своей собственной субъективности, от своей биографии, от своего места в жизни. Да это и не нужно, если приводимые аргументы отражают реалии и выстроены в соответствии с принципами научной методологии.

Для автора история культа И. В. Сталина – это в определенных аспектах биография его поколения.

Мои отец и мать, как и многие старые коммунисты, погибли в 1938 г. Это предопределило круг моих интересов в науке: всю жизнь я занимался исследованием природы социализма – определенной ступени и формы развития общества.

В 1941 г., окончив 1-й курс экономического факультета МИФЛИ, я ушел добровольцем в Красную Армию. Участвовал в боях 1941, 1944 и 1945 гг. на сержантских должностях и в сержантском звании.

Вот почему, то, что написано мною о «культе» – результат не только ума холодных наблюдений, но и сердца горестных замет...

В предлагаемой читателю книге одно по возможности отделено от другого. Пытаться же целиком абстрагироваться от личных впечатлений и переживаний, от того, что в исследуемом по-

токе истории ты сам был его маленькой струйкой, мне кажется неверным. Абсолютной объективности попросту не существует: на мнениях и поступках человека всегда лежит отпечаток его места в обществе, его интересов, то есть своего рода субъективности. Зачем же делать вид, что можно отказаться от неизбежного? Что было, то было...

О самом И. В. Сталине, о «культе личности» издано за рубежом множество книг и статей. С целым рядом из них автор знаком. Однако в тексте нашей книги мы сознательно ограничились в основном ссылками к литературе русскоязычной – доступной читателю, который вслед за автором сам мог бы взвесить и оценить аргументы, концепцию в целом.

По своей форме наше исследование представляет собой совокупность очерков, связанных одной целью: исследованием сложного, многопланового и противоречивого феномена, каковым является «культ личности». Эта форма позволила нам не искать прямых, тесных текстовых связей между двумя смежными очерками, а ограничиться лишь конечной смысловой их связью. Некоторая фрагментарность изложения и небольшие повторы при этом неизбежны, но зато есть возможность сделать акцент на ключевых проблемах.

Автор выражает глубокую благодарность всем, так или иначе помогавшим ему в работе.

Очерк 1

РОССИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»)

Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы (обращено к меньшевикам и эсерам. – З. Ф.) действительно начали социальную реформу?

В.И. Ленин

В конце XIX – начале XX в. ощутимо стало назревание какого-то коренного сдвига в истории нашей планеты. Далеко не сразу этот сдвиг был замечен, а тем более сколько-нибудь полностью осознан.

Сначала осознано было самое очевидное – вступление капитализма в новую фазу его развития – фазу империализма, капитализма монополистического, загнивающего, умирающего. Но это был лишь первый шаг осознания коренного перелома в истории.

Затем на первый план выступила оценка эпохи как периода мировой социальной революции. При этом социальная революция XX в. во многом отождествлялась с политической революцией, и в частности с французской революцией 1789–1794 гг., с Парижской коммуной 1871 г. Это в чем-то безусловно было правильно, но, как показало время, не во всем. Сходство не снимало коренных различий. Дело в том, что политические революции прошли успешно в одних странах, были подавлены в других, но процесс радикальных социальных изменений, как оказалось, был шире их: он охватил мир как целое.

Сегодня мы можем более уверенно сказать: мир вступил в эпоху глобальной (именно глобальной – охватывающей мир как целое, все страны как единую совокупность, при всех их конкретных различиях) социальной революции, коренной ломки всей системы общественных отношений, ценностей, сознания. Предпосылкой этой социальной революции было новое качество производительных сил: изменение свойств и возможностей техники, обострение экологической проблемы, ставшей проблемой выживания человечества, новые требования общества к человеку и как к работнику, и как к личности. Объективной необходимостью стало более высокое развитие этой личности, ее свободы, совершенствование ее индивидуальности, субъективности¹.

Далеко не сразу, но обозначилась конечная тенденция социальной революции XX в. – становление доминирующего значения принципа колlettивизма в отношениях между людьми, социальными совокупностями, странами, становление основанных на науке отношений планомерного регулирования всей социальной жизни.

Предпосылкой этого были не сами по себе моральные критерии социальных отношений: справедливость, равенство и т.п. Коллективное (а значит, и планомерное) регулирование отношений с природой, приоритет общего (коллективного) интереса в развитии производства, регулировании экономики, решении экологических проблем становится в нарастающей степени условием поступательного развития человечества. Общество вступило в эпоху, когда интегративные тенденции не просто нарастают, но начинают определять условия человеческого существования.

¹ Среди литературных источников, на которые в данном случае можно было бы опираться, мы бы выделили (помимо уже упомянутых выше работ) книгу Н.А. Симонии «Страны Востока: пути развития» (М., 1975). В этой книге проблемы особого региона – Востока – рассмотрены на очень солидной теоретической базе, выделенной в специальную часть, где по-новому, творчески исследованы наиболее важные вопросы теории и практики современной социальной революции.

Эта историческая тенденция – тенденция фундаментальная, а не временная, реализация которой требует в совокупности и длительного времени и многообразия форм, – неотвратима.

Социальная революция протекает крайне неравномерно, неоднозначно, противоречиво, но историческая необходимость прокладывает себе дорогу через все случайности, частные тенденции мирового социального процесса. Эта социальная революция неизбежно требует изменений и в самом типе социального самосознания, изменений в основах человеческого мировоззрения.

Несколько тысячелетий господствовало религиозное сознание. Неверно сводить его только к тому или иному конкретному религиозному культу – христианству, мусульманству, буддизму, иудаизму, синтоизму.

Религиозное сознание – это определенный подход к миру и обществу: приоритет веры над знанием в понимании мира, эмпирически усвоенные нормы человеческого поведения и общежития, допущение наличия сверхъестественного, возвышающегося над естественным, приоритет изначально предопределенной истории над сознательно выбираемыми действиями и изменениями. Это сознание соответствовало характеру жизни, общественному устройству, способу движения истории в прошлом. Но с новыми условиями и требованиями общественного развития оно приходит во все обостряющееся противоречие.

Поэтому революция в производстве и социальная революция подталкивают человечество к столь же коренной революции в сознании и культуре. Суть этой революции – утверждение научного осознания мира, научно обоснованного самосознания, сознательного выбора жизнедеятельности взамен стереотипического программирования жизни религиозным (религиоподобным) сознанием и самосознанием.

Этот кратко охарактеризованный нами перелом исторического времени, преобразование старого в новое является, что естественно и закономерно, временем остройшего столкновения старого и нового, их взаимопроникновения и противоречивого,

конфликтного сосуществования – не только и не столько рядом, сколько одного внутри другого...

Ни одна эпоха формационного перехода в истории не была (и не могла по самой своей сути быть) гладкой, тихой, спокойной. Движение общества в эти эпохи отнюдь не прямолинейно: только в одну сторону, – вперед и только вперед. Эпохи формационных переходов неизбежно рождали густые облака иллюзий, а вслед за ними – потоки крови, моря грязи... Хорошо ли, плохо ли, но история, если ее анализировать на формационном уровне, не содержала в себе разнонаправленных альтернатив. История в этом смысле – направленный поток времени, оставляющий человечеству не такой уж широкий диапазон выбора, которым, однако, воспользоваться безусловно нужно. Осуществить при этом свой выбор на оптимальных началах куда как непросто...

Особенно сложно и противоречиво протекал процесс социальной революции XX в. в странах, где сочетались формы относительно высоко развитого капитализма (монополистические формы капитала, государственный капитализм, занимавшие существенное место в экономических отношениях) и весьма значительные элементы феодальных отношений. В Европе того времени можно назвать ряд стран, где та или иная форма сочетания этих во многом противоположных социально-экономических укладов была налицо. Это – Россия, Германия, Италия, Испания, Португалия, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария и др. Предельная острота классовых противоречий была поэтому характерна для каждой из этих стран. У каждой из них были свои особые конкретные варианты развития, но в этом развитии было и нечто общее. Все они прошли через крайние формы классовых столкновений, во всех них возникла революционная ситуация и либо побеждала революция, либо устанавливались крайние формы политической реакции – фашистские диктатуры. Социальная структура исключала для этих стран возможность на том этапе развития установления устойчивых форм демократии.

История всей этой группы стран с точки зрения имеющегося в ней общего требует специального исследования. Нас здесь интересует типичная в формационном смысле история одной страны из этой группы – России.

Имеется большая литература о том, почему и как Россия оказалась «слабым звеном» в цепи империализма. Повторять ее выводы нет необходимости. Однако есть смысл расширить проблему: рассмотреть соотношение эпохи в целом как эпохи социальной революции и конкретных политических революций в России.

С точки зрения уровня экономического развития Россия (как «слабое звено» в цепи империализма в начале XX в.) была явно и очевидно менее готова к перестройке общества на колLECTивистских началах, чем многие другие более развитые страны. Капитализм в России еще далеко не использовал полностью своих потенций. Тем острее и болезненнее были проявления в этой стране социальной революции XX в.

Как раз одновременное функционирование феодальных и буржуазных экономических отношений явились предпосылкой того, что в России образовалось «слабое звено» империализма и именно здесь в 1917 г. сложились наиболее благоприятные условия для успешной политической революции. В реальной истории фактически нет места альтернативе: либо «зрелость предпосылок социализма», либо «революционная ситуация». Приоритет в реальном историческом процессе всегда принадлежит политическому фактору: революционной ситуации. А с точки зрения возможного хода истории России тем более альтернативы не было: приоритет в сознательном выборе, отданый материальным предпосылкам социализма в отрыве от революционной ситуации, вступил бы в антагонистическое противоречие со стихийными революционными устремлениями масс.

Реальный ход истории в начале XX в. закономерно – отнюдь не случайно – не совпадал с абстрактным постулатом о желательности сразу наиболее полного совпадения высокого уровня экономического развития и критической политической ситуа-

ции. Теоретическая схема перехода к обществу нового типа столкнулась с реальной исторической практикой в острейшем конфликте.

Либо должна была произойти «опережающая революция», то есть произойти коренные изменения в политических отношениях, значительно опережающие создание соответствующего экономического базиса. Либо на основе подавления революционной ситуации сохранилась бы старая политическая надстройка – заведомо реакционная политическая система, тормозящая любое (в том числе и капиталистическое) экономическое и социальное развитие. Такова была альтернатива в России – третьего варианта не было.

Мы полагаем, что рассуждения о том, что надо было бы в России ограничиться Февральской революцией, попросту наивны с позиций подлинного историзма. Февраль в России, поскольку он не сопровождался коренными социально-экономическими реформами, заведомо уже предполагал Октябрь. Послереволюционное развитие могло бы протекать по-разному (см. очерк 7), но вторая революционная волна была неизбежна. В Феврале не была решена ни одна из назревших социальных, политических и экономических проблем, а потому Россия, если так можно выразиться, была обречена на второй всплеск революции, причем, как мы полагаем, именно осенью 1917 г.

Революционная стихия взметнулась в феврале 1917 г. Мир и земля – вот два главных вопроса, которые надо было срочно решить в крестьянской России. Однако не только весенний сев 1917 г. прошел все на тех же, что и до революции, наделах, но и прошел снова без хозяина: он по-прежнему был на войне. Эти проблемы не были решены и к осенним сельхозработам. Зяблевая вспашка, сев озимых... на чьей земле? кто будет пахать и сеять?.. Очередное обострение революционной ситуации и взрыв конфликтной ситуации осенью назревали неотвратимо.

Учредительное собрание (уже в январе 1918 г.), отказавшись подтвердить декреты Советской власти о мире и земле, фактиче-

ски лишило себя активной политической поддержки. Ведь и без того оба эти декрета с точки зрения сроков крестьянских работ существенно запоздали. Большевики не придумали основные лозунги новой революционной волны – Земли и Мира: они подхватили лозунги массы, причем массы, в большинстве своем либо вовсе не имевшей представления, что такое социализм, либо имевшей о нем самое смутное (и заведомо утопическое) понятие.

Из концепции «слабого звена» в цепи империализма следует важнейший вывод о том, насколько трудно, какими опасностями чревато начинающееся в результате политической революции формирование элементов социализма. Строительство социализма неизбежно должно было протекать в условиях не просто противоречивого сосуществования с капитализмом (о закономерности такого сосуществования старой формации и новой в реальной истории писали еще К. Маркс и Ф. Энгельс), а в условиях капиталистического окружения, когда соотношение сил (в том числе и военных) долгое время неизбежно будет в пользу капитализма. Отсюда – постоянная потенциальная угроза попыток военного разрешения противоречия, неизбежное экономическое, политическое и идеологическое давление извне на страну, стремящуюся к социализму, уверенность в себе внутренней контрреволюции, знающей о готовности «извне» поддержать ее, «если надо будет». «Внешний» фронт классовой борьбы долгое время неизбежно должен был характеризоваться предельной остротой. В любых условиях конфронтация капитализма и социализма, как исторически обусловленное противостояние, не может быть полностью снята. А в условиях реальной ситуации начала века – экономической слабости страны, где произошла революция, внутренней политической «неравновесности» в ней, одиночества и капиталистического окружения – оно неизбежно должно было быть достаточно острым. Это не могло не сказываться во «внутренней» политической и идеологической обстановке строительства социализма и стимулировало ужесточение политического

режима, создавало предпосылки для и без того необходимой централизации.

Строительство социализма в условиях капиталистического окружения неизбежно должно было способствовать не столько отмиранию государства, как это полагала теория социализма (рассматривающая социализм в чистом и развитом виде), сколько усилению государства, его приоритетности как политического института.

Управление обобществленной экономикой в этом случае вынуждено будет осуществляться (при любом хозрасчете, любой товарности и конкуренции) при вполне определенной и очень значительной роли административного государственного аппарата, что создает объективные основания для существования и постоянного воспроизведения бюрократии. Но главное – это то, что инструменты грубой силы в политике – органы безопасности и армия – в условиях строительства социализма в одной стране будут развиваться и действовать, выступая не только вовне, но и «внутри», во внутриполитическом развитии, как могущественные политические факторы. Они, конечно, должны будут существовать прежде всего для «внешних» функций, но реально отделить «внешнее» от «внутреннего» в историческом процессе оказывается невозможным. При желании (и соответствующей политике внутри страны) можно, конечно, было бы ослабить, организационными мерами свести к минимуму их роль во внутриполитической жизни, однако при «другом» желании эту их роль столь же натуральным путем можно гипертрофировать, довести до предела, использовать как решающие «аргументы» в борьбе за политическое влияние, за власть.

В некоторых литературных источниках изображается дело так, будто бы сложность строительства социализма в России застигла вовсе врасплох РСДРП (б) и В.И. Левина, что даже и самую возможность победы социализма в одной стране В.И. Ленин увидел лишь в 1915 г. (статья «О лозунге Соединенных

Штатов Европы»). Это, на наш взгляд, противоречит не только логике, но и реальному ходу истории.

Уже революция 1905–1907 гг. шла без видимых шансов получить прямую поддержку в виде аналогичных революций на Западе. Революционная ситуация явно и очевидно отсутствовала в эти годы и в Европе, и в США. В этой обстановке политические руководители РСДРП (б) не могли в той или иной форме не обсудить складывающуюся политическую ситуацию и возможные тенденции ее развития. В литературе нет официальных документов, которые бы прямо об этом свидетельствовали (надо сказать, что нынешний уровень публикаций документов и особенно материалов личных архивов вообще трудно назвать удовлетворительным, к тому же очень много ценнейших документов и материалов погибло во время репрессий 30-х и 40-х годов), однако в нашем общем пользовании все же есть, как мы полагаем, достаточно весомое косвенное свидетельство.

...В 1907 г. была написана и в 1908 г. опубликована книга видного деятеля РСДРП (б) того времени, одного из ее организаторов в революции 1905–1907 гг., члена ЦК РСДРП А.А. Малиновского (Богданова по псевдониму) «Красная Звезда». По своему жанру это социально-утопический роман. Скорее всего именно жанр отпугивал раньше исследователей политической истории этого времени, тяготеющих к архивам и официальным документам, но мы в данном случае считаем жанровую принадлежность произведения вторичной. Важны развитые там идеи, судьба этих идей.

В романе один из представителей высокоразвитой коммунистической цивилизации Марса, ученый (математик и астроном), дает вполне конкретную перспективу развития социалистической революции на Земле. Пусть простит нам читатель длинные цитаты, но мы постараемся дать возможно полно эти оценки (якобы «со стороны») перспектив революции на нашей планете.

Оценка начинается с констатации острой неравномерности политического развития земной цивилизации, национальной и

государственной разобщенности социального развития, огромной, решающей роли вооруженного насилия в этом развитии. Отсюда следует вывод о характере социальной (в данном случае социалистической) революции: «...предвидится не одна, а множество социальных революций, в разных странах в различное время, и даже во многом, вероятно, неодинакового характера, а главное – с сомнительным и неустойчивым исходом... Отдельные передовые страны, в которых социализм восторжествует, будут как острова среди враждебного им капиталистического, а частью даже докапиталистического мира. Боясь за свое собственное господство, высшие классы несоциалистических стран направят свои усилия, чтобы разрушать эти острова, будут постоянно организовывать на них военные нападения... Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием – варварским патриотизмом. Это будет далеко не наш социализм»².

Далее речь идет о неизбежных в ходе строительства социализма трудностях по вовлечению в орбиту социалистических интересов того населения, которое образует «...почти во всех, даже наиболее передовых странах Земли»³ большинство. Об этом населении сказано: «...не успевшие разложить остатки класса мелких собственников, массы наиболее невежественные и темные... Эти массы, по своей сущности консервативные и даже частью реакционные, чрезвычайно болезненно воспринимают всякий быстрый прогресс...»⁴. В этих условиях переход к социализму на Земле (напомним, фактически в оценке А.А. Богданова – Малиновского, а не некого литературного героя) займет где-то 200–300 лет. И дальше оратор (описано обсуждение проблемы на форуме ученых Марса) предлагает ...истребить на-

² Богданов Л. Л. Красная Звезда//Русская литературная утопия. М., 1986. С. 282.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 283.

селение Земли, как не готовое к социализму... Истребить «низших» ради процветания «высших»⁵.

Участвующие в обсуждении отвергают эти рекомендации как принципиально неприемлемые для социалистического мировоззрения и приходят к выводу, что в конечном счете (пусть не быстро и дорогой ценой) народы Земли все же придут к истинному социализму...

Известно (документально), что В.И. Ленин еще в 1908 г. на острове Капри прочитал этот роман, привезенный ему самим А.А. Богдановым, беседовал с автором, оценил роман положительно. Во всяком случае, никаких замечаний и возражений В.И. Ленин не оставил.

Мы полагаем, что и текст произведения А.А. Богданова, и реакция на этот текст В.И. Ленина свидетельствуют о том, что размышления о будущей революции (а может быть, и прямое обсуждение ее проблем в ходе революции 1905–1907 гг. в самом тесном кругу большевиков-интеллигентов-теоретиков) привели к сформулированным А.А. Богдановым характеристикам гипотетического будущего – туманным и грозным (увы, оправдавшимся в самом худшем из возможных вариантов). Стоит отметить, что в такого рода обсуждении в 1905–1907 гг. не мог участвовать ни один из будущих ведущих персонажей политической борьбы 20-х годов – ни Л.Д. Троцкий, ни И.В. Джугашвили – Сталин, ни Г.Е. Зиновьев, ни Л.Б. Каменев, ни Н.И. Бухарин: они были либо еще молоды в то время, либо были тогда далеки от В.И. Ленина.

Мы полагаем, что В.И. Ленин не мог начисто забыть колективные (с его участием в том числе) предвидения, сделанные во время революции 1905–1907 гг. В 1915 г. эти выводы были лишь повторены им в краткой форме, тем более что развернутый анализ империализма в 1912–1915 гг. позволил их обогатить и конкретизировать. Мы полагаем, что некоторые идеи этого предвидения в чем-то помогали В.И. Ленину в ходе революции

⁵ Там же. С. 284–285.

более гибко, чем большинству его коллег, принимать решения в ряде острых конкретных политических ситуаций. Обобщенный, много раз продуманный и не раз обсужденный опыт революции 1905–1907 гг. позволял В.И. Ленину, хотя бы в самой общей форме, представлять себе, какие грозные подводные камни может встретить на своем пути революционный поток, какую строгую и одновременно гибкую, научно обосновываемую каждый раз политику надо проводить, чтобы находить оптимальные для перспективного развития в сторону социализма решения...

Главной сложностью послереволюционной ситуации было то обстоятельство, что революция, поскольку ее целью, конечным ориентиром (а в определенной мере и актуальной практикой) было коллективистское общество, поставило проблему управления социальным процессом. Роль субъективного факто-ра менялась в корне, и нужно было заново, причем впервые в истории, искать конкретные формы и методы (технологии) реализации этого принципиально нового обстоятельства. Небольшая по численности партия большевиков была плохо к этому готова и организационно и теоретически.

Октябрьская революция 1917 г. в России привела к возникновению избыточно централизованного общества нового типа с остро противоречивыми базисом и социальной структурой. Высокая степень централизации обобществленного государством сектора экономики в какой-то мере была вынужденной и необходимой. Только она могла не просто противостоять стихии патриархального и мелкотоварного крестьянского производства, но одновременно и способствовать его позитивному экономическому развитию. Надо было обеспечить направленное планомерное централизованное экономическое воздействие на мелкое крестьянское производство, создававшее предпосылки и условия повышения его товарности, то есть роста его обобществления. Централизация была необходима, чтобы опосредованными, экономическими средствами направленно воздействовать на индивидуальный интерес, реализуемый через рынок, через товарные

отношения. Только взвешенная и строго научно централизованная политическая линия была способна в обстановке столь значительной разнородности интересов не дать взорваться новой гражданской войне.

В итоге сложилась благоприятная обстановка для нового издания политической абсолютной власти, «социалистического абсолютизма». Основы такой власти обосновывались в самом общем виде теорией марксизма-ленинизма в качестве концепции диктатуры рабочего класса как обязательного условия движения к социализму в мелкобуржуазной стране.

По самой своей природе такая необходимо возникавшая новая политическая структура не могла не быть глубоко внутренне противоречивой. С одной стороны, они по принципу привлекала к участию в управлении широкий круг трудящихся, с другой – она представляла собой жесткую, предельно централизованную диктатуру, призванную управлять социальным процессом как целым, всеми его основными сторонами, всеми основными его тенденциями.

Для сознательного и последовательного участия в управлении массы должны быть подготовлены.

Но даже в развитых капиталистических странах сегодня (а не только в начале века) трудно назвать степень такой подготовленности для демократических форм правления достаточно высокой. А в такой стране, как Россия, степень подготовленности масс к активному участию в управлении и вовсе была низка: представление о конечной цели революции – о социализме – было полуутопическим, идеализированным, статичным, политическая культура была в основе своей добуржуазной, навыки самоорганизации неразвиты.

Многовековое господство абсолютизма феодального типа сформировало и политические навыки населения, и стереотипы поведения в системах управления, и социальные ценности и установки. Перескочить через наследие абсолютизма сразу даже к эффективной демократии буржуазного типа было невозможно.

Свобода с точки зрения сложившегося в условиях абсолютизма сознания – это отказ от дисциплины, от чувства ответственности, от уважения другого человека, его мнения. Сознательное принятие рамок поведения, моральных ценностей, понимание своей ответственности перед обществом, без чего невозможна ни буржуазная, ни социалистическая демократия, в России в толще народа (а особенно у мелкобуржуазной массы) не то чтобы вовсе отсутствовали, но и развиты тоже не были.

Для управления обществом в интересах рабочего класса и всей массы трудящихся, для органов, которым это управление делегировалось, нужна была научная теория социализма и его строительства применительно к условиям данной страны. Вопреки живучим и до сих пор иллюзиям классики марксизма такой готовой теории не оставили, не могли оставить, не пытались оставить. Ее еще надо было самостоятельно выработать в ходе руководства социалистическим строительством на основе усвоения марксистской методологии социального анализа.

Фактически требовалось не на один порядок поднять интеллектуальный уровень и управления, и общества в целом. Сделать это при любых обстоятельствах было нелегко, а в условиях такой страны, как Россия (именно по ее формационному типу, а не по индивидуально-национальным традициям), – и вовсе трудно. Избежать отождествления интеллигенции и интеллигентности с дворянством, буржуазией и т.п. в условиях высокой остроты классовых противоречий ло попросту невозможно.

С другой стороны, стремление интеллигенции к сорудничеству с новой властью было куда как не безусловным. Да и отнюдь не безусловной была и ее готовность к работе в новых условиях.

Материальное положение интеллигенции в резуль: тате политической революции, ориентированной на со/ циализм, не улучшилось, а заметно ухудшилось. Это I: ухудшение произошло в значительной части «естественному путем», то есть как следствие общей разрухи, наиболее тяжело отражавшейся на том слое, у

которого в руках не было «хлебоносных» навыков. Меры поддержки Советской властью интеллигенции {далеко недостаточные и охватывавшие сравнительно малую ее часть) не могли, конечно, сколько-нибудь полно компенсировать ее материальные потери. Поэтому старая интеллигенция, коль уж она поддерживала Советскую власть или хотя бы мирилась с Советской властью, исходила из своих оценок нового социального строя, прежде всего из степени его духовности, идейности, нравственности, патриотичности, его способности обеспечить рывок вперед по пути прогресса и страны, и народа, и самой интеллигенции.

Утопизм, идеино-теоретическое и организационное сектантство, сильные антиинтеллигентские настроения в самой партии сильно мешали тому повышению уровня интеллектуальности управления, повышению степени научной обоснованности продвижения общества вперед, без которых прогрессивное развитие фактически было невозможно.

Рабочий класс, социалистическую тенденцию которого должна была использовать для организации власти политическая надстройка, составлял явное меньшинство и в общей структуре населения, и в составе занятых. Гражданская война еще больше сократила численность кадровых рабочих. Пополнение же его и за счет вчерашних крестьян, и за счет городского мещанства резко ослабляло его позитивные качества как класса, осознавшего свою природу и свои перспективные цели, как класса организованного. В свою очередь, это отнюдь не способствовало активизации его политической функции.

Переход к мирному строительству вновь ужесточил требования к рабочему как работнику производства: он должен был трудиться с заданной интенсивностью, стоять у станка всю основную часть рабочего дня. (Не случайно в черновых набросках В.И. Ленина мы находим попытки поиска варианта, который позволил бы рабочему сверх своего труда у станка участвовать и в управлении. Ведь единство участия в труде и участия в управлении каждого – одно из самых фундаментальных условий, де-

лающих общество действительно коллективистским.) При этом значительная (основная) часть рабочего класса не умела управлять (поскольку не располагала даже минимумом соответствующих знаний), а известная часть еще и не хотела управлять: ее вполне устраивала ее социальная роль рабочего, рабочей силы – был бы заработка побольше!..

Класс крестьянства, получивший наконец землю, со своей стороны хотел лишь беспрепятственно хозяйствовать на этой земле. Только при этом условии готов он был поддерживать Советскую власть и реально ее поддерживал в обстановке гражданской войны. Идея социализма не имела конкретных, прямо видимых связей с его текущим, реальным хозяйствованием. Она была для крестьянина мало понятной абстракцией, ибо социальное самосознание крестьянина ограничивалось его двором, его хозяйством, его участком. Он соглашался участвовать хотя бы и в непонятном ему «социалистическом строительстве», но только на условиях прямой личной выгоды. Простейшим же путем повышения уровня этой выгоды (и наиболее перспективным с точки зрения будущих социалистических экономических преобразований – на пути кооперирования) было развитие рыночных отношений.

Об участии крестьянства в политической жизни, политической организации очень ясно и точно в свое время писал еще К. Маркс: «...тождество их интересов не создает между ними никакой общности... никакой политической организации... Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный

свет»⁶. Хотя это написано было о французском парцеллярном крестьянстве середины XIX в., как характеристику политического сознания и самосознания определенного типа ее можно отнести к крестьянству вообще.

Веками русское крестьянство жило в условиях абсолютизма, монархии, – сильной централизованной власти. Своего рода «привычка» к абсолютной централизованной власти была в те годы еще весьма и весьма прочной. Массовые обращения (притом личные – через ходоков) по самому малому конкретному делу непосредственно к представителям самого высокого уровня государственной власти – представителю Совнаркома, председателю ВЦИКа, типичные для первых лет революции и Советской власти, безоговорочно свидетельствовали о наличии и живучести абсолютистского политического самосознания.

Перспектива органического перевода полупатриархального русского крестьянства из класса в основном феодального в социальную группу (класс) социалистического типа при любых условиях не могла быть ни простой, ни быстрой, ни легкой.

Сложная и противоречивая социальная структура, противоречивая социальная ситуация неизбежно должны были найти выражение в характере и соотношении основных составляющих политической организации – политических партий и государственных органов.

Напомним, что в условиях России не было сколько-нибудь значительной традиции политического взаимодействия различных партий. В России политические течения вообще начали организационно оформляться поздно: в последние годы XIX в. возникла РСДРП (в 1903 г. разделившаяся на большевиков и меньшевиков), в 1901–1902 гг. – партия эсеров, в конце 1905 г. – две главные буржуазные партии, октябристов и кадетов. Фактически в условиях легальности они взаимодействовали очень и

⁶ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 8. С. 208.

очень недолго. Крайняя непримиримость к малейшим вариациям политических программ была следствием этого. Поэтому по устойчивости и прочности политических традиций не столько партии, сколько государственные органы фактически выступали в России в качестве главных политических институтов. Это отнюдь не способствовало многопартийности, да и вообще какому-либо политическому многообразию (в том числе и внутри правящей партии).

Отсутствие в России, с одной стороны, сколько-нибудь развитых демократических политических традиций, а с другой – крайняя политическая нетерпимость и крайнее ожесточение классовой борьбы в годы революции и гражданской войны явились дополнительными предпосылками формирования к началу мирного социалистического строительства однопартийной системы (сначала фактически, а затем формально). В предшествующей истории не было precedента, чтобы одна партия – политический авангард одного класса – должна была бы не просто реализовать относительно ограниченный и конкретный интерес своего класса, но и выразить и реализовать конечный интерес всех трудящихся классов, всего общества. Управление в интересах всего общества требовало демократических форм[^] политической организации, а принцип однопартийности «сам собой» подталкивал к ограничению – большему или меньшему – демократии.

Совсем не случайно политический лидер новой правящей партии – В.И. Ленин – считал, что в новой России реально в центре политической системы будет находиться не партия непосредственно, не законодательная власть, а власть исполнительная. Совет Народных Комиссаров и был средоточием этой власти. За реальное и повседневное управление страной он и отвечал в первую очередь. Предложения заменить эту систему власти прямой «диктатурой партии» были фактически проявлением мелкобуржуазной «левизны», проявлением утопического псев-

дореволюционного «нетерпения» («нетерпения» как нежелания считаться с объективными законами и условиями социального развития). Однако у этих предложений была и определенная почва под ногами. Другое дело, что в конце концов на самом деле произошло нечто внешне противоположное, но по реальному эффекту – сходное: произошло огосударствление партии. Партия фактически взяла на себя все основные политические функции государства, оставив за собственно государством лишь второстепенные исполнительские функции.

Создать политическую партию, способную разрешить оптимальным путем противоречие между тенденцией к демократии и тенденцией к диктатуре, было бы чрезвычайно трудно при всех условиях. Фактически же условия для такого оптимального варианта были минимальны. Достаточно было В.И. Ленину уйт с политической арены, чтобы шансы на позитивное и конструктивное разрешение этого противоречия стали реально близки нулю.

В своей прежней численности, не только предреволюционной, но и после окончания гражданской войны, коммунистическая партия – сначала РСДРП (б), затем РКП (б), – попросту не смогла бы реально выполнять функцию правящей партии. Партия, добивающаяся участия каждого в управлении, должна, если говорить серьезно, обязательно присутствовать в каждой сколько-нибудь заметной первичной социальной группе. Ее представители должны здесь, конкретно, на месте, внутри этой группы, играть роль политического авангарда. Малочисленная партия (каковой она неизбежно была в условиях подполья), чтобы справиться в качестве правящей партии с выдвинутыми ею самой целями движения масс, должна не только дорасти численно до какого-то оптимального уровня соотношения со всей численностью населения страны, занятого населения, но и удовлетворять очень строгим требованиям в отношении ее качественного состава.

Фактически же шел такой рост рядов партии, который вызывал серьезные негативные структурные изменения в ее соста-

ве. Характер этих изменений четко был охарактеризован В.И. Лениным в письмах к В.М. Молотову в марте 1922 г. в связи с постановкой на XI съезде РКП (б) вопроса об итогах чистки и укрепления партии⁷. Три тезиса из этих писем для нас в данном случае особенно важно напомнить: о неизбежности значительного притока в партию мелкобуржуазных элементов, тем более что речь идет о партии правящей; о неизбежном при этом снижении уровня политической грамотности и воспитанности партии – более значительном «в общем и среднем... чем необходимо для действительно пролетарского руководства в такой трудный момент»⁸; о том, что «в настояще время пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»⁹.

Ситуация в итоге оказывалась парадоксальной: число тех, кто должен был быть ведущим, пополнялось за счет людей все менее и менее к этой роли подготовленных – и по своей социально-классовой принадлежности, и по усвоенной ими политической культуре, и по своим знаниям, и по своим ценностям. Одновременно неизбежно снижался удельный вес «старой гвардии».

Весьма существенным обстоятельством, влиявшим негативно на качественный состав партии, был приток в нее тех, кого не интересовали никакие теории и концепции, но интересовала близость к власти, карьерные соображения. Особенно негативными качествами в этом отношении отличались люмпенизированные элементы сельского населения, стремившиеся стать хоть

⁷ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 17–21.

⁸ Там же. С. 19.

⁹ Там же. С. 20.

каким-нибудь «начальством». Материалы Смоленского архива¹⁰ ясно это показывают. И не случайно впоследствии именно из этого рода люмпенов, пробравшихся в партию, не в малой степени потом вербовались наиболее безоглядные уполномоченные по раскулачиванию, наиболее исполнительные уполномоченные по хлебозаготовкам, наиболее жестокие представители карательных органов и т.п.

При таких тенденциях в составе партии, да еще и срацивании партии и государства любые альтернативные политические предложения выглядели для обновленной партийной массы по меньшей мере злостной оппозицией единственно возможной истине, а то и просто политической ересью, достойной костра.

Таким образом, внутреннее развитие страны не самого зрелого капитализма, каковой и была Россия, в ходе реализации во многом утопических установок на социалистическое будущее «само собой» формировало объективные предпосылки превращения диктатуры класса в диктаторство отдельной личности. Причем эта трансформация диктатуры в диктаторство прежде всего шла через партию как политический институт¹¹.

Наконец, серьезнейшим фактором, определившим политическую ситуацию 20-х годов в России (и тоже в каких-то основных своих элементах типичного для любой страны этого уровня развития, вступившей на путь социалистических преобразова-

¹⁰ Документы Смоленского архива (архив обкома ВКП(б) Я других организаций) были захвачены в 1941 г. гитлеровской армией. После окончания войны попали в США. Одна из первых публикаций в СССР некоторых извлечений из американских публикаций по этим архивам: Зараев М., Шведов С. Тяжелая ноша. Документы Смоленского архива – о событиях шестидесятилетней давности, предшествовавших коллективизации // Огонек. 1989. № 26. С. 4-7.

¹¹ В.И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти» специально уделил внимание соотношению диктатуры класса и диктатуры отдельных лиц. Отсылаем читателя к этим идеям В.И. Ленина. Для иллюстрации здесь приведем лишь небольшую эрму принуждения определяется степенью развития (Эволюционного класса, затем такими особыми обстояли, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии и мелкой буржуазии. Поэтому решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц не т» (Полн. собр. соч. Т. 36. С. 199).

ний), является специфический тип общей и политической культуры, политического самосознания широких масс. Это самосознание было сложным переплетением поверхностно усвоенных некоторых немногих идей научного социализма, значительных элементов утопического социализма (их усвоение было более доступно, более естественно для обыденного сознания), добуржуазной крестьянской и мелкобуржуазной идеологии, религиоподобного понимания характера социальных процессов и отношений в обществе¹².

Для анализа происхождения и природы «культа личности» особенно важно выяснить, каким образом сочетались в массах революционное и религиоподобное сознание? (Элементы утопизма в сочетании с исходными формами марксизма мы специально исследуем ниже.)

Для широкой массы трудящихся, быстро втянутой в политическую жизнь, политические действия, типичным было «лозунговое» освоение идей социализма. О таком именно понимании марксизма (и идей социализма в целом) очень точно писал В.И. Ленин: «Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм... крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и не поняв марксистских критерииев этих ответов»¹³. Надо подчеркнуть, что такое понимание идей и научного и утопического социализма было типично не только для широ-

¹² Типичной постановкой вопроса о приоритете уровня культуры для создания реальной социалистической перспективы в России 1917 г. является книга М.И. Туган-Барановского «Социализм как положительное учение» (Пг., 1918). Она, помимо самого содержания, очень любопытна еще и тем, что писал ее М.И. Туган-Барановский летом и осенью 1917 г., то есть одновременно с работой В.И. Ленина над «Государством и революцией». Считая несвоевременным приход партий социалистической ориентации к власти (любых: писано это в августе 1917 г.), в качестве основного препятствия в продвижении России к социализму М.И. Туган-Барановский рассматривает неразвитость культуры до минимально необходимого уровня, неразвитость социального самосознания (см.: Указ. соч. С. 122–126).

¹³ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 88.

кой массы трудящихся, но оно во многом было характерно и для не слишком грамотной, не самой культурной, мелкобуржуазной по духу (независимо от классового происхождения) части самой партийной массы. После революции в связи с быстрым ростом рядов партии число людей в ее рядах, именно так понимающих марксизм, резко выросло. «Лозунговый» тип политического мышления не раз впоследствии описывался, не раз высмеивался в литературе, однако он достаточно долго был единственной возможной реальностью для широкой массы, единственной для нее доступной формой политического самосознания.

К моменту революции уровень культуры, уровень грамотности, уровень политического самосознания масс таковы, что осознать себя участвующим в деятельности коллективистского общества эти массы могут только путем принятия на веру общих философских и политических идей социализма. Эти идеи должны были подкрепляться обещанием какой-то близкой и прямой практической выгоды в будущем. Другим методом познания мира, кроме постоянного движения сознания между верой и критерием прямой пользы (осозаемой, материальной), массы по уровню и типу своей культуры попросту еще не располагают. Этот процесс постепенного постижения массами революционной идеологии через инструментарий религиоподобного сознания в свое время был исследован еще Антонио Грамши, причем вывод из этого исследования сделан им однозначный: «...массы как таковые не могут усваивать философию иначе, как веру»¹⁴.

К моменту революции даже у идеологического ядра движения, не говоря уж о широких массах, не может еще завершиться перестройка на научную основу всей системы сознания: элементы религиоподобного сознания еще очень и очень велики. Религиоподобное сознание – одно из оснований и утопических представлений о самой революции. В.И. Ленин категорически отвер-

¹⁴ Грамши А. Избранные произведения. В 3 т. М., 1959. Т. 3: Тюремные тетради. С. 29.

гал попытки сознательного возведения социализма в ранг новой религии, однако отмечал в работе «Об отношении рабочей партии к религии», что для «неразвитой массы» религиозное (религиоподобное) отношение к социализму может быть формой перехода от религии к социализму¹⁵.

Это делает закономерной внутреннюю конфликтность сознания людей, творящих новое, стоящих, однако, при этом по колени в старом, а поэтому сплошь и рядом боровшихся со старым его же, старого, собственными методами. «Культ личности» и есть в некотором смысле попытка реализации социалистической тенденции истории феодальными (по происхождению, по типу культуры, по исторической форме сознания и идеологии и т.п.) методами: феодальная по типу политическая организация общества, абсолютная личная власть осененного высшей благодатью «Великого Вождя», политическая партия как некий аналог религиозно-культового военизированного ордена («корден меченосцев» по И.В. Сталину), религиоподобное восприятие самой идеи социализма и т.д. и т.п.

Религиоподобное сознание почти лишено возможности проверить соответствие тех или иных идеологических постулатов реальным потребностям практики. На этом уровне развития сознания массы не в состоянии различать науку об обществе и собственно идеологию, видеть в их единстве и внутреннюю противоречивость, и определенную взаимозависимость.

Возникает эффект светской формы религиозного сознания (такое понятие в 60-е годы было предложено Ю.Ф. Карякиным применительно к сфере политического действия, политического руководства социальным движением, социальным процессом). Эта форма сознания и образует одну из главных предпосылок «культы личности».

¹⁵ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 17. С. 422–423.

Для России по типу ее формационного развития было характерно преобладание добуржуазного (патриархального) сознания, к которому добавлялось сознание мелкобуржуазное (и городского мещанства, и значительной части рабочего класса, и немалой части интеллигенции). И та и другая формы сознания суть сознание атомизированной по своему положению в обществе массы. Обособленность в производстве, в экономических отношениях формирует и соответствующее политическое сознание.

Для полунатурального крестьянского хозяйства, связанного с остаточными формами общины, характерна ориентированность преимущественно на собственное потребление. Стимулов роста производства, повышения производительности труда и т.п. в нем очень мало. От феодальных отношений оно унаследовало отношение к праздности как социальной ценности, от общинных отношений – тяготение к элементарной уравнительности, зависть к более удачливому и благополучному. Это такое хозяйство, которое надо еще поднимать и поднимать до уровня буржуазности, формируя в нем не чисто потребительский, а товарно-накопительский интерес. Только таким путем можно было из сознания крестьянина вытеснить бесплодную зависть, заменив ее тяготением к стимулирующей развитие экономической конкуренции. Добуржуазный индивидуальный интерес был замкнут на себя и в прямую связь с коллективностью как формой жизни общества поставлен быть не мог.

Мелкобуржуазное сознание – другой вид массового сознания в России – было значительно более широко распространенным явлением, чем сама социально-классовая группа мелкой буржуазии. Этот тип сознания распространялся на изрядную часть класса крестьянства, стимулировался идеологической системой капитализма и в среде рабочих, и в среде интеллигенции. Мелкобуржуазное сознание масс вполне обеспечивало буржуазии сохранение ее классового господства.

Крестьянство и мелкая буржуазия атомизированы, поэтому в политике они нуждаются в недосягаемо высоко вознесенных над ними политических лидерах. Именно атомизированное и прагматизированное политическое самосознание масс – добуржуазное и мелкобуржуазное – создает необходимые предпосылки для возникновения и становления «культа личности». Это самосознание выражает себя в политической жизни тем, что создает основания для формирования особого слоя, особого клана политических лидеров, интерпретируемых в качестве «великих вождей», вознесенных над массой. Этим «вождям» – в обмен на их всеведение, их способность к организаторским функциям, их способность взять на себя ответственность за общие политические решения – делегируется вся возможная полнота власти. С религиоподобным трепетом от этой власти ждут очевидного, зrimого, осязаемого, конкретного социального результата.

Таковы в самом общем виде объективные исторические предпосылки и основания, позволяющие считать возникновение «культа личности» явлением закономерным. В изложенных выше характеристиках общественного процесса речь идет о закономерном, о типическом. Условия России – не более чем особенное в рамках охарактеризованного объективного всеобщего. Другое дело, что у «культа личности» есть не только объективные, но и субъективные предпосылки.

Очерк 2

ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ!

БОРЦЫ ЗА ИДЕЮ И СОИСКАТЕЛИ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

(СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»)

...Кто они? Роковые злодеи? Нет. Фанатики революций? Нет. Кто же они? Они – выросшие до гигантских размеров обыватели... Они пытаются насиливать весь мир. Ради каких идеалов? Ради каких подвигов? Может, ради утопического мирового коммунизма? Чушь. Вот уж во что они меньше всех на земле верят...

Э. Неизвестный

Фактическое возникновение целой системы «культы личности» не сводится лишь к объективным предпосылкам. Закономерное отнюдь не означает безоговорочно неотвратимое, тем более в крайних формах. Какие-то проявления, стороны, элементы «культы» неизбежно будут реализованы, если есть его объективные предпосылки, ибо в целом явление закономерно, но в своей наиболее грубой, крайней и полной форме «культ личности» как системная деформация социализма отнюдь не неотвратим.

Дело в том, что предпосылки «культы личности» только тогда реализуются полной мерой, когда «культовое» настроение масс, их «культовое», религиоподобное отношение к руководителям как к «вождям» встречает интенсивное встречное движение того или иного руководителя – представителя клана «вождей» – к абсолютной личной власти. Только соединение, слияние этих двух встречных тенденций рождает «культ личности»,

выраженный тогда уже обязательно в том числе в форме абсолютной личной власти того или иного руководителя, приобретающего статус «великого вождя».

В истории революционного движения известно, например, что имело место шедшее «снизу» «культовое» отношение к К. Марксу и Ф. Энгельсу. Оно было спонтанным и в среде революционеров того времени весьма распространенным. Такое «культовое» отношение к тем или иным руководителям в эпоху революции возникает «снизу», возникает объективно. Однако сами К. Маркс и Ф. Энгельс решительно противодействовали такому отношению к себе, вели с таким отношением открытую борьбу, не позволяя перерасти этой готовности к «культуре» в «культ» как систему.

Вот несколько выдержек из написанного Ф. Энгельсом на эти темы: «И Маркс и я всегда были против всяких публичных демонстраций, посвященных отдельным лицам... но больше всего мы были против таких демонстраций, которые при нашей жизни касались бы лично нас»¹. «...Не Маркс навязывает людям свое мнение и уж тем более свою волю, а эти люди сами приходят к нему. И именно на этом основано своеобразное и крайне важное для всего движения влияние Маркса»².

А вот выдержка из письма К. Маркса В. Блосу (от 10.11.1877 г.): «...из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран...»³.

И одновременно с этим противодействием К. Маркса и Ф. Энгельса взвести отношение к ним до уровня «культы» в германском рабочем движении существовал подлинный «культ личности» Фердинанда Лассала, созданный и поддерживаемый при его собственной, прямой, личной инициативе (см. сводку

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 270.

² Там же. Т. 35. С. 190.

³ Там же. Т. 34. С. 241.

высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о культе Ф. Лассала в Приложении).

Но если такого рода настроения были обычны для революционного движения еще и до революции, если борьба с ними – одно из условий сохранения этим движением своей подлинно революционной направленности, то тем сильнее и опаснее становятся эти настроения после победившей революции.

Управление революцией невозможно без централизации, но и именно поэтому и саму революцию, и ее успехи легко отнести в адрес тех или иных руководителей. Вокруг личности руководителя возникает своего рода ореол предрешенного успеха. Руководитель – первый среди равных – при этом особенно легко и естественно трансформируется в глазах масс в «Вождя» – необыкновенное и непогрешимое существо, поднятое над обычными людьми. Неизбежный для победившей революции приток значительного числа новых людей в победившую и ставшую правящей партию ведет к интенсивному распространению в рядах партии «культового», религиоподобного отношения к руководителям как «вождям» прежде всего. В глазах наделенной индивидуалистическим мелкобуржуазным сознанием массы само понятие партии зачастую отождествляется со сравнительно узким кругом руководителей-«вождей». Порой оно и вовсе отождествляется с каким-то одним историческим политическим персонажем.

И вот тут-то и создается остройшая в политическом отношении ситуация выбора для самого партийного руководителя: в какую позицию по отношению и к партии, и к массам в целом он сам себя поставит? Как использует стихийно идущую ему в руки реальную власть? Не прост был выбор политической позиции внутри партии еще и тогда, когда партия боролась за власть, но после победы революции, когда позиция в партийной иерархии становится одновременно позицией в системе власти в государстве, в обществе, этот выбор самим руководителем своего стату-

са, своей социальной роли становится для него особенно трудным, а для судеб революции особенно важным.

Надо обязательно отметить, что уж коль «культовое» отношение «снизу» – масс к руководителю как «вождю» – возникает объективно, то пытаться просто подавлять или запрещать его бесполезно и, может быть, даже вредно. Истинный руководитель-коммунист использует и это отношение как одно из средств консолидации масс вокруг дела революции, вокруг тех или иных мероприятий нового общественного строя. Его личный авторитет будет использован им не для эгоистических целей, а для укрепления общего дела. Так, например, В.И. Ленин использовал для общего дела стремление крестьян все сомнительные и конфликтные ситуации решать с «Самим». Это стремление было, кроме всего прочего, отражением вековой патриархальной традиции, вековой привычки к абсолютной власти центра. Эту традицию невозможно было просто «отменить». И поэтому довольно значительную часть своего времени, в те годы воистину драгоценного, В.И. Ленин уделял приему ходоков со сей России, главным образом крестьян. Советы – власть, основанная по идеи на коллективности, на принципах политического равенства, но реальной Советской власти до подлинной коллективности тогда было далеко. А вот совет с «Самим», решение им лично всех трудных и неясных вопросов в масштабах страны были традиционно привычными. Простота, безотказность, доброжелательность, справедливость нового «Самого», персонифицировавшего новую власть, были сильнейшим аргументом в пользу этой власти, признаком ее народности, критерием ее доброжелательности к трудовому человеку.

Но при всем том В.И. Ленин решительно пресекал попытки возвести это особое отношение к нему в культ.

Руководители типа В.И. Ленина стремятся поднять массу до уровня творческого, критического освоения науки об обществе, до уровня развитого, зрелого политического самосознания, до уровня способности к самостоятельному политическому творче-

ству, до уровня самоуправления. «Культовые» устремления масс руководители типа В.И. Ленина стремятся нейтрализовать, ограничить, предотвратить их разрастание. Когда в 1918 г., поправившись после покушения, В.И. Ленин снова мог включиться в политическую жизнь, он прежде всего резко выговорил управляющему делами СНК РСФСР В.Д. Бонч-Бруевичу за то, что не были пресечены попытки прессы уделять ему избыточное, по его оценке, внимание: «Смотрите, что пишут в газетах?.. Читать стыдно. Пишут обо мне, что я такой, сякой, все преувеличивают, называют меня гением, каким-то особым человеком... Ведь это ужасно!.. И откуда это? Всю жизнь мы идеино боролись против возвеличивания личности, отдельного человека, давно порешили с вопросом героев, а тут вдруг опять возвеличивание личности! Это никуда не годится»⁴.

Руководители типа В.И. Ленина полагают, что если объективные обстоятельства выдвинули их в положение «первых среди равных», то сами они должны стремиться к положению именно «равных».

Деятельность руководителей типа В.И. Ленина, направленная на сдерживание «культурных» настроений не только в массах, но и в партии на минимально возможном уровне, обязательно касается официального нормативного регулирования внутрипартийных организационных отношений. Примером такого нормативного сдерживания «культурных» настроений в начале 20-х годов в РКП (б) был ряд решений X съезда партии. (Более подробно мы их проанализируем ниже.)

Революционное движение по своему составу, по своим персонажам, однако, многообразно, сложно, противоречиво. Нужно отказаться от дурной традиции неизменно «розового» освещения целей и мотивов действующих персонажей революционного процесса. Революция, несомненно, двигалась вперед своими героями (хотя и они были не голыми схемами, а людьми со многими, весьма разнообразными, порой остро противоречивыми качествами).

⁴ Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания о Ленине. М., 1965. С. 339.

вами), но в ней участвовали и играли зачастую немалую роль персонажи, весьма близкие тем, кто послужил Ф.М. Достоевскому в качестве прототипов действующих лиц романа «Бесы».

...Нужен точный, конкретный анализ жизни и деятельности каждого участника революционного движения, а не развешивание то беспросветно розовых, то глухо черных ярлыков...

Кроме того, надо учитывать то обстоятельство, что резкое изменение социального статуса способно иной раз круто менять свойства личности. Когда у многих революционеров их статус за дни и недели изменялся от положения ссыльного, каторжника, просто рядового солдата, рабочего, служащего до положения облеченных властью высших руководителей партии, армии, страны, не все смогли выдержать это испытание...

...Человек не может не занимать какой-то определенной позиции в общественных отношениях. Тем более не может избежать осознанного выбора такой позиции тот, кто именно общественные процессы и ЙОНФЛИК-вы избрал поприщем личной деятельности, сферой индивидуальной самореализации, жизненного самоутверждения.

Размежевание целей и намерений личной деятельности в обществе, выбор между ними может осуществляться под влиянием многих обстоятельств: может сыграть решающую роль социальное происхождение, может повлиять собственное положение в обществе, могли оказаться решающими стереотипы среды, где данный, персонаж жил, рос, действовал, могликазать решающее воздействие идеи, почерпнутые в книгах, могли скаться усвоенные на основе житейского опыта нравственные принципы...

К революции чаще тяготели либо люди высокой идеи и высоких нравственных идеалов, независимо от происхождения, либо обездоленные, лишенные перспектив социального продвижения при старом строе, но жаждавшие подняться над своей долей. К числу можно отнести, например, Александра Радищева, Павла Пестеля, Виссариона Белинского, Александра Герцена,

Николая Чернышевского, Андрея Желябова, Александра и Владимира Ульяновых, Юлия Цедербаума (Мартова), Глеба Кржижановского, Ивана Каляева, Александра Малиновского (Богданова), Марию Спиридовову, Леонида Красина, Якова Свердлова, Христиана Раковского, Валентина Трифонова, Феликса Дзержинского, Сергея Кострикова (Кирова), Николая Бухарина и многих других...

У них, как и у всех людей, были свои слабые и неприятные стороны, были заблуждения, порой серьезные негативно сказывавшиеся не только на их личной судьбе. Но помыслы их в основе своей были чисты... К ним ко всем – и тем, кто чаще заблуждался и тем, кто реже расставался с истиной, – могут быть отнесены слова В.В. Маяковского:

Мне наплевать
на бронзы многопудье,
мне наплевать
на мраморную слизь.
Сочтемся славою –
весь мы свои же люди, –
пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

Они по-разному прошли свой жизненный путь: кому-то царский палач затянул петлю на шее, кого-то задушила чахотка, кто-то угас в эмиграции, не приняв революции, кто-то надорвался на непосильной работе по строительству нового общества, кому-то пустил пулю в затылок сталинский расстреливатель... Однако каждый из них отдавал революции всего себя и готов был во имя ее на самопожертвование.

В этом и была самая глубокая, конечная сущность их самореализации, их самоутверждения в жизни...

Но были и есть люди, которые в любом выборе (от которого уклониться не может никто) выбирают прежде всего самого себя. Что бы они ни выбрали в политике, как бы ни реализовывали впоследствии свой выбор, их собственное «Я» остается эпицентром их выбора, их действий, их поступков, их любви.

Отнюдь не должно казаться парадоксальным, что люди, предельно эгоцентрически воспринимающие жизнь, могут выбрать путь революции, могут выбрать идеи социализма и коммунизма для самовозышения, самоутверждения. Сначала путь этот неизбежно будет связан с тяготами и невзгодами, с риском для жизни. Однако в этом пути даже в условиях подполья, ссылок и каторги есть своя сторона возвышения над обычным и обыденным, выделения из ряда обычных людей. Этот выбор выводит за черту заурядности, усредненности и сулит неопределенность, которая может оказаться гибельной, но может оказаться и возносящей высоко «вверх»...

Во время суда над членами исполнкома «Народной воли», убившими 1 марта 1881 г. Александра II, исполняющий обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената Н.В. Муравьев в обвинительной речи так определил эту категорию участников революционного движения: «Сторонниками нового учения являются у нас люди, которым без социализма некуда было бы приклонить голову, нечем заняться, нечего есть, не о чем думать... Явились люди без нравственного устоя и собственного внутреннего содержания, но восприимчивые к чужому, постороннему влиянию, только бы оно сулило по прище обширное, заманчивое, легкое, льстящее самолюбию, скромного неблагодарного труда не требующее. Явились люди, могущие за неимением или нежеланием другого дела только «делать» революцию...»⁵.

Н.В. Муравьев, пытаясь всех революционеров представить безнравственными авантюристами, несомненно, клеветал на революционное движение. И все же в революционном движении

⁵ Цит. по: Яковлев Е. Жизни первая треть//Дружба народов. 1985. № 1. С. 156.

были – пусть мало, пусть горстка – и такие, кого он в своей обвинительной речи обозначил точно и правильно.

…Кем мог бы стать семинарист Иосиф Джугашвили, сын сапожника, если бы благополучно окончил семинарию? Заурядным священником в захудалом приходе (чтобы попасть в хороший, нужна была солидная протекция, а откуда бы ему ее взять?). И это был потолок возможной его социальной карьеры в пределах этого выбора… На этой стезе у него практически не было альтернатив.

Для молодого человека, распираемого сильнейшим честолюбием, для грузинского Жюльена Сореля конца XIX в. в России, одержимого жаждой возвышения не в меньшей степени, чем его французский предтеча, выбор революционного пути для самоутверждения был огромным риском, но притом в определенной степени открывавшим какие-то перспективы, что-то сулившие. Тут можно было хоть чего-то ждать, тут хоть от себя самого зависело очень многое, тогда как в судьбе заурядного семинариста все заранее – вплоть до могильной плиты на кладбище своего прихода – было предопределено. Да и политическая обстановка в России все же реально позволяла рассчитывать на возможности взрыва социальной действительности… Риск был, риск был весьма велик, но человек сильный, честолюбивый и волевой, уверенный в себе, в своих силах, готов был рисковать… Иосиф Джугашвили был именно таким и считал себя таким: иначе он не стал бы связываться со всей этой революцией…

Подчеркнем: мы ведем речь не о психологии, не о свойствах отдельного человека, случайным стечением обстоятельств оказавшегося в самом центре потока истории. Психология в этом вопросе неизбежно во многом отодвигает нас в сферу случайногого, тогда как уже одна повторяемость явления – длинный ряд «великих вождей» в истории XX в. – говорит о его закономерности. Нет, речь идет прежде всего о социологической характеристике человеческого типа: о представителях определенного социального слоя, о конкретной форме исторического социального

самосознания. Мелкобуржуазность (в сочетании с феодального типа авантюризмом разночинца или холопа), несомненно, преобладала в той социальной среде, из которой пришел в революцию Иосиф Джугашвили. Мелкобуржуазность как политическая позиция, как политическое самосознание неизбежно и необходимо поставляла на авансцену истории честолюбцев и авантюристов, подобных ему.

Их буквальное, так сказать паспортное, социальное происхождение при этом не было особенно важным. Решающим явились их политическое самосознание, их реальное поведение в истории.

В другое время люди этого типа в поисках -возможности возвыситься, самореализоваться, возможно, чаще обращаются к какой-либо иной сфере общественной жизни. Но в России конца XIX – начала XX в. именно политика была сферой одновременно и максимального риска, и максимальной потенциальной возможности утоления самого жгучего честолюбия. Как писал когда-то Никколо Макиавелли, именно эта среда рождает в сфере политики беспринципных и безжалостных авантюристов, великих притворщиков и лицемеров. В полуфеодальной, крестьянской стране, где ограничения сословные и бюрократические накладываются на ограничения имущественные, сфера политики вынужденно оказывается почти единственной, предоставляющей простор самореализации безродным молодым честолюбцам,

Ф.М. Бурлацкий написал о Мао Цзэдуне то, что фактически полностью может быть отнесено -к И.В. Сталину и другим ему подобным: «На первом месте... – личные победы в жизненной борьбе. Даже организуемая им группа сторонников из числа других руководящих деятелей – средство, а не цель, хотя он хорошо понимает, что политическое преуспеяние возможно только при помощи группы... На первом месте – личная власть, на втором – интересы малой группировки и лишь на третьем – всей партии. Что касается интересов рабочего класса в целом, то это

всегда оставалось некоей абстракцией, своего рода данью общепринятым в партии ритуалам – не больше»⁶.

Такова социальная психология тех руководящих деятелей социалистической революции, которые прежде всего стремились к личному возвышению в революции, которых не устраивала функция простого руководителя – даже «первого среди равных». Они хотят одного: поднять свой статус до уровня «вождя», «великого вождя», абсолютного диктатора, «гения всех времен и народов», генералиссимуса и т.п. Будучи сами плоти от плоти мелкобуржуазной среды, мещанства, они на его же «культовые» устремления и опирались, всегда были готовы эти «культовые» устремления разжечь, поддержать, распространить, закрепить. Деятели типа И.В. Сталина не стремятся реально поднимать политическое самосознание масс, а, наоборот, прилагают все силы, чтобы использовать отсталость «мелкобуржуазной массы, которая жаждет вождя, которая страстно хочет верить, что есть некто, стоящий выше ее, кто спасет ее и обеспечит ей рай на земле»⁷.

Сопоставление В.И. Ленина и И.В. Сталина – это в чем-то фактически сопоставление Моцарта и Сальери (конечно, лишь в той трактовке, которая дана этим образам у А.С. Пушкина, оставляя в стороне дискуссии историков об истинном облике Сальери), но только не в музыке, а в политике – сфере деятельности, требующей не менее напряженного и не менее продуктивного творчества.

Попытаемся развить это сопоставление, однако несколько необычным способом. Возьмем текст исследования, написанного именно о Моцарте и Сальери – написанного к одному из пушкинских юбилеев и посвященного отнюдь не политике, а непосредственно этому пушкинскому произведению. Проделаем над этим отрывком лишь небольшую «хирургическую» опера-

⁶ Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун: «Наш коронный номер – это война, диктатура...» М., 1976. С. 79.

⁷ Там же. С. 366.

цию: имя Моцарта заменим именем Ленина, имя Сальери – именем Сталина, слово «музыка» – словом «политика».

«То, что (Сталина) тянет к (Ленину), понять как будто легко. Во-первых, дружба с (Лениным) льстит. (Сталин) при (Ленине) как мещанин во дворянстве. (Сталин) – мещанин, разумеется, в этическом смысле, то есть человек, для которого земные блага всегда выше духовных. Хотя и духовные блага (Сталину), конечно, доступны. То есть он талантлив. (Сталин) талантлив (в политике), но в подлости он еще более талантлив. Земное отование своего призвания для него всегда важнее самого призыва. Суть каждого человека в направленности его пафоса. Направленность пафоса (Сталина) в том, чтобы как можно больше благ иметь от (политики)»⁸.

Логика гениальности и злодейства в истории всегда одна – идет ли речь о музыке, о политике, о биологии, о физике...

...В России во времена революции были налицо реальные предпосылки для «культа личности»: они возникали спонтанно и объективно. Однако В.И. Ленин, основываясь на своих убеждениях – истинного коммуниста и интеллигента, – используя и силу своего ума, и свой авторитет, умел сдерживать эти предпосылки на уровне самих предпосылок. Какие-то частные элементы этого «культа» – культа именно самого В.И. Ленина – были налицо. В различной форме они мелькали то там, то тут в толще политических отношений и событий. Однако целостная система «культа личности» не сложилась: целенаправленное противодействие «культу» спасало тогда общество от серьезных «культовых» деформаций.

После смерти В.И. Ленина вокруг вопросов перспективной социально-экономической политики партии развернулась острая борьба. Борьба шла на объективной основе: нужно было провести индустриализацию страны (она должна была обеспечить относительный паритет с капитализмом по уровню развития производительных сил), нужно было осуществить кооперирование

⁸ Искандер Ф. Моцарт и Сальери//Знамя. 1987. № 1. С. 127.

сельского хозяйства как единственно возможный путь постепенной смены его капиталистической экономической тенденции на социалистическую. Общая направленность преобразований была осознана еще при В.И. Ленине. Однако конкретные этапы и формы реализации этой тенденции, конкретное содержание реализующей ее социально-экономической политики неизбежно требовали достаточно конкретных новых самостоятельных решений: идеи надо было перевести в технологии.

Реализовать эту задачу было чрезвычайно трудно. Это должен был быть сложный поиск в теории, который надо было организовывать как не менее сложный политический процесс. РКП(б) при преемниках В.И. Ленина оказалась не в состоянии осуществить его на требуемом уровне.

В свое время – в 30-х и 40-х годах – в исторической литературе под воздействием идеологических интересов культа И.В. Сталина сложилась субъективистская по своей методологической основе и «культовая» по политическому смыслу трактовка роли В.И. Ленина в выработке социально-экономической политики после Октября. «Культовые» представления об исключительности и обязательной универсальности «вождя», абсолютной его правоте в теории и абсолютной нравственности во всех проявлениях его личности легли в основу интерпретации исторической наукой деятельности В.И. Ленина в 1917–1922 гг. «Культовая» трактовка личности и деятельности вождя ушедшего – В.И. Ленина – использовалась как основание для «культового» возвеличивания живого – И.В. Сталина.

Надо отметить, что и такое соотношение трактовки политических деятелей прошлого – как исторической основы для формирования идеологии «культа» действующих «вождей» – совершенно типично для «культа ршчиости» в любой стране. Причем, если роль «культового святого» в прошлом в данной стране не может выполнить какой-либо из прямых политических предшественников действующего «вождя», следует погружение в более глубокую историю. Наличия такого рода предшественника

требует сам механизм формирования и функционирования «культовой» идеологии.

В.И. Ленин плохо вписывался в отведенную ему И.В. Сталиным и его идеологическими помощниками роль: он чаще всего был и достаточно последовательным исследователем (что неизбежно включает в себя творческую самокритику, смену каких-то представлений, сомнения в своей правоте в какие-то периоды, в каких-то условиях и т.п.), и достаточно последовательным революционером (то есть интересы революции, интересы «дела», как правило, ставил выше узколичных интересов, самолюбия и т.п.). Такой – истинный, порой противоречивый, не лишенный и слабостей – В.И. Ленин плохо подходил на роль «культурного святого». Отсюда следовала фальсификация и подлинных взглядов В.И. Ленина, и подлинной истории его теоретической и политической деятельности.

На самом деле В.И. Ленину пришлось проделать трудный путь поисков истины и преодоления заблуждений, путь освоения огромного научного наследия и обобщения практики, как всякому истинному исследователю, а не «великому вождю всех времен и народов», которому все изначально раз навсегда ясно. Это был противоречивый путь развития, без чего нельзя было прийти к тем идеям, которые легли в основу разработки в 1921–1923 гг. эффективной политики движения общества к социализму.

Стоит напомнить, что В.И. Ленин, отстаивая свои взгляды, исходил отнюдь не из официального титула «главного теоретика», не из претензий на единоличное владение абсолютной истиной. При всем его огромном личном авторитете, как всякий настоящий ученый, он старался доказывать свою точку зрения, считал нормой (а не государственным преступлением) возражения ему. Дискуссии в партии, в которых участвовал и В.И. Ленин, в то время были обычным явлением. Они опирались на научную литературу, на мнения самого широкого круга людей, на

практический опыт, носили творческий (а не погромный, как при Сталине) характер⁹.

После смерти В.И. Ленина удержать это более или менее терпимое взаимоотношение науки и политики не удалось. Руководящая роль партии в политике изначально воспринималась большинством в партийной среде с позиций идеологической авторитарности – одного из аспектов религиоподобного «культового» сознания: как безусловное подчинение науки идеологическим интересам, как приоритет текущей политики над какой бы то ни было научностью. Теперь уж не из постулатов науки об обществе выводили социальноэкономические политические решения, а, наоборот, этим субъективистским (а потому тяготевшим неизбежно к уровню обыденного сознания) решениям присваивали априори статус высшей и абсолютной научности.

Авторитарное толкование роли партии в социальном процессе и «вождизм» в трактовке иерархии руководителей в партии, представлявшие собой типичные и закономерные формы религиоподобного и утопического понимания самого социализма, процесса его строительства, характера правящей партии, – вот те основания неизбежной борьбы за личную власть в партии (прикрытой идеяными разногласиями – действительными и мнимыми), вспыхнувшей после смерти В.И. Ленина, вот основания перерождения авторитета руководителей в «культ личности» (точнее, систему таких «культов»).

Давление идей авторитарности партии, приоритета любого руководителя в партии перед ее рядовыми членами в области теории привели к тому, что делегирование организаторских функций «само собой» переросло в обычай решать даже собственно научные вопросы путем механического голосования на пленумах,

⁹ При этом идеализировать действия В.И. Ленина как ученого тоже нельзя. Не раз бывало в его практике, когда политик в нем оттеснял ученого на второй план, когда эмоции брали верх над разумом и следовали беспапелляционные негативные политические оценки и очевидные сегодня ошибки. Высказывания в адрес своих оппонентов порой бывали у него непомерно резкими – на грани грубости. Однако в конечном счете для В.И. Ленина характерна была именно позиция и логика поведения исследователя, неизбежно ограниченного в выводах и суждениях своим временем.

конференциях, съездах. «Вождь» предлагает свое мнение – оно единогласно утверждается на роль абсолютной истины. Дискуссии в научном мире шли и в 20-е годы, но решения партийных инстанций носили уже характер преимущественно авторитарный: вместо политического выбора для реализации одной из научно обоснованных альтернатив принималось решение о том, какая из научных точек зрения единственно правильна.

Тем самым «вождь» автоматически становился единствено допускаемым к формулировкам истин теоретиков. Борьба мнений при такой трактовке теории автоматически трансформировалась в борьбу за власть и обладание истиной в полной и абсолютной мере были отождествлены.

Начиная с первой трети 20-х годов в партии развертывается борьба между несколькими лидерами за возможность в своих эгоистических интересах использовать объективные предпосылки «культа». Одержав верх в этой борьбе, И.В. Сталин, опираясь на сильнейшие стихийные «культовые» настроения в партии, сам сознательно и целенаправленно открыл дорогу культу личности». Помнить и учитывать это очень важно. И.В. Сталин сумел сознательно поставить слепое тяготение массового утопического религиоподобного сознания к «вождизму» на службу своих личных эгоистических властных амбиций, использовать их для формирования «культа» своей собственной личности.

В литературе можно встретить горькие сожаления, что письмо В.И. Ленина съезду с характеристикой И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого совсем немножко запоздало, что «счастье было так близко, так возможно...». Мы полагаем, что такие суждения лишены подлинного историзма. Настроения «вождизма» пронизывали тогда и партийные «низы», и партийные «верхи», причем эти настроения были естественны и закономерны для своего времени: это и вина и беда одновременно.

После смерти В.И. Ленина партия неизбежно должна была пройти через борьбу за власть. Если И.В. Stalin в 1923 г. и был бы смешен с поста генсека, борьба эта шла бы все равно: шла бы

по-другому, шла бы между другими персонажами, в другой форме... А.П. Бутенко прав, когда он считает, что борьба за власть также характерна для периода становления социализма, как и для многих других этапов истории – истории эксплуататорских формаций. Конечно, характер и результаты этой борьбы могли бы быть менее трагическими, менее тяжелыми, чем это случилось в истории СССР, но такая борьба закономерна. Через полосу существования каких-то предпосылок «культы личности», какой-то (хотя бы минимальной) формы их реализации, страна такого типа, как Россия, в своем движении к социализму обязательно (то есть закономерно) должна была пройти: это одна из форм исторической преемственности при переходе от старого к новому.

Может быть, наибольшую сложность представляет собой необходимость разграничить в действиях исследуемого персонажа «работу на себя» и его «работу на историю». Действуя вопреки ходу истории (действуя хотя бы и не вспять, но и не вместе с историей, в какой-то мере независимо от нее), можно на жить богатство, выгодно жениться, стать «большим человеком» в с какой угодно сфере деятельности, даже прославиться (войти в историю) в политической публицистике, но нельзя добиться абсолютной личной власти в данном обществе. Все «Великие Диктаторы» двигались к культу собственной личности, только прочно оседлав историю и энергично пришпоривая ее. Власть в обществе можно получить, только двигаясь «по течению» в потоке движения этого общества. Надо ли трактовать это движение «по течению» в качестве личной заслуги тех, кто персонализировал «культ»? Очень сомнительно...

Исторический персонаж, взыскивающий личной неограниченной власти, при всем том обходится с историей ее как со средством. Он заботится об истории только исключительно в тех пределах, в которых он заботится о себе, о своей эгоистической цели. Вполне естественно «к поэтому, что его не останавливают никакие деформации нормального (или, может быть, точнее ска

зать – научно-закономерного) хода истории, и уж подавно не останавливают ни ложь, ни грязь, ни кровь. Неограниченная власть по сути и природе своей всегда дело грязное, всегда кровавое и всегда декорирована ложью. История и без того не страдает прямизной и стерильностью, но когда в седло истории влезает «сильная личность», деформации и человеческие потери приобретают крупномасштабный характер. В данном конкретном случае все это типично и чрезвычайно характерно для деятельности Джугашвили-Сталина.

Ставить в заслугу лично И.В. Сталину построение основ социализма в СССР наивно с точки зрения научного, марксистского понимания истории. Роль отдельного человека в истории всегда была ограничена. Становление социалистического общества может осуществляться в основе своей планомерно, это есть не только научно управляемый, но и непосредственно коллективно осуществляемый процесс.

В последнее время в литературе развернулся как бы своего рода ретроспективный «конкурс» кандидатов, которые в прошлом могли бы претендовать на должность первого лидера (чаще всего речь идет о посте генерального секретаря, хотя исторически это не совсем правильно, о чем речь пойдет ниже). Называют имена М.В. Фрунзе, С.М. Кирова, Я.Э. Рудзутака. Мы совершенно спокойно могли бы продолжить этот список. В коллективном творчестве истории в действительности не был безусловно нужен «величайший гений всех времен и народов» (как уже XVII съезд ВКП(б) «аттестовал» И.В. Сталина). Нужны были лишь первые среди равных. «Культ личности» означает в этом смысле всегда одно и только одно: авторитарная личность, целенаправленно сооружающая и обустраивающая «культ» своего имени, паразитирует на объективном ходе истории.

Характеризуя исторические персонажи, добивавшиеся личной абсолютной власти («культы» собственной личности), нельзя ограничиваться чем-то одним: только психологией авторитарной

личности или только ее социологией. Истина требует соединения этих двух подходов.

Неправомерно, на наш взгляд, пытаться объяснять «культ личности» паранойей И.В. Сталина. Даже если он и был парапоиником, то ведь при анализе «культы личности» речь идет о довольно длинном ряде такого же рода политических деятелей в самых разных странах. Трудно предположить, что существовало массовое международное движение парапоиников в «великие вожди»...

Неправомерно пытаться свести объяснение «культы личности» к тому, что И.В. Сталин был «восточным Цыцловеком». Авторитарные личности разных стран имели отнюдь не только «восточное» происхождение.

«Культ личности» – продукт социально-экономической и политической истории. Исторические переори, воплотившие «культ», имеют, наверное, какие-либо психологические качества. Но первичное, определяющее здесь – историческое, политическое, социальное.

Авторитарную личность формирует социальная ис^с тория. Она не может быть «выведена» только из самих по себе психологических качеств какого-то конкретного человека, какого-то типа людей. Количество эгоцентристов, лишенных чести и совести, полных коварства и хитрости, всегда было и будет неизмеримо больше численности «великих вождей» вместе с их ближайшим окружением.

...В 1918–1920 гг. могла легко найтись тифозная вошь и для Иосифа Джугашвили... И что, тогда не было бы «культы личности» как исторического явления? Мы не сомневаемся (и пытаемся доказать), что в послереволюционной России «культ личности» был закономерен, хотя его конкретные формы не были предопределены.

«Культ личности» в его конкретных проявлениях при всем том очень и очень, конечно, зависит от персональных качеств вознесенной на вершину абсолютной власти авторитарной

личности. Что-то могло быть иначе, по-другому, не в тех масштабах и не в той форме. Закономерен не Иосиф Сталин, не Николай Ежов или Лаврентий Берия – их могло бы не быть во все, – закономерен определенный тип общественных отношений, выдвигающий на первый план истории людей вполне определенного типа.

Революционные потрясения истории всегда выдвигают на первый план либо глубоко убежденных, самоотверженных и безразличных к личным благам людей, либо беспринципных и безжалостных авантюристов, одержимых идеей личного успеха, личной власти. Этих людей не так уж мало. (Да и вообще эволюция революционера во властолюбца, интригана или стяжателя – не столь уже редкое явление.) Олицетворением, собиральным образом такого исторического авантюриста и неуклонного борца за личную власть, готового ради нее на любые преступления, служит для революции 1917 г. в России Иосиф Джугашвили-Сталин. I

...Праведники живут тяжело, очень часто умирают рано, а порой и не своей смертью, свидетельствует история. Но их имена не может стереть время: ни на каких кострах истории не могут сгореть ни истинные ценности, ни истинные заслуги, ни имена подлинных героев... Время неизбежно очищает их имена от всего второстепенного – того, что не было главным и самый существенным в их жизни и их деятельности. Имена этих людей сияют незамутненным блеском в веках, и блеск этот становится в истории все ярче...

...Негодяи же достаточно часто живут хорошо и долго... Но геенна огненная – рано или поздно – неотвратимо ждет их... В конце концов постепенно их имена покрываются позором, и наконец прочувствовавшие этот позор потомки вытаскивают останки «великих вождей» из уютных и благоустроенных могил... Свалка истории – место их окончательного успокоения...

Приложение I

К. Маркс и Ф. Энгельс – о культе (личности) Ф. Лассаля

(Отрывки из писем)

В письмах К. Маркса и Ф. Энгельса дана характеристика «культы личности» одного из видных деятелей германского рабочего движения – Фердинанда Лассаля (1825–1864). Эта характеристика дает ясное представление об отношении К. Маркса и Ф. Энгельса к попыткам поставить кого-либо из руководителей революционной партии в исключительное положение «вождя», возвысившегося над партией, над массой.

К. Маркс – Ф. Энгельсу. 9.04 1863 г.//Соч. Изд. 2-е. Т. 30. С. 278.

«Он ведет себя совсем как будущий рабочий диктатор, с важным видом разбрасывая вокруг себя заимствованные у нас фразы».

К. Маркс – Ф. Энгельсу. 5.08 1865 г.//Соч. Изд. 2-е. Т. 31. С. 115.

«...Объявляется изменником «народа» всякий, кто пытается опровергнуть или изменить хотя бы одну букву в истинах, возвещенных Лассалем».

К. Маркс – Л. Кугельману. 23.02 1865 г. //Соч. Изд. 2-е. Т. 31. С. 380.

«...Наши отношения были прерваны... вследствие его назойливого самохвальства, которое в то же время сочеталось у него с бесстыднейшим plagiatом моих и иных сочинений...» (К-Маркс о своих отношениях с Лассалем. – З. Ф.).

Там же. С. 381–382.

«Для такой тщеславно-театральной натуры, как Лассаль (которого, однако, нельзя было подкупить такими подачками, как должности, пост бургомистра и т.д.), очень соблазнительной была мысль о непосредственном подвиге в интересах пролетариата, совершенном Фердинандом Лассалем!.. Германские рабочие были слишком «деморализованы», чтобы не приветствовать такого ярмарочного шарлатана-избавителя, который сулил одним прыжком перенести их в обетованную землю!»

Ф. Энгельс – И. Вейдемайеру. 10.03 1865 г.//Соч. Изд. 2-е. Т. 31. С. 389.

«...Эта газетка стала проповедовать невыносимый куль Лассаля...»

Ф. Энгельс – К- Клейну и Ф. Моллю. 8.02 1870 г.//Соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 538.

«...Именно в тот момент, когда Лассалю поклонялись как мессии...»

Ф. Энгельс – К. Каутскому. 23.02 1891 г. //Соч. Изд. 2-е. Т. 38. С. 32.

«За Лассалем-содиалистом по пятам следует Лассаль-демагог. Сквозь Лассала-агитатора и организатора всюду проглядывает... тот же цинизм в выборе средств, то же стремление окружать себя сомнительными и продажными людьми, которых можно использовать как простое орудие, а затем выбросить вон.., В его агитационных брошюрах то правильное, что он заимствовал у Маркса, настолько переплетено с его собственными, лассалевскими, и, как правило, ошибочными рассуждениями, что почти нет возможности отделить одно от другого».

Ф. Энгельс – А. Бебелю. 1–2.05 1891 г./// Соч. Изд. 2-е. Т. 38, С. 76.

«Людей, которые еще лично знали Лассала и боготворили его, очень немного; всем остальным кульп Лассала привит искусство...»

Ф. Энгельс – А. Бебелю. 6.10 1891 г.///Соч. Изд. 2-е. Т. 3 С. 146.

«...Если вы теперь снова прочтете работы Лассала, то с удивитесь тому, что в них найдете...»

Очерк 3

МАРКСИЗМ, «ПРЕДМАРКСИЗМ», ПСЕВДОМАРКСИЗМ... (ИДЕЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»)

С доисторических времен одна наука вслед за другой переходили границу между тем, что историк может назвать предысторией данной науки как науки, и собственно ее историей. Эти переходы в стадии зрелости редко бывают... внезапными и... явными...

Т. Кун

Характер русской революции был таков, она произошла в столь своеобразных условиях, что идеологически ей мог соответствовать лишь очень трансформированный марксизм и именно в сторону, противоположную детерминизму.

Н.А. Бердяев

Для того чтобы определить преступность действий дачно И.В. Сталина, его окружения, достаточно анализа какого-то количества исторических документов и свидетельств.

Для того чтобы понять природу сталинизма как определенной системы взглядов, раскрыть закономерности становления его социальной доктрины, понять причины его успехов во внутрипартийной политической борьбе, характер продуцируемых им практических политических программ, оценить полно его негативную роль в истории, его антигуманную и антисоциалистическую природу, нужен анализ формационного процесса первой половины XX в. и объективно обусловленной им исторической

формы марксизма как социальной концепции, наиболее полно отражающей исторический процесс своего времени.

Любой из вариантов «культа» – российский, китайский, румынский и др. – неизменно опирался на идеологическое прикрытие, именовавшееся «марксизмленинизм». Это обстоятельство вызвало волну самых разных (публицистических, профессиональных) попыток найти какую-то связь теоретического наследия К. Маркса и В.И. Ленина со сталинизмом как идеяно-теоретической основой «культа личности». Поскольку режимам личных абсолютных диктатур в принципе было безразлично, каким «...измом» оправдать свое существование, имелась все же, по-видимому, какая-то логически-причинная связь, позволяющая им использовать идеи К. Маркса и В.И. Ленина в прямо противоположных целях.

И.В. Сталин только дал имя явлению «сталинизм», был одним из самых последовательных его практиков, но корни сталинизма как концепции «культа личности», то есть псевдосоциализма, лежат значительно глубже фактов лишь его личной судьбы и личных взглядов.

Вряд ли верно было бы оспаривать мнение А.С. Ципко о том, что система теоретических взглядов, на которую опирался И.В. Сталин и которая получила обобщенное название «сталинизм», является порождением особой интерпретации идей К. Маркса в особых условиях, свойственных, в частности, России¹. Но просто отождествлять сталинизм с марксизмом как таковым было бы глубоко ошибочно.

К. Маркс и Ф. Энгельс как ученые и как революционеры жили и действовали в условиях вполне определенного исторического времени. Оно оказывало воздействие на всю систему их взглядов, но особенно на социальную концепцию, ибо она теснее всего связана с конкретной социальной практикой.

Основным вкладом К. Маркса в новую культуру явилось своего рода «завершение» формирования научного видения ми-

¹ Наука и жизнь. 1988. № 11 и 12; 1989. № 1 и 2.

ра: принципы научности были перенесены К. Марксом в философию, в философскую интерпретацию общества и человека². Все, что в этом ключе миропонимания внесено К. Марксом в концепцию развития общества, явилось одной из фундаментальных посылок современного обществознания.

Научный анализ объективных предпосылок новой, коллективистской формации опирается в «Капитале» прежде всего на концепцию нарастающего обобществления, являющегося исторической тенденцией накопления капитала. В основе этой тенденции капиталистического накопления лежит развитие и качественное совершенствование производительных сил. Эта сторона концепции К. Маркса в полной мере может быть названа вкладом К. Маркса в социальное знание, собственно марксизмом.

Здесь важно отметить, что только со временем стало заметным определенное, далеко сначала не явное, но отчетливо выявившееся в ходе исторической социальной практики расхождение в обосновании социалистической тенденции истории, с одной стороны, через историческую тенденцию капиталистического накопления (через развитие обобществления), а с другой – через политическую революцию рабочего класса, имеющую целью установление социалистических отношений в обществе.

Сильный акцент на идеи социалистической революции рабочего класса также отнюдь не был случайным для К. Маркса и Ф. Энгельса: он вполне соответствовал духу эпохи. Таков был капитализм того времени отношению к рабочему классу, такова была политическая обстановка – состояние революционной сириации, то разгоравшейся ярким пламенем, то несколько притухшей, но в целом характерной для Европы 40–70-х годов

² О том, что именно такой подход исторически назрел в XIX в., свидетельствует, например, в том числе и философское творчество О. Конта. Однако К. Марксу и Ф. Энгельсу удалось создать систему (а) полнее и органичнее вобравшую в себя все предшествующее развитие философской мысли, (б) логически более последовательную и более универсальную. Эта система, конечно, не могла быть завершена сразу, одним человеком и т.п. Именно эта незавершенность в той ее части, что философия объективного мира осталась не дополненной, не «замкнутой» философией субъективности, была предпосылкой критики марксовой философии Н.А. Бердяевым и многими другими.

XIX в., таков был их личный выбор в жизни – активное участие в революционном движении своего времени. В то время, как об этом свидетельствовал сам Ф. Энгельс в 1895 г.³, казалось, что победоносная социалистическая революция рабочего класса разразится в самое ближайшее время.

Только впоследствии (фактически, когда все работы К. Маркса и Ф. Энгельса, посвященные задачам назревающей, как они в те годы считали, социалистической революции были уже написаны) социальная практика показала, что «состояние экономического развития европейского континента в то время далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устраниить капиталистический способ производства...»⁴.

В итоге и сложилась совокупность работ К. Маркса Ф. Энгельса, в которых только со временем стали все более четко просматриваться две тенденции. Одна – строго научный для своего времени анализ экономического функционирования и исторической тенденции развития капитализма. Другая тенденция – серия работ, непосредственно посвященная революционной ситуации и социалистической революции, где преобладающие в целом элементы научной постановки проблем социального развития, классовых отношений, исторической миссии класса наемных рабочих органически переплетаются с элементами утопических надежд на скорую и победоносную социалистическую революцию⁵.

³ См.: Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 22. С. 529–548.

⁴ Там же. С. 535.

⁵ Весьма любопытно, что в «Экономических рукописях 1857–1861 гг.» (М., 1980, изданных с уточнениями против текста Сочинений. Т. 46. Гл. 1 и 2) по предметному указателю термин «революция социалистическая» рассматривается преимущественно под углом зрения ее необходимости, то есть приоритет отдан экономической обусловленности последующего перехода к социализму. Лишь в одном-двух случаях можно истолковать текст и как признание возможности политической революции. В «Капитале» же (во всех трех томах) о возможности политической социалистической революции есть лишь одно упоминание, но и то в кос* венной форме (Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 772–773).

Вторая тенденция получила отражение в ряде работ: «Манифест Коммунистической партии», «Анти-Дюринг», «Критика Гот- еквий программы» и др. Если бы творческое наследие К. Маркса и Ф. Энгельса было бы воплощено только в этот цикл работ, можно было бы авторов безусловно назвать выдающимися революционерам», но не выдающимися учеными. Таково, во всяком случае, наше мнение.

Политические революции как условие формационного развития тяготели преимущественно к переходу от феодализма к капитализму. В такого рода революциях неизбежно появлялись и антибуржуазные лозунги. Политические революции под этими лозунгами могли до основания разрушить феодальные препоны развития буржуазных отношений. Однако сама по себе политическая революция не формировала буржуазных экономических отношений: они складывались на основе развития производительных сил. Революция создавала лишь условия наибольшего благоприятствования для этого развития.

Аналогичны и возможности собственно социалистической революции рабочего класса. В самом благоприятном случае она может «снять» крайние формы централизации капитала, заменив в этих случаях частно-собственнический крупный капитал государственным капитализмом (в том числе и в такой форме, когда государство будет лишь оказывать регулирующее влияние на акционерные крупные и крупнейшие предприятия). Революция может узаконить, реализовать прогрессивные, социалистические по своей направленности программы обеспечения социальной защиты трудаящихся. Но непосредственно реорганизовать капиталистическую по своему характеру экономику в некую особую «социалистическую экономику» политическая революция в конечном счете не в состоянии. Для этого требуется длительное экономическое развитие в условиях хозяйственного механизма, весьма сходного с хозяйственным механизмом предшествующей эпохи, где «внутри» капитализма стихийно начинают прорабатывать элементы новой формации⁶.

Проблема основного отношения социализма является ключевой для определения его сущности, его места в формационном

⁶ В нашей литературе идет полемика по поводу формационной характеристики современного капитализма. Одну точку зрения развивают В.А. Медведев (Коммунист. 1988. № 2), В.Л. Шейнис (Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 9), А. Борко (Коммунист, 1988. № 15). Другую (к которой мы присоединяемся) – Н.А. Симония (Вопросы философии. 1989. № 7), Р.И. Косолапое (Экономические науки. 1989. № 8) и другие.

процессе. В работах К. Маркса (особенно в «Экономических рукописях 1857–1861 гг. дов») социализм противопоставлен капитализму как обществу, в котором доминируют коллектivistические начала, в отличие от доминирования при капитализме индивидуалистических начал. Соответственно социализм определялся как коллектivistское в своей сути и основе общество как среди его сторонников, так и среди его критиков, противников. В известном в прошлом учебнике политической экономии А.А. Богданова И.И. Скворцова-Степанова (20-е годы) раздел, где характеризовался социализм, назывался: «Коллективистическое производство».

Определение социализма через благосостояние как его конечную цель привнесено в теорию И.В. Сталиным (1952 г.) и является отражением идеологических установок «культы личности», стремившегося представить в качестве цели то, что должно фактически быть условием для развития собственно социалистических наачал. (Заметим, что в современных условиях в развитых странах и социалисты, и коммунисты в практической политике акцентируют роль экономического благополучия общества именно в качестве условия реализации социальных гарантий для трудящихся как важнейшего элемента социалистической ориентации общества. Для социализма экономическое процветание не самоцель, а необходимое условие преобразования общественных отношений на началах коллективности.)

В послевоенные годы тезис о коллективности как решающем свойстве социализма был развит школой И.И. Кузьминова, в работах ряда других авторов. В конце 70-х (или начале 80-х) годов в МГУ им. Ломоносова была защищена первая докторская диссертация, основным содержанием которой был тезис о коллективности как определяющем свойстве социализма.

Тезис о коллективности как определяющем свойстве социализма широко распространен в зарубежной литературе. Еще Д. Оруэлл определял социализм (истинный, а не тоталитаристский, не сталинский) именно как общество коллектivistское в

своей сути, г Ж.П. Сартр критиковал социализм именно за его коллективистскую сущность. Отношение коллективности как определяющее для социализма называют А. Шафф другие.

Определение социализма через отношение коллективности в последние годы получило широкое распространение. В работах автора эта интерпретация социализма обосновывается в ряде публикаций. Основными, где аргументация в пользу такого подхода отражена наиболее полно, можно назвать следующие: Файнбург З. И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов, 1982; они же. Становление новой парадигмы политической экономии социализма // Экономические науки, 1987, № 3, и др.

Марксизм и революционный путь к социализму достаточно часто напрямую отождествляется, причем отнюдь не только на уровне обыденного сознания (достаточно сослаться, скажем, на эту тенденцию в работах Н.А. Бердяева). На самом деле это не так. Социалистическая идея в творчестве К.Маркса, как мы полагаем, фактически раздвоена и внутренне противоречива. Да и в целом так называемый «марксизм» фактически вмещает в себя целый ряд разнонаправленных элементов, имеющих определенные общие исходные моменты, но отнюдь не сводящихся к этому общему.

Анализ тенденций капиталистического накопления получил широкое признание и распространение в экономической науке, в том числе и у тех авторов, которые далеки от принятия идей социалистической революции⁷. В научном творчестве сторонников политических идей К. Маркса они также были существенно развиты и дополнены. В частности, именно на них основан вклад В.И. Ленина в теорию современной капитализма (обобщение и развитие современных ему работ о процессе образования монополий, монополия стической конкуренции, государственно-монополистическом капитализме и т.п.). Эти же аспекты теории

⁷ Можно отослать читателя, в частности, к книге: Селиг- мен Б. Основные течения современной экономической мысли. (Пер. с англ.) М., 1968.

современного капитализма, вытекающие из работ К. Маркса о капиталистическом накоплении, были развиты в работах Р. Гильфердинга, К. Каутского и других.

Однако своего рода многогранность постановки идеи социализма, имевшая место в творчестве К. Маркса и Ф. Энгельса, столь же многогранно осталась отраженной в теоретических постулятах и политических программах различных течений революционного движения. Оказалась подвержена весьма и весьма различной интерпретации прежде всего идеологическая направленность теории социализма.

В России в начале XX в. сложилась, как мы уже писали, весьма своеобразная (но в чем-то характерная для определенной группы стран) ситуация: в ряде отраслей имела место высокая степень развитости капитализма (монополии, государственный капитализм) и одновременно в весьма значительной части экономики наличествовали элементы добуржуазных, полуфеодальных и патриархальных отношений. Особенно они сильны в сельском хозяйстве. Полюса формационной развитости элементов общества отстояли друг от друга в России особенно далеко, что, в свою очередь обусловливало как крайнюю остроту социально-экономических противоречий развития России, так и весьма значительную полярность социально-политических представлений.

С одной стороны, уже сложились условия для восприятия и развития социальной концепции К. Маркса, с другой – все еще сохранялись очень прочные основы народнического плана, для распространения утопических представлений о социальных процес; причем утопические представления (в самых различных их вариантах) зачастую доминировали⁸.

⁸ Существует очень большая литература по теории утопии. В основном за рубежом, ибо до последних лет в советской литературе исследовался преимущественно утопический социализм, а не утопия как широкое явление, как органическая составная часть общественного сознания (фундаментальные разработки проблемы восходят преимущественно к работам К. Маннгейма). Только в последние 15–20 лет положение стало меняться. Приведем здесь определение понятия «утопия» из «Философского энциклопедического словаря»: «Понятие «утопия» стало нарицательным для обозначения... в расширительном смысле всех сочинений и трактатов, содержащих нереальные планы социальных преобразований» (М., 1989. С. 679).

Два аспекта утопизма оказали при этом особенно ественное влияние и на характер Октябрьской реации 1917 г., и на последующие судьбы страны. С одной стороны, в практической политике, провоиейся РСДРП (б) – РКП (б), преобладала интеграция идей К. Маркса и Ф. Энгельса о социалистикой революции, еще в авторском варианте не полтью освободившаяся от влияния утопических идей предшественников. Эти утопические элементы в в программных установках 1917–1920 гг. не были предопределены. Наоборот, они были усилены.

С другой стороны, имело место характерное для ого варианта революционной ситуации массовое распространение довольно неопределеных утопических идей о «справедливом обществе», причем весьма различные представления о такого рода обществе пекрывались интегрирующим эффектом понятия «совалистическое общество». Эти утопические настроения масс оказывали мощное давление на все партии социалистической ориентации, в том числе и на партию большевиков. В 1917–1920 гг., когда сотни тысяч представителей этих утопически настроенных масс влились в партию большевиков, эффект давления утопии на элементы науки в партийной программе стал еще и явлением внутрипартийной жизни.

Характер утопических идей, образовавших определенную систему и предназначавшихся к внедрению в 1917–1920 гг., весьма далеко отстоял от наиболее последовательной интерпретации идей социализма в экономических исследованиях К. Маркса. Эти элементы можно было бы назвать тем собирательным термином «казарменный коммунизм», который был применен К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» (работе, впервые опубликованной на языке оригинала в 1932 г., на русском языке – в 1927 г. частично, в 1956 г. – полностью). Речь шла об утопических политических и экономических программах Г. Бабёфа, О. Бланки, Э. Кабе, в которых идеальное, по их мнению, общество умозрительно ими конструировалось из того исторического материала, в котором еще далеко не полно-

стью сложилась и далеко не исчерпала себя предыдущая – капиталистическая – формация. Речь шла о такой форме коллективистских отношений, которые еще не дороши и до частной собственности, не освоили потенциально прогрессивного даже в частной собственности⁹.

Если попытаться обобщить совокупность идей утопического социализма, серьезно отяготивших восприятие марксизма в России в 1917–1920 гг. и отразившихся в созидательных программах Октябрьской революции, то мы увидим, что их значение и вес настолько велики, что дают, по нашему мнению, достаточное основание обозначить их особенности и свойства термином «предмарксизм». Его содержание в принципе и соответствовало формационному состоянию России¹⁰!

Прежде всего уступкой такого рода утопизму – исходной, самой глубокой – было представление о социально-классовой базе революции. «Левый» утопизм большевиков безосновательно в 1917–1920 гг. сужал эту базу, ориентируясь только на рабочий класс и беднейшее крестьянство.

Оказался «отодвинутым», забытым урок предшествующей революционной практики: класс, возглавший социальную революцию, всегда логикой истории вынужден исходить не только из своего ограниченно и конкретного интереса, но воздействовать на

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 113–127. «...Упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным освоением ее...» Речь идет о «неестественной простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорош еще до нее» (там же. С. 115). «Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием. Всеобщая и конституирующаяся как власть зависть представляет собой ту скрытую форму, которую принимает стяжательство и в которой оно себя лишь иным способом удовлетворяет» (там же. С. 114).

¹⁰ Словообразование «предмарксизм» достаточно условно, как и любой такого рода термин. Сводить «предмарксизм» только к утопизму было бы просто нерационально: утопизм имеет свое собственное, достаточно устоявшееся название. Термин отражает концепцию в развитии: то, что принято называть «марксизмом», уже доминирует (по структурной характеристике асимметрии противоречия), но утопизм здесь присутствует еще в достаточно значимом объеме. В последнее время мы часто встречаемся с аналогичными терминами: «околомарксизм», «постмарксизм» и т.п. Термин «предпролетариат» употреблен А.И. Володиным (История и утопия. М., 1976. С. 20).

социалистический процесс в конечном счете в интересах общества целиком. Классовое может стать последовательно революционным и прогрессивным только тогда, когда класс-лидер через свои интересы выражает и реализует общечеловеческие интересы.

Серьезнейшей уступкой утопизму было представление о том, что в условиях России можно сразу, быстро после короткого переходного периода совершить «скакок в социализм». Оказался фактически проигнорирован «характер... крестьянской аграрной революции, одного из видов буржуазной революции вообще»¹¹, оказался забытым ясно понятый еще за 10 лет до Октября 1917 г. «мелкобуржуазный характер крестьянской революции и неосновательность «социалистических упоманий на нее»¹².

Революции не совершаются по подсказке, и Октябрьская революция 1917 г. как массовое движение представляла собой сложное взаимопереплетение объективных тенденций и соответствующих им социалистических, мелкобуржуазных и общедемократических субъективных позиций и программ. Сужение программного представления РСДРП(б) о диапазоне революционного процесса в России только как непосредственно ориентированного на социализм было типичным для утопизма. Утопическое, фактически близкое народническому пониманию социализма, здесь вступило в противоречие с одним из фундаментальных открытий марксизма: ни одна формация не сходит со сцены истории, пока она не исчерпала всех заложенных в ней возможностей. В истории не было и не могло быть «лишних» формаций.

Из социалистических упоманий на мелкобуржуазную, по существу крестьянскую, революцию пристекала принципиальная недооценка индивидуального (частного) интереса в хозяйственной жизни крестьянства и соответственно закономерностей товарных отношений в экономической сфере. Недооценка необ-

¹¹ Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов // Поли. собр. соч, Т. 16. С. 235.

¹² Там же. С. 327.

ходимости товарных отношений неизбежно вела к субъективистским попыткам насаждать прямой продуктомен.

Отрицание товарности в экономических отношениях столь же неотвратимо вело и к утопическому требованию уравнительности в распределении. В.И. Ленин в 1908 г. понимал, что «не может быть уравнительности в товарном производстве»¹³, но в 1917–1920 гг. отрицание товарности, насаждаемый властью продуктообмен, естественно, подводили в экономической политике к уравнительности.

Утопическое лежало в основе представления о том, что достаточно юридически (в нормах права) провозгласить отмену частнокапиталистической собственности, чтобы в производственных отношениях сразу же произошли коренные, необратимые изменения. Отсюда возникло, в свою очередь, представление о том, что общенародная собственность тождественна собственности государства.

Утопическим было представление о том, что можно заменить активное участие самих масс в строительстве социализма строительством социализма для масс. В том числе этот просчет рождал иллюзию, что эффект бюрократии есть лишь следствие недобросовестного отношения занятых управлением к своим обязанностям, а не следствие закономерного в этом случае противостояния в социальной структуре работников и управляющих.

Процесс оптимально-эффективных преобразований оказался много более сложным, противоречивым, длительным, чем это виделось в свете утопических элементов политической программы революции.

Одной из серьезнейших утопических ошибок в 1917–1920 гг. было преувеличение роли принуждения и насилия для реализации казавшихся возможными экономических и социальных преобразований.

Утопизм той эпохи – не отдельные, случайные ошибки, Утопизм был достаточно системен. «Предмарксизм» – достаточ-

¹³ Там же. С. 260.

но целостная концепция. Из сужения базы революции, из допущения возможности быстрого и простого «скачка» в социализм неизбежно вытекал тезис, органический для этого рода системы взглядов, о том, что историю можно и надо «подталкивать», поскольку «сама собой» она так быстро двигаться не сможет.

В периоды социальных революций, выражавших обострение классовой борьбы, значение, масштабы, роль принуждения, роль насилия всегда возрастают. Однако при этом в равной мере ошибочными, на наш взгляд, явились бы как претензии на полный отказ от насилия, так и упования только на насилие, прежде всего и главным образом на насилие.

Акцент на насилие в 1917–1920 гг. у деятелей ЧК, у представителей Красной Армии еще можно было посчитать в чем-то следствием их функциональных ролей, Но, например, у Н.И. Бухарина – теоретика, идеолога, никогда не работавшего ни в органах безопасности, ни в армии, – представление о приоритете принуждения носило как раз концептуальный характер: «...пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи...»¹⁴.

Упование на насилие неотделимо от вульгарно- pragmaticальной трактовки нравственных норм («нравственно то, что выгодно»), от приоритета политических выгод перед правом, от опоры в политике на не ограниченный ничем и никак субъективизм. Не в малой степени именно недооценка сложнейшего характера формирования нравственности в обществе обусловила и утопическую установку на насильтвенное механическое «выталкивание» религии из культуры, установку на поверхностный декларативный атеизм.

¹⁴ Бухарин Н.И. Экономика переходного периода. Ч. 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 146. Эта фраза (особенно ее окончание) выделена В.И. Лениным в его конспекте книжки Н.И. Бухарина и оценена весьма положительно.

Серьезнейшей уступкой утопизму было представление о безусловно универсальном значении Октябрьской революции 1917 г. в качестве образца и чуть ли не единственно возможного варианта движения всего мирового сообщества к социализму.

Охарактеризованные нами утопические представления, вкрапленные в научную систему взглядов, отличались своей специфической философской методологией понимания и познания общества. Методология «предмарксизма» не могла быть последовательной материалистической диалектикой: уступка утопии рождала свойственные именно ей уступки субъективизму и в методологических принципах. Сложился странный и противовесственный «гибрид» в методологии: смешение утопического и марксистского социализма, переплетение научно обоснованного детерминизма и субъективизма, научно-критического и вульгарно-апологетического изображения социалистических принципов устройства общества и т.п.

Элементы вульгарной субъективистской методологии органически сливались в революции 1917 г. с утопической интерпретацией марксизма. В.И. Ленин не случайно писал в «Философских тетрадях» о своих политических единомышленниках, что Гегеля они не читали и «Капитал» К. Маркса поэтому не поняли¹⁵; не случайно неоднократно, устно и письменно, упрекал одного из крупнейших теоретиков партии, Н.И. Бухарина, в серьезнейших ошибках в понимании диалектики Налицо была неразвитость философских взглядов руководителей и теоретиков коммунистической по своей политической ориентации партии, их неспособность понять и использовать диалектику, хотя они искренне считали себя марксистами.

Мы полагаем, ч-то речь должна идти не об отдельных ошибках отдельных персонажей, обусловленных лишь их субъективными качествами: А.А. Богданова,

А.В. Луначарского, Н.И. Бухарина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина и других. В 1917–1920 гг. в партии фактически преоблада-

¹⁵ См.: Ленин В. И Поли. собр. соч. Т. 29. С. 162.

ла система взглядов того конкретного и объективно обусловленного качества, которую мы обозначили как «предмарксизм». И эта система взглядов была свойственна не только функционерам РСДРП (б) – РКП (б). Система утопических представлений, исходивших от партии и попадавших на благодатную почву стихийного «народного утопизма», в каком-то смысле пронизывала все общество. Варианты утопических представлений, конечно, различались у разных социальных слоев и групп, различной была политическая практика, исходившая из этих представлений, но во всех случаях речь идет об уровне, формах, вариантах проявления объективно обусловленного утопизма в общественном сознании, а не просто о совокупности каких-либо «недо...»: о недоученных учебных пособиях, недораспространенных научных истинах, о недопонимании и отдельных индивидуальных ошибках отдельных политических деятелей.

При всем том и в границах одной партии, РСДРП (б) – РКП (б), налицо был весьма широкий диапазон как общего усвоения мировоззренческой стороны марксизма, так и соединения социальной доктрины марксизма с элементами утопизма.

Относительно небольшая группа партийных руководителей и функционеров сравнительно твердо усвоила не только те или иные положения социальной теории марксизма, но и тот дух самокритики, дух критичности, который ограничен для методологии марксизма, для научного мировоззрения, усвоила необходимость выверять любую теорию по критериям практики. Наиболее последовательно на этих позициях в РКП (б) стоял В.И. Ленин, к этой же методологической позиции пришли в конечном счете (хотя и с ощутимым опозданием) столь разные люди, как, например, Н.И. Бухарин, М.Н. Рютин, Х. Г. Раковский и другие.

Начинали все они с той же общей дани утопизму (причем Н.И. Бухарин был в 1917–1918 гг. на самом «левом» его крыле), однако практика социального процесса рано или поздно подводила их к постепенному, зачастую болезненному преодолению тех или иных элементов своих утопических взглядов.

Утопические элементы в представлениях В.И. Ленина достаточно отчетливо прослеживаются по его работам 1917–1920 гг. В.И. Ленин и в этот период не обольщался иллюзиями относительно простоты, легкости решения стоявших перед страной проблем. Однако его оценка возможностей преодоления трудных проблем, а порой и сама постановка целей развития общества в ряде аспектов не избежали утопизма. В.И. Ленин сам же и подверг значительную часть своих утопических заблуждений решительной критике в 1921–1923 гг. В отличие от усвоивших утопические представления о строительстве социализма в России как догмы, В.И. Ленин, уступая в тех или иных конкретных случаях господствовавшему утопизму, обычно не терял конечной ориентации на социальную практику как критерий истинности теорий. В 1921–1923 гг. В.И. Ленин пришел окончательно к выводу о том, что реальный путь к более или менее отдаленному социалистическому будущему лежит только через государственный капитализм и соответствующую ему кооперацию¹⁶. Соответственно и была ориентирована новая экономическая политика. При этом представления о ней не оставались застывшими: они менялись, все в большей степени приближаясь к реалистической оценке социально-экономических перспектив развития страны.

Эволюция взглядов Н.И. Бухарина и его сторонников, а также М.Н. Рютина, Х. Г. Раковского и других в сторону постепенного освобождения от утопизма шла много медленнее. Она стала заметной лишь к середине 20-х – началу 30-х годов. Ее нельзя считать завершившейся. Но может быть, завершившись ей помешала их гибель? Эта эволюция имеет очень важное значение общего порядка: она явилась реальным подтверждением потенциальной способности «предмарксизма» к развитию.

¹⁶ Может быть, здесь уместно не самого В.И. Ленина цитировать, а привести свидетельства И.В. Сталина: «...Ленин мыслил госкапитализм как возможную основную форму нашего хозяйствования, а кооперацию рассматривал в сочетании с госкапитализмом» (Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 153).

Утопические представления о социализме, получившие распространение в РСДРП (б) – РКП (б) в 1917–1920 гг., фактически не учитывали главные принципы теории формационного перехода, выработанные еще К. Марксом и Ф. Энгельсом.

Исходным пунктом этой теории является постулат о том, что материальные предпосылки каждой последующей формации складываются в рамках предыдущей. Поэтому смена старой формации новой органически связана с диалектическим отрицанием, то есть с единством собственно отрицания и преемственности. В течение одного или нескольких дней может произойти политический переворот, но социальная революция – всегда относительно длительный исторический процесс. В ходе такой революции происходит постепенное вытеснение старых форм новыми. Старое существует с новым, в какой-то мере функционирует «внутри» нового, органически совмещается с ним и взаимодействует с ним. Этот процесс органического соединения старого и нового характерен для всей первой фазы каждой новой формации.

Переход от старой формации к новой соответственно неизбежно связан с относительно длительным сосуществованием не только укладов, но и стран, начавших переход к новой формации, и стран, сохранивших у себя общественное устройство старого типа. Это обуславливает характер международных отношений в целом, которым в том числе свойственна определенная неравновесность в соотношении старой и новой формации. Так было при переходе от феодализма к капитализму, таким же является историческое сосуществование капитализма и социализма.

Новая экономическая политика (нэп) во всей полноте своих составляющих означала постепенное освобождение от утопических иллюзий, представляя собой на уровне социальных технологий практическую реализацию основных свойств формационного перехода, как их трактовал марксизм.

В отличие от В.И. Ленина, преобладающая часть и руководителей, и рядовых членов партии по своему мировоззрению,

своей культуре относилась к теории преимущественно как к догме, а потому тяготела к изначально у них сложившимся, устойчивым, не меняющимся полуутопическим представлениям о путях движения к социализму. По довольно условной оценке Ф.М. Бурлацкого, круг этих людей составлял не менее чем $\frac{2}{3}$ численности партии¹⁷. Они и представляли безусловное большинство, которое элементарным голосованием на XIII, XIV и XV съездах партии реально определило социально-экономическую политику партии. Это большинство, как мы полагаем, фактически оставалось на своих полуутопических позициях и при жизни В.И. Ленина, в той или иной форме «спуская на тормозах» установки нэпа, ориентации на демократизацию политической организации общества в рамках диктатуры рабочего класса и т.п. Та или иная степень согласия с нэпом у этого большинства обусловливала преимущественно признанием авторитета В.И. Ленина. К последовательной же теоретической самокритике по самому уровню своей культуры это большинство партии способно не было.

«Лозунговое» усвоение политических установок не столько осознанный выбор теоретической концепции как основы партийной политики, сколько фактически выбор приемлемого для себя «вождя» были в то время преобладающими в широких кругах партии. Поэтому после смерти В.И. Ленина полуутопические установки вновь сравнительно легко заняли господствующее место в определении политической линии социалистического строительства, став к 1928–1929 гг. строго обязательными.

Именно полуутопическая интерпретация марксизма явилась той идеино-теоретической основой, которая давала возможность сложиться, создавала условия наибольшего благоприятствования для феномена, условно обозначенного термином «культ личности». Шаткость теоретических основ политики оказалась при этом усугубленной стремлением определенной части лидеров партии прежде всего к личной власти, борьбой их за личное

¹⁷ См.: Вопросы философии. 1988. № 11. С. 35.

влияние, явным подчинением теоретических взглядов личным эгоистическим интересам в борьбе за политический статус. В совокупности соединение этих обстоятельств и способствовало становлению «культа личности», будь то в России, в Китае или в любой другой стране, где феномен «культа личности» в той или иной форме реализовался. Именно утопическая интерпретация путей реализации социалистической тенденции при этом формировала предпосылки теоретико-идеологических основ «культа личности».

Обнаруживается последовательная закономерная связь между утопической интерпретацией марксизма и «культом личности» как универсальным социальным феноменом. Отягощенная элементами утопии, концепция социального процесса, положенная в основу управления его ходом, являлась идеино-теоретической предпосылкой формирования «культа личности» как целенаправленно создаваемой «сверху» системы отношений. Фундаментом же ее «снизу» оставался уровень политической культуры масс, рецидивы религиоподобного понимания политических реальностей (об этом как о «светской форме религиозного сознания» писал в свое время Ю.Ф. Карякин).

«Культовые», харизматические «вожди» и полуутопическая интерпретация марксизма, образно говоря, взаимно ищут друг друга. Ищут – и обязательно друг друга находят.

Мы полагаем, есть все основания утверждать, что «предмарксизм» был главной и определяющей формой распространения и функционирования марксизма в первой половине XX в. В идеологической борьбе этого периода полуутопическая интерпретация марксизма выглядела достаточно естественно. Различные варианты «предмарксизма» при этом обосновывались либо необходимостью преодоления каких-то якобы ошибочных, устаревших представлений К. Маркса и Ф. Энгельса, либо необходимостью приспособления марксизма к конкретным условиям данной страны, к изменившимся условиям современности и т.п.

В процессе социально-экономических преобразований все яснее становилось, что «предмарксизм» не в состоянии обеспечить научные представления о характере предстоящих изменений в общественных отношениях. Казалось бы, что для развития теории имеются необходимые предпосылки: «предмарксизм» – открытая система представлений, способная к самокритике, к самосовершенствованию. Однако в действительности обозначился иного рода конфликт внутри марксизма.

Фактически оказалось, что, воплощаясь в политические программы различных партий коммунистической ориентации, «предмарксизм» именно эту свою открытость, свою способность к самокритике и самосовершенствованию чаще всего теряет. Он окостеневает, застывает, догматизируется.

Отсюда очевидно, что в объяснении генезиса «культа личности» констатация возникновения и распространения «предмарксизма» объясняет лишь некоторые стороны исходного пункта этого процесса, его некоторое общее идеино-теоретическое основание. Сложившийся «культ личности», требующий консервации, стабильности сложившихся отношений, не может оставаться уже и на почве «предмарксизма» в силу его «открытости», его способности к развитию, самокритике, самообновлению. Становление «культурных» тенденций на какой-то ступени развития неотвратимо трансформирует «предмарксизм» в «псевдомарксизм – догматизированное искажение марксистской концепции, сознательное порой применение марксистской терминологии для апологетики «культурных» отношений. Происходит глубокое размежевание внутри самой марксистской тенденции общественного сознания. Рядовые члены правящих в социалистических странах партий продолжают тяготеть в основном к кругу представлений «предмарксизма». Руководящее же ядро, объединяющее в основном «вождей» всех уровней и рангов, обнаруживает устойчивое тяготение к псевдомарксизму. Размежевание это было и остается чреватым серьезными последствиями. Оно во многом предопределило, с одной сто-

роны, последующую живучесть «культовых» отношений в обществе, а с другой – возникновение в конце концов сопротивления «культурным» отношениям.

«Предмарксизм», как было уже отмечено выше, способен к развитию, к обогащению идеями, пришедшими «извне» – от практики, от других концептуальных систем. Конечным результатом эволюции «предмарксизма» является его постепенное освобождение от утопических элементов и превращение в последовательный, зрелый марксизм.

Трансформация же «предмарксизма» в псевдомарксизм – официозную идеологию «верхов», насаждаемую всеми мерами вплоть до прямого насилия, – основана прежде всего на сознательном отсечении самой возможности его развития, его научного обогащения. Социальная концепция сталинизма как такого в качестве официозной идеологии в принципе не может быть открытой системой, ибо такого рода открытость неизбежно вела бы к его теоретическому само- опровержению, к преодолению груза утопических наслоений. Подмена «предмарксизма» масс псевдомарксизмом «вождей» приобретает характер насаждения «сверху» своего рода «государственной религии» (10. А. Левада). Борьба этих все более взаимно отталкивающихся вариантов усвоения идей марксизма – рецидивов утопизма и вульгарного идеализма – образует одну из основ истории политических отношений, политической культуры, идеологии, социального самосознания масс, наконец, обществоведения в СССР в 20–80-е годы.

Марксизм как мировоззрение развивается в том числе и на основе усвоения в снятом виде всего созданного предшествующей ему обществоведческой мыслью¹⁸. Его способность к ус-

¹⁸ Мы полагаем, что к последовательному марксизму в полной мере может быть отнесено определение, которое Гегель дал истинно современной философии: «Последнее по времени философское учение есть результат всех предшествующих философских учений и должно поэтому содержать в себе принципы всех их; поэтому оно, если только оно является философским учением, есть самое развитое, самое богатое и самое конкретное» (Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974. С. 99).

воению всего нового, к обогащению, самокритике свойственна в определенной степени и ранней, неразвитой форме марксизма – «предмарксизму». Причем способность последнего к развитию противоречива: элементы утопии, еще сохраняющиеся в нем, изначально метафизичны, но доминирующие в нем элементы диалектики придают «предмарксизму» открытость, способность к развитию.

В отличие от него псевдомарксизм – вариант «государственной религии» – по исторической тенденции, восходящей к средним векам, сохраняет себя простым физическим устраниением своих оппонентов, целенаправленным использованием всех средств манипулирования сознанием масс. Таков был способ его самосохранения и в 1922–1923 гг., и в 1929–1930 гг., и в 1937 г., и в 1945–1953 гг.; таким он оставался (хоть и с некоторыми корректировками) и после 1953 г...

Значительная часть не только публицистов, но и специалистов, пишущих о 30–40-х годах, о сталинизме и его ипостасях, зачастую игнорирует характер противоречия, свойственного становлению марксизма: глубокую противоречивость содержания утопических элементов и политическом самосознании масс и псевдомарксистских идей в программных материалах сталинистского руководства партии, положенных в основу проводимой политики. Все сводят зачастую только к прямому подавлению активности масс, к командованию, к репрессиям, к принудительному внедрению вульгарной идеологии сталинизма. Эти методы насаждения нормативного политического сознания, безусловно, имели место, на них базировался сталинизм, но к ним не сводилось ни общественное самосознание, ни деятельность масс в период «культы личности».

Утопические представления о социализме, о характере его создания не столько навязывались массам «извне», сколько органически были вплетены в само политическое самосознание широких масс народа в формах, тяготевших преимущественно к «предмарксизму». И представления играли весьма существен-

ную роль в формировании идеализированного образа конечной цели социального действия масс. И прежде всего именно идеализированный образ социализма выступал в качестве главной основы и героизма в труде и героизма во время войны 1941–1945 гг. Более того, этот идеализированный образ социализма в определенной форме давил «снизу» на политическую линию, определявшуюся «сверху». Это стихийное давление «снизу» заставляло в какой-то мере корректировать формируемую «сверху» политику и идеологию. Именно шедший «снизу» напор колLECTивистских настроений явился в годы войны одним из решающих факторов победы. Таким образом, столкнулись две антагонистические тенденции общественного сознания: «культовая» и колLECTивистская. Фактически созрел и в конце концов проявился острый кризис «культурной» идеологии.

Утопический идеал в ряде своих качеств способствует энтузиазму: утопия всегда обещает больше, чем реально возможно, обещает все осуществить быстрее, чем это возможно, обещает все блага всем поровну, тогда как на самом деле любое общество не может не быть в каких-то аспектах дифференцированно. Утопический идеал основывается на вере, а потому позволяет пренебречь точным расчетом ожидаемого и строгими аргументами реальности гипотетического будущего... Не в малой степени это объясняет, почему решающая роль в создании тяжелой индустрии, в обеспечении обороноспособности СССР (и в особенности в успешной эвакуации военной промышленности на Восток и производстве вооружений для Красной Армии) принадлежит героическому созидальному труду советских людей. Ни элементы грубого принуждения, ни угрозы репрессий, ни подавление творческой активности людей, ни «показуха» многих иллюзорных, по существу, рекордов в труде не снимали, на наш взгляд, реального герояма масс, опирающегося на социалистический идеал (в немалой своей части утопический, но отнюдь не исключительно утопический). И уж во всяком случае не штрафбаты, не заградотряды, не СМЕРШевский контроль за умонастроением красноар-

мейцев, сержантов и офицеров полевых войск сыграли решающую роль в победе в войне 1941–1945 гг.

Не просто противоречивые, а антагонистически противоречивые тенденции «предмарксизма» масс, с одной стороны, и псевдомарксизма «вождей» – с другой, столкнулись в эпоху 20–30-х годов. И прежде всего столкнулись они в развивающихся представлениях о характере социалистического строительства. Элементы утопизма в псевдомарксизме были удобным идеологическим прикрытием корыстного властолюбия «вождей», тогда как «предмарксизм» явился идейной основой для бескорыстного утопизма масс, преодоления, ими любых помех (включая и сам сталинизм как таковой) на пути к идеализированным социальным целям, к идеализированному «светлому будущему».

Драматизм (если не сказать трагизм) истории становления социалистической тенденции общественного развития в СССР и ряде других стран основывался в значительной мере на органическом взаимопреплетении и одновременно антагонистическом взаимоотталкивании стихийного «предмарксизма» масс и официозного псевдомарксизма «верхов». Именно органическая, спонтанная способность «предмарксизма» прогрессировать вместе с неуничтожимым прогрессом общественных отношений, культуры самих людей не позволяла псевдомарксизму окончательно подавить эту неодолимую потребность в совершенствовании, в развитии, подавить поступательное движение общественного сознания.

Преобладание методов, а во многом и концепции псевдомарксизма, на наш взгляд, до сих пор еще в малой степени поколеблено и на сегодняшний день. Он все еще преобладает в содержании официозной науки. Сдвиг, безусловно, есть, он нарастает, однако до коренного перелома, по нашему мнению, дело еще не дошло. Это весьма наглядно проявляется, в частности, в недостаточной пока целостности и системности позитивной концепции перестройки (особенно в политэко-номичекой нау-

ке, где позиции псевдомарксизма были и остаются особенно прочными).

Пока социальные утопии ограничивались социальной критикой и мечтаниями о лучшей жизни, они выглядели весьма привлекательно. В этом и только в этом своем качестве они обладали и обладают реальным позитивным историческим потенциалом. Но достаточно им воплотиться в программы политических партий, в руководство для практических действий, в реализуемые социальные технологии, как они приобретают воистину страшную разрушительную силу. Они превращаются тогда в один из главных факторов деформации социализма, а потому и в один из главных факторов дискредитации самой идеи социализма, дискредитации его практики.

Историческая закономерность парадоксальна: когда утопии начинают реализовываться в социальной практике, они преимущественно реализуются как антиутопии.

Преодоление «культы личности» может протекать только в форме серьезнейшего и глубокого преобразования теории и практики социализма. Речь идет не о частных и случайных явлениях, а о преодолении закономерной в основе своей «детской болезни» становления новой формации, нового мировоззрения. Социализм не может стать самим собой, не преодолев в себе наследия утопизма.

Очерк 4

ПЯТЬ СТУПЕНЕЙ ВВЕРХ, ИЛИ СТАНОВЛЕНИЕ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» КАК ОСОБОЙ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ

...На всякое тело, погруженное в жидкость, действует со стороны этой жидкости выталкивающая сила, равная весу вытесненной телом жидкости, направленная по вертикали вверх...

Закон Архимеда

...Зло своих намерений не изучает. Его интересует тактика. Как достичь цели?..

В.Д. Дудинцев

В исследовании «культы личности» всегда трудно отделить объективное от субъективного, когда в поле зрения анализа оказываются одновременно объективные предпосылки истории и конкретные поступки и высказывания исторических персонажей. Особенno сложно разграничить субъективное и объективное в процессе постепенного движения от предпосылок «культы» к его господству в общественных отношениях. Это движение наполнено характернейшими проявлениями человеческой субъективности, поступками, которым, как это первоначально кажется, нет иного объяснения, кроме вариаций индивидуальности... Однако если окинуть этот процесс взглядом с высоты исторической ретроспекции, то в кажущемся потоке стихийного начинают пропасть вполне определенные черты закономерного...

Для того чтобы отчетливее выявить и оттенить «политическую механику» становления культа, охарактеризуем сначала действия В.И. Ленина в 1917–1922 гг. по предотвращению перестановки «культовых» настроений масс в «культ» как таковой.

Волна «культового» отношения к В.И. Ленину (да и не только к нему) поднялась вверх еще в апреле 1917 г., а после Октября набрала высоту огромную, невиданную. Заставить эту волну застыть в верхней точке, окостенеть, набрать такую жесткость, которая превзошла бы любые металлоконструкции и любой железобетон, было бы для такого искушенного политика, как В.И. Ленин, не столь уж сложным делом. Ведь создавать искусственно самою эту волну настроения масс не было нужды – она возникла стихийно и объективно.

Однако В.И. Ленин вполне сознательно противопоставил этому стихийно поднявшемуся «культурному» умонастроению масс набор мероприятий, снимавших самою возможность формирования на основе этих настроений институциональной системы отношений «культы личности». В.И. Ленин предложил определенную концепцию и систему мероприятий для осуществления в сфере политики принципов коллективности – определяющего (основного) социального отношения нового общественного строя.

Выработанная под руководством В.И. Ленина система мероприятий включала следующее:

- Постоянное широкое и открытое обсуждение внутри партии и в стране в целом основных направлений политики. Расхождение мнений внутри партий, внутри ее ПК должно считаться нормальным и естественным: только таким образом одна правящая партия могла отражать во внутрипартийной жизни взаимодействие основных классов и социальных слоев «внутри» общей социалистической тенденции, могла улавливать неизбежное подвижное взаимодействие политических настроений в стране.

- Решительное пресечение в самой основе попыток личного восхваления, личного возвеличивания. Конкретные личные заслуги должны отмечаться (достаточно сказать, что орденом Красного Знамени за победы и героизм в гражданской войне в ходе ее было отмечено свыше 15 тыс. человек), однако восхваления общего характера, восхваления данной личности как тако-

вой должны были пресекаться и какое-то время на самом деле решительно пресекались.

– Проведение в жизнь системы максимального для тех условий коллективного (коллегиального) принятия решений. В работе «Очередные задачи Советской власти» В.И. Ленин пишет о необходимости обязательного коллективного обсуждения принимаемых решений даже в тех случаях, когда такое обсуждение не слишком продуктивно (В.И. Ленин считал в том числе и «митингование» одним из методов восприятия массой рекомендованных «сверху» решений в качестве «своих»).

– Последовательное (отнюдь не декларативное, как это стало практиковаться впоследствии) проведение в жизнь принципа демократического централизма. Обязательность реальной подотчетности не только «вверх», но и непременно, неукоснительно, – «вниз». Смена руководства по инициативе и официальным решениям «снизу» осуществлялась нисколько не реже, чем по решению «сверху».

– Строгое ограничение и регламентация, сведение к действительно безусловно необходимым для пользы дела каких-либо привилегий в потреблении. «Открытость» и самих привилегий, и быта руководителей всех рангов позволяли общественности контролировать все такого рода привилегии. Применялись самые беспощадные наказания за казнокрадство, взятки, протекционизм, потребительство. В.И. Ленин справедливо полагал, что личная жизнь и участие в потреблении руководителей имеют политическое значение, ибо они не только формируют нормы человеческого поведения и ценности в условиях коллективистского общества, но являются действительными практическими критериями идейности, нравственного облика, преданности делу социализма руководителей, пробным камнем, позволяющим во многих случаях отделить истинных коммунистов от карьеристов.

Политика эта в той или иной мере осуществлялась даже в обстановке тяжелейшей, крайне ожесточенной гражданской

войны, интервенции, разрухи, голода. Конечно, конкретное, реальное осуществление нормативных предписаний не могло быть столь хорошим, как сами предписания. Конкретные реальные действия и партийного аппарата, и армейского командования, и органов административного управления, и органов безопасности, и, наконец, самого В.И. Ленина не раз и не два сильно отклонялись от нормативов и принципов, однако эти нарушения оставались именно нарушениями, не перерастая в норму. В целом политической линией были коллективизм и демократизм.

Поэтому при жизни В.И. Ленина предпосылки «культа личности» не превратились в собственно «культ», в социальный «нарост» на теле создаваемого социализма.

Пока действовал описанный выше механизм сдерживания тенденций, ведущих к формированию «культа личности», все «первые» оставались «первыми», но только «первыми среди равных»...

В условиях перехода от гражданской войны к мирному строительству все отмеченные выше принципы коллективистской внутрипартийной деятельности и в целом общественной жизни были в основном закреплены в решениях X съезда РКП(б). Мы выделим особо (под углом зрения рассматриваемой нами проблемы) резолюции съезда «По вопросам партийного строительства», «О единстве партии», «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии».

В первой из упомянутых резолюций формировались общие принципы организации работы партии в условиях длительного переходного периода, на пороге которого весной 1921 г. стояла страна. Фактически были сформулированы общие принципы деятельности коммунистической партии как массовой политической организации нового типа.

Отмечено было, что вынужденная «милитаризация партийной организации»¹, сыгравшая безусловно положительную роль

¹ См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2, С. 324.

в обстановке гражданской войны и иностранной военной интервенции, рождала вместе с тем ряд противоречий, негативные следствия которых нетерпимы в нормальных условиях. «...Централизация развивала тенденцию к превращению ее в бюрократизацию и отрыву от масс; система боевых приказов принимала часто извращенные формы ненужного нажима; необходимые привилегии становились почвой для злоупотреблений разного рода; необходимое свертывание партийных органов – к ослаблению духовной жизни партии и т.д., что в целом привело к внутреннему партийному кризису»². Мы приводим столь развернутую цитату из этой части резолюции потому, что «культ личности» как раз милитаризацию партийной организации стремится сделать перманентной.

Х съезд РКП (б) предлагал развернуть внутрипартийную демократию в качестве основы деятельности партии в условиях нормальной мирной работы (в революции сна названа «...рабочей демократией»)³. Под такого рода демократией имелось в виду активное участие всех членов партии, «вплоть до наиболее отсталых»⁴, в обсуждении и решении всех вопросов, возникших перед партией, в партийном строительстве. «Форма рабочей демократии исключает всякое назиа-ченство, как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т.д.»⁵. Особое внимание обращено на подотчетность «вниз»⁶.

В резолюции была намечена широкая программа реализации принципов рабочей демократии. В частности, предлагалась последовательная борьба «с злоупотреблениями со стороны членов партии своим положением и материальными преимуществами». Был целиком подтвержден «курс на уравнительность в области

² Там же. С. 325.

³ См. там же. С. 326.

⁴ См. там же. С. 327.

⁵ Там же.

⁶ См. там же. С. 329.

материального положения членов партии»⁷. Выдвигалось требование о систематическом «откомандировании к станку и плугу»⁸ ответственных партийных и советских работников, об их обязательной, строго регламентированной сменяемости. Очень важным было требование обязательного контроля со стороны «общественного мнения партии над работой руководящих органов»⁹, обязательного присутствия на заседаниях руководящих органов партии рядовых членов партии. Требовался личный пример коммунистов «как в области защиты интересов трудящихся, так и в области непосредственной работы предприятия»¹⁰. ЦК должен был ежемесячно отчитываться перед партией о своей работе.

К этому решению прямо примыкали решения о единстве партии и об анархо-синдикалистском уклоне.

В резолюции съезда давалось рабочее определение фракционности: «...возникновение групп с особыми платформами и со стремлением до известной степени замкнуться и создать свою групповую дисциплину»¹¹. Впоследствии именно это, далеко не идеальное и не безусловное определение фракционности было использовано И.В. Сталиным в его борьбе за личную власть, поскольку оно дало ему возможность акцентировать прежде всего сам факт наличия разногласий, даже если эти разногласия не трансформировались в какие-либо организационные структуры. При этом И.В. Сталин проигнорировал, а затем свел на нет содержащиеся в этой же резолюции требования обязательной широкой критики всех без исключения вопросов работы партии, необходимости регулярного издания «Дискуссионного листка», возможности каждому члену партии высказать открыто свое мнение по всем вопросам деятельности партии и т.п. Съезд подчеркнул, что «в специальных изданиях, сборниках и т.п. может и

⁷ Там же. С. 328.

⁸ См. там же. С. 328.

⁹ Там же. С. 329.

¹⁰ Там же. С. 331.

¹¹ Там же. С. 335.

должно быть уделено место для наиболее обстоятельного обмена мнений членов партии по всем указанным вопросам»¹².

Строгое соблюдение этих решений не могло повлиять на спонтанно «культовые» настроения масс, но оно могло бы закрыть шлагбаум во внутрипартийном строительстве перед попытками любой личности выстроить свой «культ». Отменить почти сразу после принятия – в те же 20-е годы – эти решения было очень трудно. Тогда это было еще и небезопасно. Открыто отказалось и в 20-е годы и после от их выполнения тоже было бы сложно, могло повлечь за собой непредсказуемые последствия. Поэтому И.В. Сталиным был выработан единственно возможный принцип использования всех антикультурных узаконений партийной (и политической в целом) жизни для интересов культуры: имитация их соблюдения, тогда как реальное содержание проводимой политики было обратным принятым Х съездом нормам партийной (и политической в целом) жизни. Не явное расхождение между словом и делом, которое прямо бы бросалось в глаза, а именно имитация соблюдения норм партийной и политической жизни, создававшая трудно преодолимую иллюзию их дотошного выполнения.

Такого рода имитация достаточно долго вводила в заблуждение широкую массу не слишком искушенных и политике рядовых коммунистов и в СССР и за рубежом, вводила в заблуждение зарубежные компартии, очень многих представителей прогрессивной интеллигенции.

Индивидуальное здесь пришло в острое противоречие с коллективным (а противоречие коллективного и индивидуального мы считаем основным, определяющим противоречием социализма). В данном случае неантагонистическое в принципе противоречие приняло форму предельно конфликтного, антагонистического противоречия.

Общеинформационное противоречие индивидуального и коллективного в такой его конфликтной форме, как противоречие

¹² Там же. С. 339-340.

социализма и «культа личности», характерно лишь для складывающегося, формирующегося социализма, когда налицо наиболее глубокое проникновение старого в новое, самые грубые формы старого в новом. Может быть, не лишним будет здесь вспомнить, что тот же Х съезд РКП (б) неоднократно в своих решениях отмечал рост мелкобуржуазных настроений в рабочем классе. В решениях съезда вновь и вновь повторяется тезис о «мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране»¹³.

Возникновение «культа личности» является отражением сильнейшего влияния мелкобуржуазного сознания и мелкобуржуазных жизненных ценностей, преобладавших в массах, на партийную среду. Используя мелкобуржуазность в партийной среде, будущий носитель абсолютной личной власти, партийный деятель, персонифицирующий в конце концов «культ личности», постепенно, ступень за ступенью мог выдвинуться на эту роль.

Деятельность партийного лидера, претендующего на статус «великого вождя», необходимо многопланова. Однако в статусе «вождя» организационные функции в определенном смысле приоритетны. Блестящий теоретик, не будучи организатором (и по своим наклонностям, и по своим реальным функциям), может стать «вождем» (как им был, скажем, И.И. Бухарин), но никогда не станет «Великим Вождем». Вот почему ступени, ведущие к этому статусу, ступени, которые прошел И.В. Джугашвили-Сталин, – это ступени в функциях и статусе прежде всего организатора. (Для И.В. Сталина это особенно характерно, поскольку теория, публицистика, пропаганда никогда не были его сильной стороной. Его литературный дар – способность предельно упростить любую идею – мог импонировать только неразвитой и малообразованной массе. Только эта среда могла считать всерьез его теоретиком. На самом деле он им никогда не был.)

Сначала, еще до каких-либо «культов», претендент в «вожди» должен проявить себя как хороший организатор в низовых

¹³ Там же. С. 337.

партийных организациях. Он прежде всего и главным образом должен быть обязательно организатором, хотя он может принимать немалое участие и в партийной литературе, партийной пропаганде. Только организаторская деятельность может быть для него «ключиком» к возвеличиванию собственной личности.

Поэтому следующая, вторая ступень его возвышения – это роль одного из представителей организационного ядра партии. Претендент выступает уже как организатор всепартийного, а не только местного масштаба. На этих первых ступенях лишь ценностные ориентации и некоторые, хорошо скрываемые личностные качества свидетельствуют (и то пока только косвенно) о его истинных устремлениях. Очень важным для И.В. Сталина шагом в завоевании им ведущей позиции в партии как организации явилось выдвижение на пост Генерального секретаря партии на Пленуме ЦК РКП (б) 3 апреля 1922 г., после XI съезда. Третий важный рубеж был пройден: в организационных отношениях завоевана позиция «-первого среди равных»¹⁴. Значение этого поста ясно охарактеризовано В.И. Лениным: «Тов. Stalin, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...»¹⁵. Однако отождествлять само занятие этого поста с установлением «культы личности» все еще нет оснований.

Пост генерального секретаря в 1922 г. означал власть большую, однако отнюдь не абсолютную и, что может быть самое главное, не универсальную. Генеральный секретарь стоял во главе Оргбюро, но при этом был рядовым членом Политбюро. В Политбюро все были равны. В те годы чаще всего на заседаниях Политбюро председательствовал Л.Б. Каменев, однако это не было какой-то особой официальной функцией. Специального статуса председателя в Политбюро не было. Все политические решения были только коллегиальными, однако сама узость этой коллегии уже довольно заметно противоречила принципу коллективности.

¹⁴ См.: Дорошенко В. Ленин против Сталина. 1922–1923 // Звезда. 1990. № 4.

¹⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 345.

Реальное влияние В.И. Ленина в партии – тоже рядового по официальному статусу члена Политбюро – было несравненно более значительным, чем любые возможности генерального секретаря. Это свое влияние, свой авторитет В.И. Ленин обычно не пытался непосредственно реализовать как прямую власть. Но в этом и состояло отличие подлинного революционера, идейного сторонника революции и социализма, каким был В.И. Ленин, от революционера, ставившего себя, свой личный эгоистический интерес выше интересов масс, классов, партии, выше всех идей и теорий, каковым был И.В. Сталин.

«Необъятная» власть генерального секретаря состояла в том, что через его руки проходили назначения на ведущие посты в партийном, советском и хозяйственном аппарате. Это позволяло ему на все нужные посты подбирать «своих» людей. Именно об этой стороне, об этом смысле понятия «необъятная власть» говорил не только В.И. Ленин в 1922 г., но и говорила Н.К. Крупская на XIV съезде ВКП(б)¹⁶.

Пост генерального секретаря, как он был задуман В.И. Лениным, сам по себе не означал универсальной и неограниченной власти, не вел «сам собой» к «культу личности». Именно И.В. Сталин, сознательно и целенаправленно опираясь на поддержку значительной части руководящих кадров партии, которым «вождь» был удобнее, привычнее, понятнее, чем руководитель – «первый среди равных», – придал положению генерального секретаря ту абсолютность, которая ей стала свойственна с конца 20 – начала 30-х годов.

Точка зрения, позиция генерального секретаря, конечно, была очень важна в системе руководящей, управляющей деятельности партии, однако она не была безусловной, она была обсуждаема, могла быть отвергнута, а сам генеральный секретарь мог быть сменен первым же пленумом ЦК. Его реальная позиция все еще выражалась мнением, а не указаниями. Ей пока еще было далеко до божественного откровения, исходящего от

¹⁶ См.: XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчп М.; Л., 1926. С. 572.

существа, раз и навсегда монополизировавшего владение абсолютной истиной. Это – мнение руководителя, но еще не «великого вождя всех времен и народов». Сам пост генсека в 1922 г. отнюдь не означал автоматически ситуации «культы личности». «Культ личности», с другой стороны, всегда рукотворен и с постом генсека И.В. Сталин получил непосредственную возможность, отправную точку в партии как организации, чтобы формировать «культ» собственной личности.

«Культ личности» сменяет положение «первого среди равных» на следующей, четвертой ступени, когда положение персонифицирующей его личности становится уже в известном смысле особенным. На этой четвертой ступени руководитель превращается в «вождя»: он становится фактически над руководством партии (занимая формализованное особое положение и в ЦК, и в Политбюро). Результаты коллективной деятельности всей партии, ее достижения, ее победы теперь приписываются ему лично. И даже тогда положение этого «вождя», фактически уже «культовое» по своей природе, все еще не абсолютно. Хотя теперь уже чисто номинально, но ему еще можно возразить, против него или его мнения еще формально можно проголосовать (как было при тайном голосовании на XVII съезде). Его полномочия еще остаются в кругу партии как организации, хотя уже становятся расхожими формулы: «вождь всего народа», «вождь мирового пролетариата» и им подобные.

«Культ личности» получает свое окончательное завершение (пятая, высшая ступень восхождения к «культуре») только тогда, когда власть соответствующего персонажа становится не только исключительной, но и целиком абсолютной по уровню и границам в обществе в целом. Любое критическое замечание в его адрес, любое, даже самое малое, даже фактически лишь кажущееся сомнение в непрекаемости его авторитета становится не только политически, но и обязательно юридически наказуемым. Авторитет «вождя» становится безусловной нормой права. Каждое его слово является для массы, для партии, для руководящих ее

органов (съезда, пленума), для любого государственного института абсолютной истиной в последней инстанции, закрепленной в нормах права. Юридическим статусом, который давал бы какую-то возможность реально ему возразить, не обладает никто. Фактически такая возможность по его собственному выбору персонально может предоставляться какому-то, очень узкому, кругу лиц из числа его ближайших советников, из его ближайшего окружения. Но и здесь любое такое разрешенное возражение в любой момент по его же собственной инициативе (и только по ней) может быть квалифицировано как тягчайшее государственное преступление. Органы юстиции в таких случаях всегда находили формулу официального, зафиксированного в Уголовном кодексе преступления, влекущего за собой какую-либо из самых крайних мер наказания...

И.В. Сталин прошел все эти отмеченные выше пять ступеней, ведущие на вершину пирамиды власти в обществе. После того как он поднялся на эту вершину, диктатура рабочего класса формально продолжала осуществляться, но теперь уже только через фильтр его личной диктатуры, а потому неизбежно – в деформированном виде. На первом месте в этой диктатуре теперь стояли собственные личные интересы и мнения «великого вождя», а не коллективные интересы, не коллективно вырабатываемые мнения и оценки. Индивидуальное приобретало безусловный приоритет перед непосредственно коллективным в обществе, истинная сущность которого исторически должна была состоять именно в коллективности. И еще раз повторим: личная диктатура (с любой степенью самодурства и самовосхваления) – И.В. Сталина ли, какого-то другого – могла все же осуществляться только как имитация коллективного, то есть только как «нарост» на формационно закономерном в социализме, только как его деформация, но ни в коем случае не как его отмена.

О первых ступенях деятельности И.В. Джугашвили-Сталина нет необходимости здесь специально говорить. Предоставим это историкам. Его заслуги в тот период потом весьма и весьма пре-

увеличивались, одпако в то время его продвижение вперед могло быть достигнуто только ценой реальной активной революционной деятельности.

В личностной характеристике, данной Иосифу Джугашвили еще в семинарии, уже отмечались его тщеславие, честолюбие, капризность и неуживчивость. Ю.В. Трифонов в «Отблеске костра» приводит сходные отзывы о нем как личности и его соратнице по ссылке.

Негативные черты его характера в годы гражданской войны проявились уже достаточно очевидно: жестокость, грубость, неуважение к своим товарищам, заносчивость, поразительное умение в любой обстановке сводить личные счеты и выпячивать значение собственной личности. В книге «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», лично отредактированной самим И.В. Сталиным, в описаниях его деятельности в годы гражданской войны¹⁷ буквально пестрят выражения: «беспощадно», «железной рукой», «железная воля» и т.п. Самооценка И.В. Сталина здесь отнюдь не грешит скромностью: «полководец революции»¹⁸, «соединение в одном лице прозорливости вождя и таланта полководца»¹⁹, «гениальная прозорливость»²⁰, «стратегический гений»²¹. В этой книге по указанию И.В. Сталина авторы текста написали о нем то, что он сам о себе думал в те далекие годы. ...Не случайно, после того как в 1929 г. К.Е. Ворошилов написал к 50-летию И.В. Сталина льстивую и откровенно искажавшую подлинную историю (естественно, в «нужную» сторону) статью «Сталин и Красная Армия», он окончательно стал одним из близких И.В. Стalinу людей. Тем более что конкурентом И.В. Стalinу в борьбе за власть К.Е. Ворошилов быть не мог: масштаб его личности не позволял претендовать на многое.

¹⁷ Иосиф Виссарионович Стalin. Краткая биографии. Нim 2-е. М., 1947. С. 70–83.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 72.

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ Там же. С. 83.

Избрание И.В. Сталина генеральным секретарем РКП (б) было обусловлено его реальными организаторскими способностями. Сомнения В.И. Ленина, имевшие место при этом, однако, ясно отражены в его «Письме к съезду». Может быть, проживи В.И. Ленин еще год-два-три, с поста генерального секретаря И.В. Stalin был бы все же смещен. Однако, как мы уже отметили выше, состав партии в 20-е годы был таков, что дележа власти после 1924 г. было не избежать. И.В. Stalin во всех случаях, находясь на любом посту, как мы полагаем, принял бы самое энергичное участие в таком дележе.

В.И. Ленин, как это приходится признавать, все же недооценил неутолимого властолюбия, тщеславия мещан по духу, коммунистов по должности, оказавшихся бок о бок с ним на самой вершине руководства партией. С другой стороны, он недооценил «ожидания вождя» со стороны широкого круга партийных функционеров не только на низшем уровне, но и на среднем и высшем уровне партийной иерархии. Мелкобуржуазное мировоззрение, зараза мелкобуржуазности, проникшие и в самое самых – в высшее руководящее ядро партии, – оказались фактически много сильнее, чем он полагал... В этом, как нам кажется, одна из существенных сторон трагедии строительства социализма в относительно слабо развитой стране.

На XIV съезде ВКП(б) один из лидеров «новой оппозиции» (под таким названием она фигурирует в исторических исследованиях) – Л.Б. Каменев заявил: «Мы против того, чтобы создавать теорию «вождя», мы против того, чтобы делать «вождя»... Тов. Stalin не может выполнить роли объединителя большевистского штаба»²². Однако было уже поздно: слова эти были встречены улюлюканьем всего Зала, приветствиями и здравицами в адрес И.В. Stalin. Но самым, может быть, характерным было то, что последовало, когда утих шум в зале, когда в заключительной фразе Л. Б. Каменев еще раз сказал: «...мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!» И

²² XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. С. 274, 275.

тут последовал вопрос из зала: «А кого вы предлагаете?»²³ Вот в этом вопросе вся соль: съезд жаждал видеть во главе партии именно Вождя, только Вождя. Руководитель мыслился только как Вождь... Таков был уровень сознания: его невозможно было ни обойти, ни объехать...

Именно борьба с оппозицией (в 1923–1927 гг.) позволила И.В. Сталину придать власти генерального секретаря ее универсальный и абсолютный характер. Для становления собственного «культа» ему пришлось бы придумать, сочинить, изобрести оппозицию...

Появление различных точек зрения на проблему строительства социализма в СССР было закономерным и неизбежным. Ситуация в стране была чрезвычайно сложной, давление разнонаправленных тенденций рабочего класса и крестьянства, военные угрозы из-за рубежа были повседневной (каждодневной) реальностью, опыта каких-либо других стран, который бы позволил вырабатывать политическую линию по аналогии, не было. Нужно было решать задачи, которые раньше никто и никогда не решал. И предстояло руководить этими преобразованиями людям, даже о наиболее грамотных из которых В.И. Ленин заметил в «Философских тетрадях», что диалектики они не усвоили и «Капитала» К. Маркса в полном его объеме не поняли...

Даже если бы к старым беспартийным кадрам было налицо полное доверие (на самом деле его, конечно, не было), политическое руководство социальным и экономическим строительством должна была осуществлять РКП(б) – ВКП(б). Сама ситуация заставляла руководящих партийных функционеров принять самое активное участие в непривычных им функциях экономического прогнозирования и экономического планирования. Политическую окраску экономическим прогнозам на перспективу, кто бы их ни исполнял, должна была бы все равно придать правящая партия. Нужно было найти метод соединения в новых условиях науки и политики, а иного пути, кроме «комиссарства»

²³ Там же. С. 275.

по опыту гражданской войны и проразверстки, руководящая группа партии не знала и не хотела.

В других условиях возможно, что те из членов ВКП(б), членов ее руководства, кто с известными основаниями мог себя считать специалистами в области экономической науки, объединенные кем-то, кто для них всех был бы не только организатором, но и безусловным научным авторитетом (каким был В.И. Ленин), смогли бы в конце концов после ожесточенных дискуссий создать (привлекая, конечно, к этой работе и таких специалистов, как А.В. Чаянов, Н.Н. Суханов, Н.Д. Кондратьев, В.Г. Громан и другие) приемлемую по обоснованности научную концепцию перспективного развития России. Однако расхождение мнений в самом партийном руководстве сразу приняло форму острой борьбы самых разнообразных, конкурирующих между собой политических группировок. За теоретическими разногласиями, при всем их объективном содержании, оказались скрытыми совсем другие мотивы выбора: борьба за личное и групповое влияние, за ведущие позиции в руководстве партией и страной, борьба за власть. И поэтому разногласия по этим вопросам внутри партии оказались более существенными, более острыми, чем разногласия в области теории.

Целесообразность борьбы с идеями Л.Д. Троцкого и его сторонников как политическим течением, открывавшим дорогу «нетерпению» как линии социально-экономической политики, не вызывала тогда сомнения. То, что значительное большинство членов партии отвергало установки Л.Д. Троцкого и его сторонников, было естественным: предлагаемые методы действий в ряде пунктов казались необоснованными, в чем-то даже авантюристическими. Дело было не в отрицании нэпа Л.Д. Троцким и Е.А. Преображенским (главным теоретиком по экономическим вопросам среди сторонников Л.Д. Троцкого). Они нэп прямо не отрицали. Налицо было расхождение с ленинским пониманием характера использования принципов нэпа в целях социалистического строительства.

На XV конференции ВКП (б) в своем выступлении против оппозиции Н.И. Бухарин говорил: «Если предполагается, что социализм строить можно только за счет фискального взимания с нэпмана и кулака, – это предполагает такой размер частнокапиталистического накопления, при котором вся наша деревня почти сплошь идет капиталистическим путем и когда наша торговля точно так же идет в значительной мере капиталистическим путем. Это есть отрицание... кооперативного плана Ильича, это есть представление, что мы и в деревне и в городе пройдем через огромную и высокоразвитую fazу государственного капитализма»²⁴. Однако сегодня можно сказать, что рациональные зерна в этой фактической ориентации на высокую степень развития государственного капитализма, возможно, и были. Но степень проработки проблемы и одной и другой стороной была весьма далека и до полноты, и особенно до убедительности.

Бросается в глаза, однако, огромная разница между тем, как В.И. Ленин провел в партии в свое время, скажем, дискуссию о профсоюзах и как И.В. Сталин потом спорил с Л.Д. Троцким и его сторонниками по вопросу о путях строительства социализма.

Борьба мнений вокруг действительных проблем строительства социализма, партийного и государственного строительства фактически во многом отступала на задний план перед личными амбициями, перед борьбой за личную власть, перед стремлением к политическому уничтожению оппонентов.

Даже сам главный виновник того, что разрешение спорных вопросов велось методами, уводившими противостоящие друг другу стороны от ленинских принципов организации внутрипартийной дискуссии, – И.В. Сталин на XIII конференции РКП (б) в докладе о задачах партийного строительства говорил, что попытка разобраться в истории возникновения расхождения во

²⁴ XV конференция ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 596.

мнениях «вносит элемент склоки и взаимных обвинений и ничего путного не дает»²⁵.

На XIV съезде ВКП (б) в своем выступлении Н.К. Крупская подчеркнула неприемлемость самого характера дискуссии: «...мы привыкли крыть наших противников, что называется, матом, и, конечно, нельзя допустить, чтобы члены партии в таких тонах вели между собою полемику», что «принципиальное выяснение заменяется организационной склокой»²⁶. И далее Н.К. Крупская развивает эту же тему: «...у нас идейная борьба вырождалась в борьбу организационную»²⁷.

На XV конференции ВКП (б) – последнем партийном форуме, где реально велась хоть какая-то полемика большинства и меньшинства, – в ряде выступлений проскальзывает недоумение: где спор идет по существу, а где «разногласие по внешности совершенно расплывается и превращается в какое-то совершенно непонятное абстрактное словопрение» (из выступления В.В. Осинского)²⁸.

На XIV съезде, о котором мы уже не раз вели речь выше, Г.Я. Сокольников подчеркивает в своем выступлении, что в нормальных условиях разногласия по принципиальным вопросам могли бы быть разрешены и путем обычного обсуждения внутри Политбюро или внутри ЦК, что столь острая обстановка в партии создается неправомерными попытками И.В. Сталина использовать свои возможности генсека для искусственного обострения разногласий и перевода их в организационную плоскость, для натравливания одной части Политбюро на другую, для разжигания конфликта на уровне и ЦК и съезда. Именно в связи с этими поползновениями И.В. Сталина Г.Я. Сокольников не просто поддерживает идею Л.Б. Каменева об устраниении И.В. Сталина с поста генерального секретаря, но предлагает во-

²⁵ XIII конференция РКП(б). Бюллетень. М., 1924. С. 92. Слова эти он еще раз повторил в заключительном слове (см. там же. С. 148).

²⁶ XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. С. 159.

²⁷ Там же. С. 572.

²⁸ XV конференция ВКП (б). Стенографический отчет. С. 606.

обще упразднить пост Генерального секретаря, сохранив, конечно, при этом для И.В. Сталина членство в Политбюро. При этом он прямо противопоставляет реальный авторитет В.И. Ленина, такого же, как все, члена Политбюро, и административно-партийный авторитет И.В. Сталина²⁹.

Сомнительно, конечно, что так уж легко и мирно в обстановке того времени можно было бы, даже в другой организационной ситуации, прийти к единой точке зрения по главным пунктам расхождения – по вопросам о путях строительства социализма. Расхождения, в конечном счете, если отбросить шелуху споров о словах, цитатах, если преодолеть и чисто личное в спорах, несомненно, были, причем они носили достаточно принципиальный характер. Однако, как показала последующая практика (в том числе ход событий в 1929–1932 гг.), речь фактически шла все же скорее о возможных альтернативных решениях, чем о взаимоисключающих.

В литературе сложилась на основании речей И.В. Сталина против Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, на основании «Краткого курса», материалов политических процессов 1936–1938 гг. иллюзия, что предложения всех противников И.В. Сталина и середины и конца 20-х годов по вопросам индустриализации и политики в деревне были прямо-таки неотвратимо гибельны для строительства социализма в СССР. Современный анализ этих разногласий (особенно в сопоставлении с дальнейшим реальным ходом истории) требует, чтобы мы от этих иллюзий отказались.

Несомненно, реализация установок Л.Д. Троцкого и его сторонников создала бы в стране ощутимые трудности. Эти установки во многом расходились с ленинскими идеями строительства социализма 1921–1923 гг. Но та реальная программа, которая в 1929–1930 гг. была навязана И.В. Сталиным партии, была фактически много «левее» любого троцкизма и еще более далека от ленинской концепции нэпа. Она поэтому действительно вызвала серьезнейшие и никакой необходимостью не обусловленные трудности.

²⁹ См.: XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. С. 333–336.

В области социально-экономической политики можно было бы найти в конце концов альтернативные компромиссные решения, выработать согласованную политику. Необходимости раскола партии безусловно не было. А вот в отношении личной власти и групповых интересов какие-либо компромиссы изначально были полностью и безусловно исключены. Беда как раз и была в том, что оба противоборствующих направления претендовали не столько на мнение, не столько на возможность иметь идеи и высказывать их, не столько на истину, сколько прежде всего на организационное лидерство в партии.

Что касается И.В. Сталина, то он даже и не пытался найти какие-то компромиссные решения. Наоборот, он сознательно и целенаправленно своими методами противодействия меньшинству усиленно подталкивал его к оформлению во фракцию, к организационному оформлению в самостоятельную группу со своей внутренней дисциплиной, чтобы стало возможным применить к ней резолюцию X съезда о фракциях. Все делалось для того, чтобы обсуждение идейных разногласий на съездах и конференциях было переведено на тот уровень, где для оценки противоположного мнения было бы достаточно простого голосования, простого большинства голосов.

Речь идет не о том, чтобы для какого бы то ни было меньшинства были бы созданы условия «наибольшего благоприятствования». Но должен быть, во-первых, обеспечен и тот вариант, когда именно меньшинство оказывается право. Во-вторых, должны быть условия, чтобы все положительное, что есть в предложениях меньшинства, было бы использовано. Этих условий во время дискуссий 20-х годов не было и в помине, хотя цепкий ряд коммунистов в своих выступлениях на конференциях и съездах все же пытались доказывать свои взгляды на уровне научных и политических аргументов.

На XV съезде ВКП (б) дискуссии уже фактически не было. Помимо всех объективных факторов и причин этого складывается представление, что И.В. Сталин хотел снять любую потен-

циальную возможность обсуждения на съезде вопроса о его статусе генсека. А для этого надо было все решить заранее, в более узком кругу, где поддержка ему была гарантирована, – на пленумах ЦК и ЦКК, в Политбюро. Съезд подтвердил решения предшествовавших ему объединенных Пленумов ЦК и ЦКК 29 июля – 9 августа 1927 г. и 21–23 октября 1927 г., постановления ЦК и ЦКК от 14 ноября 1927 г. о мерах воздействия на сторонников Л.Д. Троцкого, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева за их прямую фракционную деятельность. Принадлежность к числу их сторонников была квалифицирована как оппозиция, а пропаганда ее взглядов была признана несовместимой с принадлежностью к ВКП (б) . Обвинение в оппозиции основывалось на том, что разногласия переросли в программные, а организационно имели место попытки создания своей собственной троцкистской партии³⁰. Большая группа активных сторонников меньшинства была исключена из партии.

Большинство съезда, отвергая позицию Л.Д. Троцкого, вполне искренне отстаивало более взвешенную (хотя тоже теоретически отнюдь не безупречную) позицию в вопросах социально-экономического развития страны. Если бы реализовалась программа движения к социализму, которой в 1927 г. придерживалось большинство съезда, результат был бы несравненно значительнее, а потери несравненно меньше, хотя ряд ошибок (более частного характера, чем принципиальная ориентация «влево») просматривается сегодня и в установках большинства съезда.

Беда была в том, что за прикрытием идеино-теоретических разногласий шла борьба за власть. Кто в этой борьбе действительно отстаивал идеи, а кому эти идеи были нужны только для завоевания власти в партии и стране, этого мы уже никогда не узнаем. Во всяком случае, официальный лидер большинства – И.В. Сталин боролся только за власть: история последующих лет доказала это безоговорочно.

³⁰ См. резолюцию XV съезда ВКП (б) «Об оппозиции»// КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 311–314.

Сегодня, оценивая итоги XV съезда, со всей возможной категоричностью надо сказать, что методы борьбы XV съезда с меньшинством, предложенные ему И.В. Сталиным и принятые подавляющим большинством съезда, надо ретроспективно признать негодными, несостоятельными. Они негодны сами по себе, ибо представляют собой фактически метод элементарного механического «отсечения» меньшинства, без каких-либо попыток учета его мнения, поиска рациональных элементов в отвергаемой позиции. А кроме того, эти методы безусловно несостоятельны, ибо не сумели предотвратить реализацию, да еще в значительно ухудшенном варианте, всей отвергнутой «левацкой» программы социально-экономических преобразований в стране.

Другой урок истории, демонстрирующий несостоятельность методов борьбы XV съезда с меньшинством, признанным оппозицией, заключался в том, что они создали политические предпосылки самой возможности массовых репрессий 1937–1938 гг. Методы борьбы со сторонниками Л.Д. Троцкого на XV съезде послужили примером расправы в 1929–1930 гг. с группой Н.И. Бухарина – А.И. Рыкова – М.П. Томского. Нагнетание страхов в борьбе с меньшинством, квалификация его во всех случаях только как группы врагов, пособников буржуазной контрреволюции сыграли решающую роль в том, что репрессивная политика 1937–1938 гг. в определенной своей части была усвоена массами как должное или хотя бы как допустимое. И отзвуки этого признания в виде оценки массовых репрессий лишь как ошибки до сих пор мелькают на страницах периодических изданий, как только начинают обсуждаться какие-то стороны личности И.В. Сталина, политики 30–40-х годов и т.п.

В.И. Ленин был уникальным явлением в политической истории и России и мира, потому что сочетал в своем лице равно и теоретика, и организатора. Когда деятельность В.И. Ленина будет изучена достаточно полно и объективно, без того апологетического (восходящего все к тому же «культовому» преклонению перед вождями) налета, возможно, что мы сумеем более кон-

кретно, раздельно оценить одну и другую стороны его деятельности и выделить, в чем он был сильнее, а в чем – слабее.

После смерти В.И. Ленина проблема относительного обособления деятельности теоретической и деятельности управленийкой, оптимальной организации каждой из них, поиска лучших форм их сочетания и соединения, методов коллективного решения политических проблем стала решающей для перспектив социалистического строительства. Однако именно «культовое» представление о руководителе как «вождe», безусловно заимствованное из прошлого представление о том, что во главе политической партии (как во главе феодальной империи) должен стоять некий универсальный и в этом смысле абсолютный лидер, неумение найти на практическом уровне, каким должно быть коллективное руководство, какой должна быть коллективная теоретическая деятельность и коллективное решение организационных вопросов, фактически вели дело к поискам «великого вождя». Противостояние И.В. Сталина и Л.Д. Троцкого никогда фактически не было иным: оно изначально вращалось вокруг идеи поиска (или, можно сказать, выбора) универсального и абсолютного вождя. Такой «великий вождь», став во главе партии, получал своего рода мандат (патент, ярлык) на всеведение во всех вопросах.

...У истоков культа И.В. Сталина фактически лежала социокультурная традиция феодального (если не еще более древнего) прошлого, перенесенная в условия деятельности современной политической (да еще и правящей) партии. И эта традиция оказалась сильнее, чем освоенные умом на уровне теоретических абстракций истины научного марксизма о роли личности в истории, о наступающей эпохе коллективизма и т.п. Феодальная социокультурная традиция неумолимо «выталкивала» на вершину иерархической пирамиды «великого вождя», на роль которого всегда нашлись бы кандидатуры.

Анализируя сегодня весь ход внутрипартийной борьбы в 20-е годы, переплетавшейся с завоеванием и закреплением

И.В. Сталиным статуса «вождя» и неограниченной личной власти, нельзя забывать недостаточную политическую воспитанность громадного большинства членов партии.

Крайне низок был прежде всего такой индикатор политической воспитанности, как уровень образования. Причем не только партии в целом, но и ее руководства, представленного на съездах.

На XIII съезде партии (май 1924 г.) среди делегатов с решающим голосом 9,8% не имели какого- либо формального образования, 66,8% было с низшим образованием, 17,9% – со средним и только 5,5% – с высшим³¹.

На XVI съезде, в 1930 г. (то есть когда все споры о жения со всеми оппозициями были уже позади) сдвигов в образовании делегатов съезда фактически было мало: с высшим и незаконченным высшим – 7,2%, со средним – 12,9%. Получивших партийно-политическое образование (комвузы) – 17,9%. Среди делегатов, получивших политическое образование, окончили курсы марксизма и ленинизма 36,2% к общему числу этой группы³².

Для этого состава людей характерна была глубокая внутренняя двойственность, противоречивость политического сознания. Политический опыт (на XIII съезде было 48,6% делегатов, прошедших подполье, вступивших в партию до 1917 г., на XVI – их было уже 28%) требовал от них логического обоснования, теоретических и практических аргументов для принятия решения. А их уровень грамотности толкал их к принятию решения единственно для них доступным методом: через выбор для себя «вождя» и делегирование ему функции окончательного решения. Иначе при этом составе и быть не могло.

Подчеркнутая «антиинтеллигентность» И.В. Сталина, предельная (до вульгарности) простота изложения им своих позиций, жесткий акцент на решение всех идейных проблем (по ряду пунктов казавшихся не слишком искушенной в теории массе лишь затянувшимся спором о словах) большинством голосов,

³¹ См.: XIII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 711.

³² См.: XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет, М.; Л., 1930. С. 600.

импонировала значительной части коммунистов, видевших в И.В. Сталине «своего», такого же, как они. Это была в том числе и своего рода усталость не очень привычных к теоретическим спорам людей от длительной, изнурительной дискуссии. Раз большинство против каких-то мнений, несостоятельность этих мнений предельно ясно и просто доказана. А коли так, значит, эти мнения – ошибка, ересь, они должны быть попросту отброшены, причем лучше всего целиком и вместе со своими носителями.

Это и отвечало стремлению И.В. Сталина перевести разногласия преимущественно в организационную сферу, а затем отсечь равно и мнения, не согласовывавшиеся с позицией большинства, и носителей этих мнений. И.В. Стalin в выступлениях против своих противников интерпретировал наличие большинства по идеяным вопросам как требование обязательного единомыслия под угрозой самых строгих партийных репрессий. И получал поддержку большинства в такого рода требованиях. Любые, даже самые слабые, даже кажущиеся сомнения в целесообразности столь жесткого, полного и безоговорочного организационного отсечения и подавления инакомыслящих на XV съезде ВКП (б) вызывали возмущение в зале, выкрики, угрозы и т.п.

Может быть, на самом съезде, да и вообще в то время – в 1927 г. – позиция И.В. Сталина, реализованная им в ходе событий 1927 г., казалась не столь грубой, жесткой и направленной не столько против тех, кто не был с ним согласен, тех, кто не признавал его высший авторитет в теоретических вопросах, сколько якобы против ошибочных идей и плохого поведения носителей этих идей. Однако последующая судьба 75 лидеров меньшинства, исключенных из партии решением ЦК и ЦКК от 14 ноября 1927 г.), свидетельствует против И.В. Сталина. Идеи этих людей были реализованы И.В. Сталиным, но сами люди впоследствии практически все были уничтожены.

Спустя всего два года после XV съезда ВКП (б) – в ходе «великого перелома» – все эти люди, казалось бы, должны были бы стать близкими помощниками И.В. Сталина, если бы в 1927 г. их разделяли действительно идейные разногласия. Однако ни они сами не были возвращены на прежние политические позиции (хотя большинство из них были восстановлены в 1930 г. в партии), ни И.В. Сталину и его окружению не пришла в голову мысль использовать их т. иши и способности для проведения в жизнь во миотим ими же выработанной политики.

И.В. Сталину и «людям И.В. Сталина» не нужны были ни с какими идеями и ни с какими способностями «люди Л.Д. Троцкого». И это лучше всего свидетельствует об истинных причинах столь крайнего ожесточения сторон во внутрипартийной борьбе в 1924–1927 гг.

Здесь уместно напомнить, что В.И. Ленин, который отнюдь не страдал мягкотелостью по отношению к своим идеяным противникам, считал нужным проведение по отношению к деятелям оппозиции, в которых видел лишь оппонентов по конкретным вопросам, совершенно иной политики. Порой он, может быть, злоупотреблял жесткими эпитетами и грозными обещаниями, но при этом не сводил с ними счеты. При создании ЦКК В.И. Ленин внес в Политбюро проект постановления (26 октября 1920 г.), один из пунктов которого гласит: «Как особое задание Контрольной комиссии рекомендовать внимательно-индивидуализирующее отношение, часто даже прямое своего рода лечение по отношению к представителям так называемой оппозиции, потерпевшим психологический кризис в связи с неудачами в их советской или партийной карьере. Надо постараться успокоить их, объяснить им дело товарищески, подыскать им (без способа приказывания) подходящую к их психологическим особенностям работу, дать в этом пункте советы и указания Оргбюро Цека и т.п.»³³.

³³ Ленин В.И. Поли, собр. соч. Т. 41. С. 394.

Очерк 5

«БОЛЬШОЙ СКАЧОК»: ДОСТИЖЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

...Все «медали» обернулись в русской действительности своей оборотной стороной... Строительство приняло форму сплошного разрушения, и «любовь к будущему человечеству» вылилась в ненависть и пытку для современников.

Ф.И. Шаляпин

История «больших скачков» с первого взгляда кажется для каждой страны совершенно индивидуальной, не имеющей ничего общего с каким-либо грандиозным преобразованием в общественных отношениях другой страны. На самом деле «большой скачок» – необходимая (по нашему условному подсчету – четвертая, решающая) ступень в процессе становления «культы личности». Именно «большой скачок» дает возможность к титулу «вождь» добавить вожделенные слова «Великий Вождь».

В каждой стране это может быть какое угодно преобразование общественных отношений, но обязательно – значительное, эпохальное: иначе руководивший его осуществлением «вождь» не потянет на титул «Великий»...

Другое дело – преобразование какой сферы общественной жизни превращается в «большой скачок»? Для России содержание такого «большого скачка» было предрешено реальными социально-экономическими проблемами, стоящими перед страной.

Об одной проблеме мы уже сказали: как получилось, что, раскритиковав «левицкую» программу Л. Д. Троцкого и его сторонников в 1927 г., ведущие деятели партии в 1929 г. поддержали сталинский, еще более «левицкий» по своему содержанию

«большой скачок» и продолжали его единодушно поддерживать (отвергнув сомнения Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и М.Б. Томского) на XVI съезде ВКП (б) в 1930 г., продолжали в своем большинстве его поддерживать в трудные и сложные годы – 1930–1934 гг. – между XVI и XVII съездами ВКП (б)?..

Мы полагаем, что среди ряда факторов прежде всего имел место типичный эффект «вождизма»: отождествление партии, ее политики и личности вождя. При этом идеальные (нормативные) свойства партии переносятся на «вождя»: он представляется массам не таким, каким на самом деле есть (и как человек, и как политический деятель), а таким, каким он должен быть.

В ходе борьбы со сторонниками Л.Д. Троцкого от года к году все сильнее происходило отождествление политической линии большинства лично с И.В. Сталиным, отождествление своего рода обобщенного представления о партии с И.В. Сталиным, абсолютизации не только организационных решений, но уже всей деятельности и всех мнений И.В. Сталина.

Отправным пунктом этой ложной идеи, целиком «культовой» по своему существу, было отождествление В.И. Ленина и партии. Дело не в том, каковы конкретные основания этой идеи относительно того или другого политического деятеля – сама идея отождествления нормативного представления о партии и личностных качеств ее лидера заведомо ложна и политически чрезвычайно вредна. Началось на XIII съезде с того, что ленинская критика качеств И.В. Сталина была принята, но высказано (большинством) мнение, что И.В. Stalin способен учесть критику и исправить ошибки в своем поведении. Но уже на XIV съезде звучат попытки вообще дезавуировать эту критику В.И. Лениным И.В. Сталина. В выступлении С.И. Гусева, члена ПК, одного из старейших членов партии (с 1896 г.), речь идет не только о безупречном распоряжении И.В. Сталиным своей властью, но и о том, что о ее наличии нет нужды вообще поминать¹. В выступлении же К.Е. Ворошилова в адрес действий И.В. Ста-

¹ См.: XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 601.

лина в качестве секретаря ЦК и члена Политбюро расточаются комплименты, увенчанные формулой исторического звучания: «Тов. Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулирован, вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро. Тов. Stalin является – я это утверждаю – главным членом Политбюро»².

Все это шаг за шагом в 1924–1927 гг. формировало своего рода «рефлекс» безоговорочной поддержки съездом, ЦК любого мнения И.В. Сталина, как лучшего и единственного возможного мнения в партии вообще. На XV съезде партии это отношение к И.В. Сталину заметно окрепло, сформировалось: с политической арены исчезли его постоянные оппоненты, не уступившие ему раньше по своему политическому статусу в партии, не уступавшие ему по своей роли в ис- юрии партии и революции. К 1929 г. уже любое его слово воспринималось партийной массой как откровение, как безусловная истина, как прямое руководство к исполнению, к действию. Об открытой критике в его адрес уже не могло быть и речи. Так, страна, партия, со руководство во главе с И.В. Сталиным – генеральным секретарем, «первым членом Политбюро», но нее же пока еще по формальному статусу «первым с реди равных» – вступили в полосу вставших па очередь в истории реализации социалистической программы сложнейших задач индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства.

Дело, однако, только к этому не сводилось. «Культовое» положение «вождя» не таково, чтобы оно не нуждалось в каком-то подкреплении реальными достижениями. Следовательно, нужна была определенная aberrация зрения, чтобы в провозглашаемых и проводимых в жизнь мерах «большого скачка» видеть только позитивные результаты и игнорировать негативные. Такая aberrация политического зрения восходит к элементам утопического представления о путях строительства социализма – к «предмарксизму» (см. выше, очерк 3).

² Там же. С. 397.

Отрицание объективного характера экономических патов, отождествление плана и объективного закона (то есть субъективизм как мировоззренческая позиция). представление о возможности сравнительно быстро и прямо построить социализм (причем это сразу меч «чистый», одноукладный социализм), представление о том, что методом насилия можно осуществлять любые, самые радикальные перемены в социальной структуре и т.п. – весь этот набор утопических «добавок» к марксистской идеи социализма и обуславливал согласованное внутренними убеждениями и руководителями, и масс принятие планов сверхиндустриализации и быстрой сплошной принудительной колLECTIVизации. Напомним, что в официальных директивах отнюдь не было акцентов на принуждение. Наоборот Имитировалась добровольность. Приказной была лишь установка на раскулачивание, но она-то как раз отвечала мнению значительной части и рабочих, и коммунистов, и даже известной части крестьян (о чем подробнее речь пойдет ниже).

Парадоксальность ситуации была в том, что по концепции Е.А. Преображенского «первоначальное социалистическое накопление» (термин, предложенный в его работах) представляло собой необходимое, но вынужденное насилие (плановое перераспределение средств) над «естественной» логикой экономического процесса, тогда как сталинская «сверхиндустриализация» изображалась как процесс естественный, без всяких «сверх» и т.п.³ Так, эти два варианта фактически одного и того же были восприняты в 1929–1930 гг.: один – как искусственная мера, насилие, другой – как естественный ход вещей...

Следует отметить также и определенный эмоционального характера эффект, который способствовал поддержке даже заведомо «левых» предложений И.В. Сталина.

³ Здесь можно отослать читателя к обширной литературе 20-х годов: работам Е.А. Преображенского, публикациям против него Н.И. Бухарина, А.Ф. Кона, Э. Гольденберга и других.

Мы полагаем, что И.В. Сталин и его окружение не только навязывали свою волю съезду. И.В. Сталин и его соратники сумели извлечь из глубины самосознания партийных функционеров сдерживавшиеся до поры до времени авторитетом В.И. Ленина, авторитетом Н.И. Бухарина, доводами науки и политического рассудка мессианские утопические эмоции.

Литературный критик и искусствовед В.И. Каминов нашел удачный термин для обозначения той роли, которую история возложила на плечи поколения, призванного к активной политической жизни революцией, гражданской войной, военным коммунизмом: «Новобранцы большой Истории»⁴. В глубине сознания этого поколения (а также в немалой степени и предшествующего – маленькой горстки бывших подпольщиков, политкаторжан и эмигрантов) «...складывается опасный альянс угнетенного самолюбия, темперамента, услужливого рассудка и воображения, а плоды альянса – потаенный образ мира и нетерпение поэкспериментировать над ним»⁵.

Люди эти хотели управлять историей, радовались этой возможности, порой даже открыто ее требовали – для себя, а потому и для И.В. Сталина и его окружения. Для них высокой ценностью были сами атрибуты власти: право судить, карать и миловать, отвергать и поддерживать, причем они морально были готовы воспользоваться без каких-либо ограничений своими возможностями.

Большая часть этих людей стремилась властвовать ради дела, идеи. Но, во-первых, сами идеи несли на себе сильный отпечаток утопического социализма бабувистского толка, а во-вторых, к людям дела и идеи неизбежно могли и должны были присоединиться те, кто прежде всего хотел власти для себя лично. Не случайно на XVI партконференции М.И. Калинин говорил: «...мы – господствующая партия... В нашу партию идет не только человек, который это делает из идеальных побуждений...

⁴ Каминов В.И. Служение муз и прикладная эстетика // Октябрь. 1988. № 10. С. 151.

⁵ Там же. С. 154.

в нашу партию идут теперь и все живые, активные, честолюбивые элементы. Они знают, что теперь всякий человек, желающий активно участвовать в строительном процессе, хотя бы у него и не было специфического расположения к коммунистической партии, – он прет в коммунистическую партию, потому что понимает, что через коммунистическую партию он может влиять... Активный член партии лучше живет, занимает лучшее положение... В нашей партии есть... такие элементы, для которых карьера и материальное содержание имеют почти решающее значение»⁶.

Революции всегда отрываются вперед от реального состояния экономического базиса. Революционный авангард общества ставит себе более радикальные цели, чем это может позволить реальное состояние экономических отношений, а потому в процессе политического переворота создает надстройку, отражающую опережение экономической реальности.

Возвращение к экономическим реальностям представляет собой поэтому необходимую ступень процесса революционного преобразования общества. Революция открывает дорогу коренному преобразованию и экономического базиса, и системы социальных отношений в целом, по в качестве отправного пункта этих преобразований может быть использовано только реальное (фактически предреволюционное) состояние экономического базиса.

Оптимальным вариантом движения в сторону социализма для России был путь, обобщенно названный нэпом. Основой его было использование государственного капитализма в промышленности и развитие частного экономического интереса крестьянства для последующей подготовки его перевода на путь социализма через кооперацию. Экономическая природа такой политики требовала соответственно нарастания демократической

⁶ XVI конференция ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1929. С. 144.

организации надстройки и обязательного использования науки для определения перспектив социально-экономического развития. Этот путь – путь использования в интересах будущего социализма элементов исторически прогрессивного в имеющемся реальном экономическом базисе: элементов капиталистических отношений, товарных отношений. Развитая товарность, капиталистические отношения исторически на формационную ступень более прогрессивны, чем отношения патриархальные, натурального и полунатурального типа, восходящие к докапиталистическим экономическим формам состояния общества.

Двигаясь по этому пути, национализированный промышленный сектор и оптовая торговля необходимо приобретали существенные свойства государственного капитализма: реализация их социалистических потенций могла быть развита лишь впоследствии через использование госкапиталистических методов хозяйствования. Это раздвоение цели и способа развития порождало расхождение в оценках характера государственной промышленности: одни абсолютизировали ее госкапиталистические стороны, другие – ее конечную социалистическую тенденцию. Неправы были обе стороны, так как для социализма как первой ступени новой формации характерно противоречивое сочетание свойств, при преобладающем в настоящем времени госкапитализме, но доминирующем в тенденции – и именно лишь в тенденции – движении к социализму.

Основные трудности, связанные с этим путем движения от экономических реалий к перспективному состоянию – социализму, – это необходимость гибкого управления социально-экономическими процессами, необходимость осторожного, экономического ограничения чисто капиталистических тенденций, стимулирование социалистических тенденций и т.п., акцент на экономическое планирование в управлении, а не на внеэкономическое принуждение, лишь называемое планированием (в современной терминологии: отказ от его административно-бюрократического варианта). Сложность была в том, что опыта

такого рода преобразований не было и быть не могло: нужно было коммунистам учиться вести эффективно госкапиталистическое производство, регулируемое рыночное хозяйство, учиться торговать, кооперировать, научно обосновывать свои хозяйствственные решения и т.п.

По оценкам специалистов, для того чтобы на этой основе решить наиболее сложную проблему преобразования общественных отношений – осуществить перевод большей части сельского хозяйства на кооперативные рельсы, проводя на этой экономической основе одновременно радикальную по своим конечным результатам индустриализацию, нужно было, считая, от 1928 г., не менее 10–15 лет.

Другим путем, которым тоже, абстрактно рассуждая, можно было пытаться в конечном счете выйти на укрупненное, способное обеспечить нужды промышленности сельское хозяйство и осуществить индустриализацию, было использование сочетания сверхиндустриализации, получения «дани» с крестьянства, принудительного раскулачивания и одновременно использования сохранившихся в деревне элементов до-буржуазных общественных отношений.

Следуя этим путем, надо было использовать элементы общинного сознания и общинной уравнительности для прямого уничтожения капиталистических элементов деревни, то есть провести раскулачивание в качестве метода внеэкономического воздействия на экономическую структуру. Идея о том, чтобы «укоротить» наиболее экономически преуспевающую часть деревни (для малограмотного бедного, а порой и люмпенизированного крестьянина заметной разницы между «кулаком» и «крепким середняком» практически не было), «раскурочить» крепкие хозяйства, чтобы на основе их имущества частично создать «колхозы для бедняков», а частично просто разделить это имущество между бедняками, отнюдь не была чужда бедному и беднейшему (частично люмпенизированному) крестьянству. Крестьянство не надо принижать, но не надо и идеализировать:

говорить о его однородности, равно как и непосредственно колективистской ориентированности, не приходилось.

На этом пути необходимо было использовать при этом некоторые методы первоначального накопления средств в целях финансирования индустриализации (как раз об этом в середине 20-х годов писал Е.А. Преображенский).

Необходимо было использовать и преимущественно внеэкономическое принуждение для преобразования остатков общинных отношений в директивно заданную форму сельскохозяйственных кооперативов – артель.

Нужно было, наконец, использовать перешедшие по наследству от абсолютизма методы прямого изъятия прибавочного (а зачастую и необходимого) продукта как главной формы взаимоотношений государства с новыми кооперативами. Артель в качестве формы кооператива, с ее высокой степенью отчуждения обобществленного производства, для этих целей была особенно удобна.

В целом это была концепция создания внеэкономическими методами жестко централизованной экономической системы с определяющей ролью административно-командных методов решения экономических задач. В этой части она во многом тяготела к социально-экономическому механизму, заимствованному у феодализма. Это был тот самый «казарменный коммунизм», еще не доросший во многом до частной собственности, который в 1844 г. – не как реалию, а как умозрительный «проект» – критиковал К. Маркс. Организация первичных производственных единиц – колхозов – при этом тяготела к сочетанию остаточных элементов общинных отношений и неофеодализма.

Этот путь преобразования экономического базиса, полученного в наследие от прошлого, не предполагал и не мог предполагать даже номинального присутствия демократических институтов. Какие-то элементы действительной демократии – большие или меньшие – могли сохраняться лишь внутри первичных производственных общностей. В целом же это была система с оче-

видным преобладанием командного управления. В этой искусственно «конструируемой» системе не было органической внутренней связи, не было органического естественного единства. Ее единство можно было обеспечить только методами внеэкономического принуждения, то есть командно-административными методами, в сочетании с используя обладавших в массах элементов утопических представлений о социализме.

У этого командного метода было еще и такое «внутреннее» основание, как низкая грамотность не только управляемых, но и управляющих, отсутствие навыков демократического управления за пределами узкого круга повседневных, ближайших дел и т.п. Оказалось, что не массы сами для себя и в меру своих интересов движутся (под руководством партии) к коллективности как некоторому естественному состоянию общества на обновленной производственной основе, а какая-то сила, стоящая над массами (партия и государство), создает для масс выбранную по своему разумению форму социализма. Различие этих позиций огромно. Идея «социализма для масс» только и может быть основой командного метода, то есть такой системы властовования, которая полностью отвечала природе «культы личности» как системы личного абсолютистского правления.

В 1929 г. произошла смена доминирующего типа развития: нэповский путь «естественно-экономического» движения к социализму как конечной отдаленной цели вновь сменила система «военного коммунизма», закладывавшаяся в 1917–1920 гг., – система заведомо утопическая, открывавшая простор становлению и развитию «культовых» тенденций. С этой точки зрения и надо рассматривать весь процесс преобразований 1929–1930 гг. – «большой скачок» И.В. Сталина.

С точки зрения характера экономических связей это означало отказ от использования естественных по состоянию и законам развития общества капиталистических по своей природе средств для реализации конечных социалистических целей, возвращение от начавших складываться на основе нэпа экономических связей

товарного характера назад к господствовавшему при «военном коммунизме» прямому продуктообмену.

(Поясним, что система «обязательные поставки – в одну сторону, централизованное фондируемое снабжение – в другую» есть система продуктообмена, а не торговля. Деньги здесь являются не универсальным и абсолютным всеобщим эквивалентом, а фактически выступают как квитанции. Разница состоит в их функциях, их реальной роли, а не в самих по себе знаках.

Тем более что система продуктообмена, лишь прикрываемого формой псевдоденежного оборота, и осуществляется-то по преимуществу через безналичные расчеты. И только на рынке, да еще в процессе свободного приобретения товаров в магазинах деньги выступали как собственно деньги.)

Научные изыскания перспективных путей развития были для И.В. Сталина и его окружения неприемлемыми: наука всегда готова внести элемент критики в оценку ситуации и политики, малую роль отводит авторитетам, ищет альтернативы и т.п. «Культ личности» как система решительно преобразует сам механизм принятия управлеченческих решений. Выработка научно обоснованных вариантов решения заменяется чисто политической по своей природе машиной голосования. Сравнительно узкий круг тщательно подобранных руководителей принимает на съезде, пленуме, сессии, Президиуме, Политбюро единственно верное решение, предлагавшееся или заранее санкционированное «Великим Вождем». Тем дело и ограничивается. Пополнения науки принять участие в выработке и принятии решений пресекались в своей основе.

Выбор «сталинского» варианта развития (фактически повторявшего идеи «военного коммунизма») сопровождался естественным для «культы» разгромом философской, исторической и политэкономической наук (конец 20 – начало 30-х годов), судебным процессом так называемой «Промпартии», судебным преследованием А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева, А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова, Л.И. Юровского и других, судебным процес-

сом работников Госплана, ВСНХ, Госбанка и других (март 1931 года) – так называемых «меньшевиков-вредителей» В.Г. Громуна, В.В. Шера, Н.Н. Суханова, А.Ю. Финн-Енотаевского, А.М. Гинзбурга, И.И. Рубина и других. Научное марксистское и равно немарксистское обществознание было разгромлено. Обществоведение должно было коренным образом изменить свои функции: из науки, обосновывавшей социально-экономическую политику, обществознание должно было превратиться в преимущественно пропагандистско-идеологическую деятельность. Произошло «лысенкоподобное» (хотя до восхождения самого Т.Д. Лысенко в биологии было еще далеко) преобразование обществознания. Этому повому обществознанию подлинные учёные – марксисты они или не марксисты – были совершенно не нужны, более того, даже опасны.

Призванные им на смену идеологи, именовавшиеся учёными, как бы они сами ни клялись именем К. Маркса, действительными марксистами никак не могут быть признаны. От «предмарксизма» они пошли не вперед, к развитому марксизму (не вперед к К. Марксу), а назад – к утопии и вульгарной методологии.

Если подвести итог вышесказанному, то нетрудно заметить, что «большой скачок» опирался на определенную идеологико-теоретическую трактовку сложившейся ситуации и перспективы, на определенные слои и группы в социальной структуре, на вполне конкретное умонастроение в самой партии и определенный круг людей в партии. «Большой скачок» – не случайная, стихийно-бездумная авантюра, а следствие вполне определенного и в достаточной мере осознанного выбора. Можно сегодня спорить и сомневаться по поводу степени и уровня последовательной обоснованности этого выбора, но истинным, глубинным мотивом этого выбора не было стремление сделать как можно лучше для социализма, для людей, для страны. Определяющий истинный мотив выбора – укрепление, подъем на новую ступень личной власти, личного авторитета «вождя» до статуса «великого вождя».

Вот почему «большой скачок» – одна из закономерных ступеней движения общества к состоянию «культа личности», в определенном смысле – решающая ступень.

Исходя из всего этого, конец 1929 – начало 1930 г. мы бы и обозначили как начало периода «культа личности». Переход к нему – экономический и политический поворот, качественно изменивший характер общественного развития.

Идея «большого скачка» всплыла в ходе политической борьбы вокруг принятия, корректировки и реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. Директивы к его составлению были в общем виде приняты XV съездом ВКП (б) в 1927 г.

Первый пятилетний план должен был разрешить чрезвычайные проблемы. Это было тем более сложно, что каких-либо исторических аналогов плана пятилетки не было. Главное, нужно было руками несоциалистических элементов социальной структуры, составляющих безусловное большинство в обществе, создать такую экономику, которая позволила бы продвинуть общество к социализму. Совершить это надо было в ходе огромного по масштабу преобразования и развития производства.

Необходимо было найти источники значительных капиталовложений в промышленность, транспорт, строительство, сельское хозяйство; необходимо было построить предприятия на самом современном техническом уровне, что было бы невозможно без импорта оборудования и приглашения иностранных специалистов; необходимо было осуществить весьма крупномасштабные перемещения работников из сельского хозяйства в промышленность и строительство (то есть перемещение крестьян, сельских жителей в город, в ряды рабочего класса); необходимо было резко повысить уровень технической культуры в стране, ибо без этого не могло быть и речи об успешной эксплуатации новых предприятий, и т.д. и т.п.

При всем том опыт крупномасштабного планирования на относительно далекую перспективу был очень мал (план ГОЭЛРО). И было не совсем ясно, как необходимо планировать на пять лет.

А ведь планирование пятилетки требовало по ряду существенных показателей обоснования и более далеких плановых прогнозов: минимум на 10–15 лет. Особенno трудно было с научной разработкой общей теории перспективного планомерного развития.

В деле перспективного планирования, может быть, наиболее сложным было определение степени развития производственных (и общественных в целом) отношений за планируемый период. Срок в пять лет был явно мал для коренных изменений, но все же необходимо было определить хотя бы степень и характер изменений. И вот тут без углубленного знания формационной теории К. Маркса и умения применять ее на практике было не обойтись. Ограничиться одними лишь клятвами верности марксизму-ленинизму было тут невозможно.

Утопические представления о социализме мешали пониманию того важнейшего положения экономической теории К. Маркса, что хозяйственный механизм третьей фазы старой формации (капитализма) имеет очень много общего с хозяйственным механизмом первой фазы новой формации (становящегося социализма). Это понимание только-только начало формироваться в 1921–1927 гг. в ходе научных дискуссий, как было отброшено по вульгарно идеологическим мотивам. Специалисты в области экономических наук были обвинены во вредительстве, развитие науки было пресечено.

Задача осуществления индустриализации и кооперирования сельского хозяйства предъявляла новые требования и к партийным кадрам: на первый план теперь должны были выдвигаться не коммунисты ораторы или литераторы, не кабинетные теоретики, не организаторы «вообще», а специалисты-хозяйственники, экономически и технически грамотные, способные квалифицированно решать производственные вопросы. Нужны были не комиссары при специалистах (как зачастую было в годы гра-

жданской войны, в первые годы социалистического строительства), а попросту преданные своему делу, политически ориентированные специалисты достаточно высокой квалификации. Важна была их производственная, а не только политическая активность, производственная компетентность, соединяемая с ясной политической ориентацией. Кадров таких пока было еще очень мало. Но самое главное – возникло некоторое противостояние партийцев старого типа и появившихся новых кадров. Оно в какой-то мере проявилось уже на XVI партконференции.

Сложность (и своего рода щекотливость) ситуации состояла еще и в том, что, добившись неограниченной власти, намереваясь неограниченную власть превратить в абсолютную, И.В. Сталин сам не был готов к решению тех сложнейших задач (социальных и экономических), которые страна должна была решать в первой пятилетке. Для этого нужны были не только талант организатора и выдающиеся способности к интриге, но и серьезные фундаментальные научные знания. Необходимость в такого рода знаниях лично у вождя была тем более насущна, что наука уже была к тому времени решительно отодвинута от участия в определении политической линии. И.В. Сталин же к такой роли был безусловно не готов.

Завоевав в сложной и трудной внутрипартийной борьбе власть, И.В. Сталин не в состоянии был ею должным образом распорядиться. Не осознавать это хоть в какой-то мере он не мог. Отсюда, с одной стороны, лихорадочные поиски простейшего, доступного ему по его знаниям и уму решения, а с другой – крайнее ожесточение против любых оппонентов, ибо за душой «великого вождя» не было против них каких-либо серьезных аргументов. В качестве такого аргумента потому и повторялось единственное доступное обвинение в попытках реставрации капитализма и поддержке кулачества...

Последний рубеж обороны косвенной апологии И.В. Стalina уже в наше время – это утверждение о безальтернативности якобы навязанных И.В. Stalinu историческими обстоятельст-

вами форм коллективизации сельского хозяйства. Это мнение ошибочно, ибо альтернативы видны невооруженным взглядом не только сегодня, но и были заложены в план первой пятилетки. С другой стороны, надо выяснить, почему же избранный И.В. Сталиным вариант вообще оказался возможным не только политически (по этому поводу мелькают в публикациях попытки сделать акцент лишь на насилие: власть была сильна, а у крестьянина силы не было), но и экономически, где никакое насилие само по себе не заменяет и не отменяет объективных условий?

XVI конференция ВКП (б), проходившая 23–29 апреля 1929 г., приняла первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1928/29–1932/33 гг., намечавший достаточно серьезный сдвиг в экономике страны. Предполагалось в сравнительно короткие исторические сроки преодолеть былую экономическую отсталость царской России и ее окраин, подготовить страну экономически к возможным попыткам капиталистического мира средствами военной интервенции ликвидировать Советскую власть и элементы социализма. В решении собственно внутренних проблем была заложена ориентация на то, чтобы за пятилетку в какой-то мере смягчить противоречивость базировавшейся на государственной собственности промышленности и частнособственнического патриархального и мелкобуржуазного сельского хозяйства. При всем том общая тенденция движения к социализму через нэп сохранялась в пятилетием плане.

Самое для нас здесь интересное: И.В. Сталин не только фактически сам молчит на этой конференции (не считая одной-двух малозначительных реплик), но и имя его никто не поминает. Во всех докладах и во всех выступлениях всего-навсего две ссылки на его прежние выступления. Рассматриваются хозяйственные – до сих пор в основном «не его» (с точки зрения прежнего представления о функциях генсека) – вопросы... XVI партконференция прошла без каких-либо славословий в адрес И.В. Сталина: его прежние заслуги, его авторитет лежали в сфере борьбы с оп-

позицией, а по хозяйственным вопросам ничем особым он себя не проявил...

Складывается впечатление, что именно XVI партконференция серьезно подтолкнула И.В. Сталина к «большому скачку» как неизбежному для него заключительному этапу борьбы за неограниченную власть: он понял, что теперь только его исключительная по масштабу будущих решений инициатива в хозяйственных вопросах может быть трамплином для следующего решительного шага в этом направлении. Только такого рода инициатива могла бы поставить его над партией, хотя в его знаниях, и без того фрагментарных, в экономической области был, может быть, самый большой пробел.

Мы полагаем, что приписывать лично И.В. Сталину какие-либо новации, имеющие научное значение, беспочвенно. Тем более это относится к вопросам экономической науки. Программа «большого скачка», в частности, была заимствована И.В. Сталиным частично из программных материалов партии 1917–1920 гг., частично – у сторонников Л. Д. Троцкого.

Планы первой пятилетки в любом их варианте не могли не вызвать определенных разногласий в руководстве партии: можно сказать, что сама сложность, трудность и новизна задач, которые предстояло решать, буквально требовала всестороннего квалифицированного анализа альтернатив, сопоставления политических вариантов в единстве с экономическими.

Именно те, кто наиболее последовательно боролся с троцкистской и зиновьевско-каменевской оппозицией, отправляясь от идей нэпа как пути к социализму, а не от поддержки лично И.В. Сталина (немалая же часть партийных функционеров боролась с оппозицией прежде всего потому, что готова была поддержать лично И.В. Сталина), высказали свои сомнения и возражения против того, что казалось им рецидивами «левизны» даже в установках последнего варианта первого пятилетнего плана, обсуждавшегося на XVI партконференции. К их числу принадлежали Н.И. Бухарин,

А.И. Рыков, М.П. Томский, Н.А. Угланов, К.В. Уханов (все это были члены партии с 1899–1907 гг.) и не только они.

Были ли они «правой оппозицией»? Вопрос этот сегодня не может даже стадиться в такой плоскости. И очень мало о чем говорит то, что они потом, на XVI и XVII съездах, сами себя признавали сторонниками правой оппозиции.

Суть надо искать не в признаниях и самооценке в те, уже далекие сейчас годы. Суть – в базовых, фундаментальных взглядах этих людей, в ретроспективной с точки зрения сегодняшнего дня принципиальной оценке проводившейся тогда политики, безоговорочно одобрявшейся большинством.

Надо вспомнить, что ни А.И. Рыков, ни Н.И. Бухарин не отрицали необходимости индустриализации, необходимости кооперирования сельского хозяйства. Ведь именно А.И. Рыков делал основной доклад о первой пятилетке на XVI партконференции. Спор шел о методах, о средствах, о цене, о темпах. Можно сегодня усомниться, в полной ли мере Н.И. Бухарином и А.И. Рыковым была оценена необходимость высоких темпов индустриализации, диктовавшихся, кроме причин внутренних, еще и внешнеполитической ситуацией. Однако их основные возражения 1928 и 1929 гг. против подготавливавшегося И.В. Сталиным «большого скачка» представляются сегодня резонными и обоснованными.

Н.И. Бухарин и А.И. Рыков были решительными противниками не только задуманного И.В. Сталиным «большого скачка» (о нем можно было лишь догадываться, ибо свои намерения И.В. Сталин огласил полностью только тогда, когда разделся на организационном уровне с «правыми»), но были в принципе против сталинского подхода к преобразованиям экономики, развиивавшего в своей основе логику «исторического нетерпения».

Напомним, что на XIV съезде ВКП (б) Л.Б. Каменевставил вопрос не об отказе от нэпа, а об имеющей, по его мнению, место недооценке отрицательных сторон нэпа...»⁷. Он считал жиз-

⁷ XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. С. 251.

ненно важным «союз пролетариата с основной массой крестьянства...»⁸ и выступал против лишь тех сторон нэпа, которые усиливали кулака. Он утверждал, что «кооперация есть столбовая дорога для крестьянства к социализму, но не голые кооперативные формы...»⁹. Эти же идеи продолжал Г.Я. Сокольников: «Давайте сделаем себе из сельскохозяйственного налога орудие ограничения роста кулацких и зажиточных элементов деревни»¹⁰. Говоря о «новой оппозиции», он предупреждал: «Никто не предлагает возвращаться ни к сниманию крыш у кулаков, ни к комбедам, ни к раскулачиванию...»¹¹.

Следовательно, речь шла лишь об ограничении нэпа. Н.И. Бухарин (вместе с И.В. Сталиным и большинством съезда) тогда, в декабре 1925 г., возражал и против такого, отнюдь не самого жесткого ограничения нэпа.

В декабре 1929 г. И.В. Сталин продиктовал, однако, политику уже полного отсечения нэпа, насильтственного массового раскулачивания как государственной политики, изъятия хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, перестройки экономических отношений с деревней в форме обязательного (принудительного) прямого продуктообмена, в котором экономические привилегии и политическая сила были целиком на стороне государства.

Н. И Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский усматривали вполне реальные опасности в том курсе, который составил основу «большого скачка». Вот как излагает (а частично цитирует) в своем выступлении па XVI съезде Я.Э. Рудзутак – последовательный сторонник И.В. Сталина – декларацию правых, зачитанную на объединенном заседании Политбюро и президиума ЦКК: «...та система мероприятий, которая проводится ЦК привела к деградации сельского хозяйства... Темп индустриализации взят нами не под силу... Мы наши темпы индустриализации проводим на основе обнищания всей страны... Индустриализа-

⁸ Там же. С. 271.

⁹ Там же. С. 272.

¹⁰ Там же. С. 330.

¹¹ Там же. С. 329.

ция... должна иметь своей базой подъем бедняцко-середняцкого хозяйства и общий рост производительности труда... Разгадку отношения Политбюро к оппозиции нужно искать в фактическом уничтожении коллективного руководства в ЦК...»¹².

История довольно быстро подтвердила правоту этой позиции И.И. Бухарина, А.И. Рыкова и их сторонников, а не большинства ЦК и XVI съезда ВКП (б), безоговорочно пошедших за И.В. Сталиным. Но даже если позиция П. И. Бухарина и других в 1930 г. казалась спорной, сомнительной, а то и неверной, не было никаких оснований утверждать, как это сделал в своем выступлении на XVI съезде Г.И. Петровский: «Разве «Заметки экономиста» не являются памфлетом против планов социалистического строительства?»¹³ – или С.М. Киров: ...ваша программа по сути дела – программа кулацкая (голоса: «Правильно!», аплодисменты), выполнение которой в конечном счете погубило бы диктатуру пролетариата и привело бы к реставрации капитализма»¹⁴.

В унисон с ними И.Д. Кабаков заявил, что «правые»... выдвигали клеветнические обвинения в троцкизме» в адрес И.В. Сталина и поддержавшего его большинства ЦК. По его мнению, платформа А.И. Рыкова, М.П. Томского и их сторонников «служит целиком кулацким слоям деревни для борьбы с диктатурой пролетариата»¹⁵.

Такая оценка платформы шла, мы полагаем, как от вульгарного догматизма, так и от мессианского самосознания, от механического отождествления мнения большинства с абсолютной истиной. Не случайно П.П. Постышев убежден, что выступления, не согласующиеся с мнением большинства, «полностью разоблачают... внутреннее существо» их авторов «как мелкобуржуазных демократов парламентского типа, для которых

¹² XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 201–202.

¹³ Там же. С. 209.

¹⁴ Там же. С. 157.

¹⁵ Там же. С. 160.

нужны дискуссии, нужны группировки, а без всего этого они совершенно не могут представить себе жизни партии»¹⁶.

Из выступления в выступление на XVI съезде ВКП (б) раздается брань в адрес любого сомнения, любой попытки искать какие-либо альтернативы сталинскому курсу и т.п.

Именно для этого большинства И.В. Сталин и сумел подобрать соответствующие аргументы. Эти люди в глубине души были подготовлены к тому, чтобы понять и принять и нетерпение, и экстремизм, и сталинскую идеологию, этикетка «ленинизма» на которой укрепляла заблуждения. А все, кто не разделял этой позиции, этой установки, – все они составили к 1930 г. совокупный образ «врага».

Подобные умонастроения лежали в основе как докладов, так и прений уже в 1930 г. на XVI съезде партии. Фактически, это была не только идеология сложившегося «культта личности», но и идеологическая подготовка 1937 г...

Логика исторической ситуации была однако, такова, что, выступая против завышения темпов, против грубого давления на крестьянство, против чрезмерной «дани», Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский, независимо от того, в чем они конкретно были неправы, а в чем, наоборот, правы, независимо от того, чего они добивались сознательно, а о чем не догадывались, оказались серьезнейшим препятствием на пути И.В. Сталина к неограниченной и универсальной власти. И это предрешило их судьбу. Разногласия были И.В. Сталиным заострены и преувеличены, сторонники более умеренной политической линии были обвинены во фракционности, а потому и «отсечены» организационно. Теперь «большому скачку» (и «культовому» возвышению И.В. Сталина) ничего не могло помешать.

Достаточно перечитать еще раз стенограммы XV съезда партии и XVI партконференции, чтобы убедиться, что речь там идет о необходимости наращивать темпы и расширять масштабы кооперирования сельского хозяйства, но при этом избегать како-

¹⁶ Там же. С. 108.

го-либо экстремизма. В своем докладе «О работе в деревне» на XV съезде ВКП (б) В.М. Молотов говорил «...тот, кто будет в отношении среднего крестьянства применять принуждение для его перехода к крупному хозяйству, тот – враг рабочих и крестьян, тот – разрушитель союза рабочих и крестьян... Ни о каких легких перескоках от индивидуального к крупному хозяйству не может быть и речи. Дело может идти только путем постепенного развития крупных коллективных хозяйств... Никаких фантазий, никакого принуждения в отношении крестьянина при переходе к крупному хозяйству мы не можем допустить»¹⁷. И дальше в докладе, когда В.М. Молотов говорит о категорической неприемлемости и принудительного займа, эти его слова прерываются громкой репликой И.В. Сталина: «Правильно!»¹⁸.

В аналогичном ключе был выдержан и доклад М.И. Калинина «Пути подъема сельского хозяйства и налоговое облегчение середняка» на XVI конференции ВКП (б), проходившей в апреле 1929 г.

Непосредственно по плану первой пятилетки в ее максимальном варианте, утвержденном XVI конференцией ВКП (б), предполагалось довести уровень охвата всеми видами кооперирования в сельском хозяйстве с 37,5% в 1927/28 гг. до 85% в 1932/33 гг. Посевные иплощади обобществленного сектора должны были быть доведены в 1933 г. до 17,5% общей посевной площади, валовая продукция – до 15,5, товарная продукция зерновых культур – до 43%. Колхозы и совхозы должны были в 1932 г. обеспечить 84 млн центнеров товарного зерна (или свыше 500 млн пудов). Фактически уже это было гарантией решения и препятствия хлебной проблемы. Доходы всего земледельческого населения должны были возрасти к концу пятилетки I в 67%- Эта программа исходила из кооперативного или на 20-х годов и была основана на техническом перевооружении сельского хозяйства (прежде всего рапе и ниводства). Если в 1928 г. в

¹⁷ XV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 1210, 1212.

¹⁸ Там же. С. 1222.

сельском хозяйстве было 36–37 тыс. тракторов, в 1929 г. – около 45 тыс., то к концу пятилетки только годичное производство новых тракторов должно было составить 60 тыс. Соответственно должно было расти производство других сельскохозяйственных орудий и машин.

Такая плановая перспектива, фактически конкретизировавшая ленинский кооперативный план, даже если бы она была выполнена не полностью, позволяла, основываясь на добровольности, экономической выгоде, союзе с середняком, решать главные задачи развития сельского хозяйства: создавалась основа для обеспечения экономических преимуществ крупного хозяйства в растениеводстве, что стимулировало бы производственное кооперирование; развитие всех форм кооперации втягивало бы крестьянство в новую, кооперативную, в конечном итоге социалистическую форму хозяйствования; повышение производительности труда в сельском хозяйстве (оно отставало в 1928 г. от промышленности по механовооруженности труда примерно в 7 раз, а по производительности труда – в 12 раз) позволило бы не только поднять экономичность сельскохозяйственного производства, но и высвободить для строительства и промышленности трудовые ресурсы, одновременно снизив аграрное перенаселение в ряде районов.

В совокупности реализация этой очень напряженной, но не экстремистской программы позволяла создать предпосылки для последующего сочетания к концу второй пятилетки основной части частнособственного сельскохозяйственного производства с крупной кооперативной собственностью. Критерием должна была быть лишь реальная экономическая эффективность, а не взятые сами по себе (игнорируя реальную эффективность) абстрактные показатели уровня обобществления.

Была ли необходимость закончить коллективизацию любой ценой срочно, немедленно, в пределах 1929–1930 гг.? Сегодня можно уверенно и однозначно сказать: такой необходимости не было. Ни с точки зрения международной, ни с точки зрения

внутренней! Да и не удалось этого добиться даже ценой чудовищного насилия: только к 1937 г. коллективизация приблизилась к 100-процентной, однако эти «100%» были достигнуты в значительной мере ценой гибели тысяч и тысяч людей.

А каков был экономический эффект? Материальных возможностей для экономически эффективного кооперирования в условиях сталинской сплошной коллективизации не было. Дело не только в том, что крупное хозяйство отнюдь не при всех условиях эффективно, а этого в 20–30-е годы вообще не хотели признавать. Дело прежде всего в том, что для обеспечения эффективности крупного хозяйства нужна была соответствующая техническая база производства, оптимальное сочетание форм собственности и кооперирования, развитое разделение труда, соответствующая агротехника, соответствующая производственная культура. Создать все это разом в сравнительно короткие исторические сроки было невозможно. Можно было провести в весьма сжатые сроки механическое принудительное кооперирование – сплошную коллективизацию – только «для птички»: формальный показатель был бы высоким, а в реалии неизбежно имело бы место прямое ухудшение почти всех качественных экономических показателей. Так оно и получилось.

В том, что из имевшихся альтернатив И.В. Сталин без особых раздумий выбрал «левый» путь – такой «левый», который оставил далеко-далеко «справа» предложения Л.Д. Троцкого, Е.А. Преображенского, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева и других «левых», была своего рода логика. Но это была не логика экономической науки, не логика трезвой оценки политической ситуации, не логика построения социализма, опирающаяся на интересы масс. В этом была только логика «культа», логика насилия над массами, логика самовозышения из руководителей в «великие вожди».

С точки зрения логики «культа личности» выбор был оправдан, ибо можно было ошеломить своих возможных оппонентов видимым успехом, разовым решением всех сложных проблем,

хотя бы в конце концов и оказалось, что это разовое решение в основе своей иллюзорно. Видимый, зримый эффект осуществленного этими средствами крупного шага вперед мог сравнительно благополучно выглядеть только год- два, а затем и первый план неизбежно должны были выйти последствия неподготовленности и авантюри- стичности столь масштабных начинаний. А кроме того, в перспективе неизбежно должны были проявить себя и более глубокие пороки принятого варианта. Встав на путь принуждения, крайних мер, приходится идти по этому пути до конца: возврат от принуждения к добровольности если и возможен, то невероятно тяжел.

Хроника предпринятого И.В. Сталиным «большого скачка» приста и хорошо известна.

Статья И.В. Сталина в «Правде» от 7 ноября 1929 г. «Год великого перелома» была общим и предварительным обоснованием «большого скачка». Статья вышла в свет всего через шесть месяцев после XVI партконференции, решения которой она фактически полностью отбрасывала.

Общие установки на «большой скачок» были конкретизированы в резолюциях Пленума ЦК ВКП (б) 10–17 ноября 1929 г. «О контрольных цифрах народного хозяйства на 1929/30 год» и «Об итогах и дальнейших задачах колхозного строительства». Предусматривалось при этом и увеличение против плана валовой продукции промышленности и сельского хозяйства.

Речь И.В. Сталина 27 декабря 1929 г. «К вопросам аграрной политики в СССР» на конференции аграрни- ков-марксистов давала прямые установки на всяческое форсирование коллективизации и проведение ее не «самотеком», а мерами жесткого прямого давления «сверху».

Организационное оформление установок И.В. Сталина было осуществлено в постановлении ЦК ВКП (б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В постановлении предусматривалось по ведущим зерновым районам завершить в основном коллективизацию «осе-

нью 1930 г. или, во всяком случае, весной 1931 г.; коллективизация же других зерновых районов может быть в основном закончена осенью 1931 г. или, во всяком случае, весной 1932 г.»¹⁹.

Авантюризм принятого по состоянию И.В. Сталина постановления ЦК от 5 января 1930 г. (в стиле изложения ряда пунктов постановления явно проглядывает его прямое авторство) наиболее очевидно проявил себя в том, что для артели, рекомендованной в качестве главной формы сельскохозяйственного кооператива, даже еще не существовало Примерного устава. Еще только дано было задание по его подготовке (в этом же постановлении). Объединение в колхозы должно было фактически опережать разработку конкретных (организационных) форм, чего и как коллективизировать...

Факты вопиющего насилия, крайнюю неразбериху, «раскулачивание» в ряде мест любого крепкого середняцкого хозяйства и т.п. наша литература описала уже довольно полно. Деревня, со своей стороны, немедленно отреагировала на методы и задания «большого скачка» в проведении коллективизации резким обострением классовой борьбы. Начались массовые поджоги (около 30 тыс. в 1930 г.), вновь стали возникать вооруженные группы, участились террористические акты против коммунистов, уполномоченных по коллективизации, сельского актива. Для экономики сельского хозяйства особенно тяжелыми оказались возросшее без какой-либо реальной базы изъятие зерна, дезорганизация производственного процесса, массовый забой скота (для его обобществления не было тогда никаких материальных условий).

Только в конце 1929 г., то есть по состоянию на 1 января 1930 г. (по сравнению с состоянием на 1 января 1928 г.), было «сброшено» 15,8% голов крупного рогатого скота, 35,4% свиней, 12,1% овец, 19,6% коз, 3,4% лошадей²⁰.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 73.

²⁰ Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник. М., 1959. С. 445. Расчет автора.

Катастрофические последствия первых же шагов «большого скачка» в деле коллективизации были настолько очевидны, что уже 2 марта 1930 г. в «Правде» пришлось напечатать статью И.В. Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения». После фраз о том, что успехи велики и т.п., необходимым оказалось повторить основные тезисы решений XV съезда и XVI партконференции о принципах коллективизации, которые еще три месяца тому назад автор статьи снисходительно признал устаревшими, а именно: политика коллективизации «опирается на добровольность колхозного движения... Нельзя насаждать колхозы силой»²¹. Как это всегда было свойственно «культовым» режимам, и в частности И.В. Сталину, вина была целиком возложена на местные партийные органы. Не у самого товарища Сталина, а «у некоторых наших товарищ» закружила голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда»²². Вслед за этой статьей 15 марта 1930 г. было издано соответствующее постановление ЦК ВКП (б) «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении».

Фактически же линия на принудительную коллективизацию снята не была. Да и снять ее было уже невозможно, ибо нарушить добровольность легко, а вот восстанавливать необыкновенно трудно.

Особенно тяжелым для слабых, только еще в массе своей кое-как сложившихся колхозов и особенно для самих колхозников было неразумное, «под метелку» изъятие зерна для хлебозаготовок в сочетании с плохой организацией хозяйствования в новых условиях.

Эйфория от того, что в созданной производственноэкономической системе некому помешать изъятию хлеба у производителен, привела к тому, что без какого-либо увеличения урожайности и сборов зерна (даже при их заметном снижении в 1931–

²¹ Стalin И.В. Соч. Т. 12. С. 193.

²² Там же. С. 199.

1932 гг.) резко возрос объем хлебозаготовок. Вот динамика хлебозаготовок по Северному Кавказу:

1928 г. – 56 млн пудов,
1929 г. – 92 млн пудов,
1930 г. – 123 млн пудов,
1931 г. – 187 млн пудов,
1932 г. – 112 млн пудов,

1933 г. – 137 млн пудов. (Из выступления Б.П. Шеболдаева на XVII съезде ВКП (б)²³.)

Организация труда и производства оставалась в 1930–1932 гг. на очень низком уровне. Снижение урожайности и валового сбора зерна в эти годы объясняется прежде всего этой причиной, о чем говорил ряд уступавших на XVII съезде, хотя частично повлияли и не лучшие погодные условия. (Как раз в 1933 г. погодные условия почти повсеместно были плохими, но уровень организации труда уже несколько возрос.)

В 1930–1932 гг. поэтому одной из главных фигур в проведении хлебозаготовок, как свидетельствуют те же выступавшие на XVII съезде ВКП(б), стали районные уполномоченные НКВД.

Эта политика в системе «большого скачка» и привела к голоду 1932–1933 гг. в самых хлебных районах страны: на Украине, на Дону и Кубани, Среднем и Нижнем Поволжье, Севере Казахстана, ряде районов Сибири. Погибли от этого фактически искусственно спровоцированного голода миллионы людей. И это еще далеко не вся цена, которую заплатил народ, еще не весь урон, какой понесло экономическое развитие страны ради возвеличения И.В. Сталина.

Непомерное изъятие зерна было обусловлено стремлением создать видимость решения хлебной проблемы в стране, что должно было свидетельствовать о безусловной правильности «гениальных решений» теперь уже «великого» вождя. С этим объяснением целиком согласуется практика полного запрета на какие-либо упоминания о голоде. Ни один из руководителей ре-

²³ См.: XVII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 148.

гионов, где голод был особенно силен, не мог упомянуть о нем ни пол слова на XVII съезде ВКП(б) в январе 1934 г., когда еще трупы погибших не были убраны во многих местах.

В современной исторической литературе И.В. Сталину вменяют в вину, что он ни при каких обстоятельствах не признавал ошибочности тех или иных своих решений и готов был нанести существеннейший ущерб делу, допустить ненужную гибель сотен тысяч людей, но не отменить свои распоряжения, не признавать их несостоительности. Надо заметить, что это отнюдь не просто личностное качество И.В. Сталина (хотя ему оно, может быть, было свойственно в особенно явной форме). Это – закономерная черта «культа личности» в любой стране и при любой персонификации «культа». Признание ошибочности даже самого малого политического решения спускает на землю, опускает на простой и обычный человеческий уровень божественную способность к одним только абсолютным истинам, божественную способность к безошибочному руководству «великого вождя» и тем самым принижает его божественную власть. Признание ошибок – удар в самое сердце «культа личности».

В том, что И.В. Сталин смог осуществить такого рода «большой скачок», есть немалая доля вины партийного руководства, предоставившего ему возможность фактически единолично принимать столь крайние масштабные решения, без обсуждения их в партии. Однако не будем судить это большинство руководителей слишком строго: это была не только его вина, но и его беда. Лучшая часть этого приведшего И.В. Сталина к власти большинства потом, на XVII съезде голосовала против И.В. Сталина. Это была не только оценка его роли и его деятельности, но акт высокой политической честности и смелости, потому что это был акт политической самокритики. Большая часть этого большинства очень скоро была уничтожена И.В. Сталиным в 1937–1938 гг.

Во что же обошелся народному хозяйству «большой скачок», каков был его собственно экономический эффект?

Валовая продукция промышленности составила в 1932 г. 202% к 1928 г., в 1933 г. – 213%, тогда как план, принятый XVI партконференцией предусматривал рост в 2,34 раза (то есть 234%). Отрасли группы «А» выросли в 1932 г. в 2,73 раза, в 1933 г. – в 2,9 раза, группы «Б» соответственно в 1,56 и 1,63 раза²⁴. Шуму и грому по поводу прироста в первые год-два первой пятилетки было много. На XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. И.В. Сталин всячески оплевывал и осмеивал прогнозы «левой» оппозиции, поскольку они предусматривали определенное снижение темпа капиталовложений и прироста продукции к концу пятилетки. Но реальные темпы были высокими только в первые три года, а за период пятилетки в целом из-за распыления капиталовложений, несбалансированности отраслей и т.п. и впрямь получились снижающимися: прирост валовой продукции промышленности в 1929 г. к 1928 г. составил 20%, в 1930 г. к 1929 г. – 22, в 1931 г. к 1930 г. – 20, в 1932 г. к 1931 г. – 15, в 1933 г. к 1932 г. – 5%²⁵. Успехи по абсолютному росту промышленного производства достигнуты были значительные, но они могли быть заметно больше, весомее, иметь более высокое качество (в виде сбалансированности, эффективности и т.п.) и быть достигнуты неизмеримо меньшей ценой, если бы осуществлялись хотя бы строго по плану (и без того очень напряженному), принятому XVI партконференцией, а не в порядке «большого скачка». Тем более что план первой пятилетки в конце концов прежде всего именно из-за «большого скачка» не был выполнен не только по валу, но и по основным ключевым видам продукции: по добыче угля, выплавке черных металлов, производству электроэнергии и т.п.

Общие итоги сталинских инициатив по сельскому хозяйству были просто катастрофическими: они выразились в значитель-

²⁴ Народное хозяйство СССР в 1958 году. Статистический ежегодник. С. 136. Современные авторы (в частности, В. Селюнин и Г. Ханин) ставят под сомнение эти официальные данные, считая, что они преувеличены. Это вполне возможно. Однако их собственные расчеты выглядят для специалиста еще менее убедительными. Мы поэтому пока придерживаемся официальных статистических данных.

²⁵ Там же. С. 138.

ном снижении валовой продукции, тогда как по плану пятилетки она должна была вырасти примерно в 1,5 раза. Вот динамика валовой продукции сельского хозяйства (в %):

Годы	Сельское хозяйство в мелом	Растениеводство	Животноводство
1928	100	100	100
1929	93	99	94
1930	94	108	73
1931	92	108	G8
1932	83	107	55
1933	81	103	47
1934	85	107	53

Только в 1937 г. (рекордном по уровню) и в 1940 г. валовая продукция сельского хозяйства в целом превысила уровень 1928 г. (продукция растениеводства в 1937 г. составляла 128% к уровню 1928 г.). Валовая продукция животноводства превысила уровень 1928 г. лишь спустя несколько лет после войны – в 1953 г. (103% к 1928 г.). В 1945 г. – после всех потерь в войну – валовая продукция животноводства составляла 53% к 1928 г., то есть была выше уровня 1933 г. и на одном уровне с 1934 г.²⁶ Потери животноводства по поголовью составили к 1 января 1933 г. (1928 г. = 100) по крупному рогатому скоту – 44,2%, по коровам – 35,2, по свиньям – 55,0, по овцам – 65,1%, по козам – 66,0, по лошадям – 46,1%²⁷.

Подводя итоги первой пятилетки, И.В. Сталин в своих выступлениях все достижения приписывал установкам центра (в данном случае фактически себе), а все провалы – нерадивости исполнителей на местах, вражескому сопротивлению гениальным указаниям и т.п. Этот стиль оценки любых хозяйственных и политических начинаний затемочно вошел в арсенал методов «культа». Рецидивы его жины и до сих пор.

²⁶ Там же. С. 350. Расчеты автора.

²⁷ Там же. С. 445 Расчеты автора.

Поверили ли ему коммунисты? Поддерживали ли этот тон восторженных оценок достигнутых результатов? На эти вопросы нет и не может быть однозначного ответа.

Политическим итогом «большого скачка» и первой пятилетки было в том числе и возвышение личной власти и личного авторитета И.В. Сталина до уже собственно «культовой» ступени. Если в выступлениях на XVI съезде ВКП (б) в 1930 г. в основном звучат одобрительные отзывы в адрес ЦК, а славословия И.В. Стalinу еще единичны (в прениях по его докладу только два человека закончили свои выступления здравицей в адрес лично И.В. Стalinина), то на XVI съезде ВКП (б) в 1934 г. картина резко меняется. На XVII съезде только три выступавших хоть сколько-нибудь умеренно восхваляли лично товарища И.В. Стalinina: Н.К. Крупская, Г.М. Кржижановский, М.И. Калинин. Но восхваляли все. На съезде выступили бывшие лидеры и «левой» и «правой» оппозиций – Е.А. Преображенский, Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Ка-менев, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский. Все они, одобряя линию партии и критикуя себя, обязательно расточали приветствия и комплименты лично товарищу Стalinу. В высоких эпитетах не было недостатка: «великий вождь», «великий, мудрый, любимый», «гениальный», «великий стратег», «вождь мирового пролетариата», «учение Маркса – Энгельса – Ленина – Стalinina» и т.д. и т.п. Это был уже отнюдь не просто авторитет, а именно «культ», и славословия обращены не просто к вождю, а к «великому вождю всех времен и народов».

О достижениях на съезде говорилось много, о просчетах и провалах – вскользь.

Все заслуги были приписаны лично товарищу Стalinу, все просчеты и провалы были отнесены на счет оппозиций, врагов, неумелых, нерадивых и т.п. Причем акцент на помехи со стороны неких скрытых врагов, контрреволюционеров, оппозиционеров, трактуемых как агентура врага, не просто преобладает, а даже нарастает. Приветствия в адрес И.В. Стalinina и пубая брань по адресу бывшей оппозиции, равно «левой» и «правой», становятся нормой любого выступая с трибуны. Критики

И.В. Сталина вслух быть уже, конечно, не могло: она была бы названа «вражеской вылазкой», приравнена к антипартийной деятельности, к открытой контрреволюции.

Однако для И.В. Сталина именно XVII съезд имел роковое значение: он понял разницу между декларациями с трибуны и реальной оценкой его «большого скачка» истинными коммунистами.

Здесь мы должны перейти к анализу того круга вопросов истории и теории «культа личности», который пока, на наш взгляд, не только исследован недостаточно (мешает крайняя скудность документов и материалов), но и не до конца понят исследователями. Речь идет о сопротивлении «культа личности», сопротивлении сталинщине.

Мы не можем согласиться ни с отрицанием серьезной социальной значимости такого сопротивления (на этой позиции стоят многие публицисты и историки), ни с попыткой уравнять идеиные позиции всех противников «культа личности», изображая всех их и противниками социализма, Советской власти вообще, ни, наконец, с тенденцией свести все сопротивление к действиям героических одиночек. Эту тенденцию четко выразили Л.А. Гордон и Э.В. Клопов: « . при всех условиях трудно думать, что число людей, сознательно ставших на путь борьбы с необъятной властью Сталина (или хотя бы помышлявших о такой борьбе), превышало десятки или сотни»²⁸.

Мы полагаем, что наиболее значимое сопротивление «культу личности» (именно ему, а не Советской власти) возникло на почве не отрицания, а, наоборот, принятия идеи социализма (идеи колLECTивистского общества) и последовательного следования этой идеи. Были и такие слои сопротивления, которые основывались на общегуманитарных началах, на нравственных требованиях. Они были тоже достаточно обширны и, я бы сказал, достаточно действенны²⁹. Но основную роль в последую-

²⁸ Гордон ІІ. А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М., 1989. С. 185.

²⁹ Оппозиция «культа личности» и И.В. Сталину, отправлявшаяся от гуманистического и нравственного начал, отражена во многих источниках – в основном это дневниковые записи, письма, мемуары, ранее не публиковавшиеся. Очень в этом отношении, в

щем преодолении «культа», в разрушении его предпосылок, в формировании конструктивного антикультового сознания и соответствующей деятельности играло то подлинное ядро сопротивления, которое последовательно шло по пути критики культа с коллективистских позиций, по пути преодоления «культа личности» как страшной и тяжкой по своим последствиям «детской болезни» движения к социализму.

Очень важно помнить, что большая часть тех, кто и конце концов выступил как последовательный противник сталинщины, «культа личности», первоначально (в 1924–1929 гг.) придерживалась той же трактовки социализма, путей социалистического строительства и т.п., что и И.В. Сталин. Мы выше уже писали об этой идеино-теоретической позиции, определив ее как «предмарксизм».

Именно «большой скачок» обусловил решительное размежевание «предмарксизма» и сталинского псевдомарксизма, обозначил переход к «культу личности» как системе социальных отношений. «Предмарксизм» эволюционировал постепенно в сторону последовательного марксизма и становился идеино-теоретической основой сопротивления сталинщине с позиций коллективизма. Борьба с «культом личности» приобретает характер утверждения принципов коллективности в общественных отношениях против сталинского принципа – приоритета индивидуалистического эгоцентрического интереса вождя и его окружения. Можно обозначить линию борьбы и в других терминах: социализм против «культа личности».

Мы полагаем, что на 1930–1934 гг. приходится первый политический кризис отношений «культа личности». Внутри партии складывается сильная, опирающаяся на научное представление о социализме, на социальную практику 1921–1923 гг., оппозиция «культа личности».

частности, характерны записи 1930 г. М.М. Пришвина – писателя, сознательно избегавшего общественно-политической проблематики в своих художественных произведениях. См.: Пришвин М. 1930 год//См.: Октябрь. 1989. № 7. С. 140–182.

Представления у М.М. Пришвина о марксизме, социализме, коллективизме довольно туманные. Однако общегуманитарная и нравственная критика «большого скачка» и проявлений «культа личности» в целом дана у него с большой силой и в определенной системе. М.М. Пришвин ведет речь не об отдельных явлениях, а именно о системе.

Наши знания об этой оппозиции весьма ограничены: сопротивление «культу личности» скрывается, уходит в подполье, рассыпается на группки, порой ограничивается оставившим мало следов личным негативным отношением к сложившейся политической ситуации. Мы знаем (по материалам официальных решений центральных органов партии) лишь о вершине этого айсберга. Ибо, хотя репрессивный аппарат партии и государства был еще не столь масштабен и жесток, каким он стал после убийства С.М. Кирова, все же он был уже достаточен для того, чтобы неприятие «культы» тщательно скрывалось.

Первой обозначенной в официальных документах руководящих органов партии группой, выступившей против сталинского «большого скачка», были С.И. Сырцов, В.В. Ломинадзе, Л.А. Шацкин и другие. Постановление ЦК и ЦКК ВКП (б) от 1 декабря 1930 г. «О фрикционной работе Сырцова, Ломинадзе и др.» обвиняет членов этой группы в стандартном наборе грехов: подпольная фракционная, антипартийная деятельность, двурушничество и обман, меньшевизм и правый оппортунизм, объясняемые «паникой перед трудностями и желанием поспекулировать на них...»³⁰. Однако это стандартные формулы обвинения. Конкретно же членам группы инкриминируется: «...объявление успехов нашего строительства «очковтирательством» (Сырцов), объявление Сталинградского тракторного завода «потемкинской деревней» (Сырцов), утверждение о том, что в советском аппарате Закавказья «царит барско-феодальное отношение к нуждам и интересам рабочих и крестьян» (Ломинадзе) и т.п.»³¹

Как может судить современный читатель, точка зрения С.И. Сырцова и В.В. Ломинадзе (исключенных по этому постановлению из состава ЦК) весьма близка нынешней критической оценке экономической и политической практики «культы личности».

³⁰ Материалы о группах, подобных этой, публиковались, скажем так, неохотно. В 7, 8, 9-м издании официальных материалов руководящих органов партии этих материалов нет (кроме материалов Пленума ЦК января 1933 г.). Поэтому мы вынуждены пользоваться 6-м изданием. ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 6-е. М., 1941. Ч. II. С. 821.

³¹ Там же.

Еще более серьезным, в какой-то мере прямо напугавшим И.В. Сталина, было так называемое «дело» М.Н. Рютина.

М.Н. Рютин, член ВКП (б) с 1914 г., участник гражданской войны, партийный работник. Еще в 1929 г. сложилась так называемая «рютинская платформа», развивавшая критику сталинского «большого скачка», данную Н.И. Бухариным и его школой (А.Н. Слепков, Д.П. Марецкий, П.Г. Петровский, Я.Э. Стэн и другие). 23 сентября 1930 г. Президиум ЦКК ВКП (б) разбирал «дело» М.Н. Рютина и вопрос о «рютинской платформе». М.Н. Рютин был исключен из партии, потом арестован, но спустя два месяца после ареста освобожден. Действия М.Н. Рютина были обусловлены глубокими убеждениями, от которых волевые и стойкие люди не отрекаются.

В 1932 г. при активном участии М.Н. Рютина была создана подпольная организация «Союз марксистов ленинцев». Организация приняла подготовленное в основном М.Н. Рютиным обращение «Ко всем членам ВКП (б)». Название обращения: «Прочитав, передай другому!»³². Текст этого обращения чрезвычайно важен для изучения характера сопротивления «культу личности», сталинщине: это пока один из немногих подлинных (не фальсифицированных НКВД) программных документов сопротивления «культуре личности», извлеченных из «архивной могилы» и опубликованных большим тиражом.

Пересказывать текст этого обращения трудно: в нем почти нет слов второстепенных, не бьющих в самую точку. Поэтому ограничимся самым главным.

Оценка деятельности И.В. Сталина: «...Сталин за последние пять лет (то есть начиная с 1927 г., с XV съезда ВКП (б), когда были исключены из партии сторонники Л.Д. Троцкого. – З. Ф.) отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП (б) и всей стране свою личную диктатуру, порвал с ленинизмом, стал на путь само-

³² Текст обращения и сопровождающая его статья А.И. Ваксберга опубликованы в журнале «Юность» (1988. № 11. С. 22–26). Сейчас появились и другие публикации, посвященные М.Н. Рютину.

го необузданного авантюризма и дикого личного произвола и поставил Советский Союз на край пропасти»³³. Стalinская индустриализация, как сказано в обращении, «не является подлинно социалистической и не может вести к построению социалистического общества»³⁴. Аналогично оценена и социальная сущность коллективизации. Стalinщина (термин этот впервые появляется на свет именно в этом обращении) расценивается как грубейшая деформация Советской власти, диктатуры рабочего класса.

А.И. Ваксберг справедливо подчеркивает, что ведь все эти оценки – точные и глубокие – даны «до голода, до Семнадцатого съезда, до черного Первого Декабря, до тридцать седьмого...»³⁵.

Постановление Президиума ЦКК ВКП (б) по «делу» М.Н. Рютиня и его группы от 9 октября 1932 г. не имеет специального названия и, что особенно характерно, не содержит какой-либо предметной критики взглядов «Союза марксистов-ленинцев». Набор эпитетов и определений в его адрес стандартен: контрреволюционеры, разложенцы, враги Советской власти, предатели, пытавшиеся «создать подпольным путем под обманным флагом «марксизма-ленинизма» буржуазную, кулацкую организацию по восстановлению в СССР капитализма, и в частности кулачества...»³⁶.

В соответствии с этим постановлением Президиума ЦКК 24 человека были исключены из партии (М.Н. Рютиня исключили еще раньше, в 1930 г.) и затем отданы под суд. В 1937 г. все их дела были пересмотрены и почти все они были расстреляны³⁷.

Однако судьба «Союза марксистов-ленинцев» не могла остановить тех, кто действительно осознал пагубность сталинизма.

Еще один след борьбы со стalinщиной мелькнул в резолюции объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 12 января 1933 г. «Об антипартийной группировке Эйс蒙та, Толмачева, Смир-

³³ Там же. С. 22.

³⁴ Там же. С. 25.

³⁵ Там же.

³⁶ ВКП(б) в резолюциях... Изд. 6-е. Ч. II. С. 822.

³⁷ См. материалы: О так называемой «антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других («бухаринская школа»)»//См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 2; см.: К политическому портрету. М.И. Рютин//См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 157, 160.

нова А. П. и др.». Н.В. Эйсмонту (члену партии с 1907 г.), В.Н. Толмачеву (члену партии с 1904 г.) и А.П. Смирнову (члену партии с 1896 г., в прошлом секретарю ЦК, члену Оргбюро) было предъявлено обвинение в том, что «эта группа, подобно рютинско-слепковской анти- партийной группировке, ставила своей задачей, по сути дела, отказ от политики индустриализации страны и восстановление капитализма, в частности кулачества»³⁸. Обращаем внимание на то, что в резолюции прямо приравнена позиция группы Н.В. Эйсмента, В.Н. Толмачева и А.П. Слепкова к позиции группы М.Н. Рютина. Другой, более конкретной характеристики осуждаемых взглядов в резолюции нет.

Н.В. Эйсмонт и В.Н. Толмачев были исключены из партии, А.П. Смирнов выведен из состава ЦК. Впоследствии, в 1937 г. все они были уничтожены.

Несомненно, что у этих групп в партии были сторонники, однако, как нам кажется, получить о них какую-нибудь информацию теперь почти невозможно: либо они не оставили письменных следов своих взглядов, либо погибли в 1937–1938 гг., когда из фальсифицированных в целом обвинений выделить крупицы истины попросту невозможно. Своего рода политическим индикатором распространения этих взглядов было голосование на XVII съезде ВКП (б) при выборах руководящих органов партии. Голосовали ли против И.В. Сталина около 300 человек или более 100 человек, по, но всем современным данным, можно считать, ни результаты выборов были фальсифицированы³⁹.

Если сопоставить данные о голосовании с выступившими на съезде, где все без исключения славили мудрость и гениальность И.В. Сталина, то станет ясно, что налицо была достаточно весомая политическая оппозиция сталинщине и лично И.В. Сталину.

Всестороннего анализа политических итогов XVII съезда – в известном смысле поворотного для истории партии, для истории страны в целом – литературе нашей пока не хватает. Подчеркива-

³⁸ ВКП(б) в резолюциях... Изд. 6-е. Ч. II. С. 523–524.

³⁹ См. материал, подготовленный Н. Михайловым и В. Наумовым, «Сколько делегатов XVII съезда партии голосовало против Сталина?»//Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 114–121.

ется зачастую то, что это был «съезд победителей», поскольку, какой бы дорогой ценой ни был достигнут результат, экономика страны в конечном счете сделала шаг вперед. Могло показаться, что в праздничной атмосфере съезда, в обстановке торжества забылись трагические дни «молниеносной» принудительной коллективизации конца 1929 – начала 1930 г. и голода 1932–1933 гг., необоснованное распыление капиталовложений в первые годы пятилетки, недовыполнение ее основных показателей по промышленности, катастрофическое положение в животноводстве...

Пусть психологи и историки объяснят нам потом подробнее и обстоятельнее, чем было обусловлено столь разительное противоречие между словами с трибуны и результатами голосования. Факт был, однако, налицо: против С.М. Кирова было подано 3 голоса, против И.В. Сталина – около трехсот, то есть около 1/4 от числа делегатов с решающим голосом, участвовавших в голосовании. Отрезвление после вакханалии «культовых» словесный было для И.В. Сталина, надо полагать, ужасным. Только потеряв на какое-то время от бешеной злобы и отчаяния контроль над собой, мог он потребовать прямой и грубой фальсификации итогов голосования: об этом свидетельствует в своих воспоминаниях А.И. Микоян⁴⁰. По итогам голосования С.М. Кирову группой делегатов было сделано (хотя не вполне официально) предложение занять место И.В. Сталина – пост генерального секретаря. Он отказался и сообщил об этом И.В. Сталину, чем окончательно подписал себе смертный приговор.

...Голосование при выборах руководящих органов партии показало, что в зале сидят не только восторженные, бездумные люди, но и накопившие политический опыт руководители, ничего не забывшие и верно оценивающие как победы, так и просчеты. Не могло быть и речи об их предварительном сговоре. Обнаружилась хоть и придавленная «культурой» атмосферой, но неистребимая для истинного коммуниста способность и потребность в самостоятельной трезвой политической оценке любой ситуации в обществе, любого действия любого руководителя.

⁴⁰ См.: Огонек. 1987. № 50. С. 6.

...Против И.В. Сталина голосовали отнюдь не бывшие представители разгромленных при его участии оппозиций: в составе делегатов с решающим голосом их практически не было, да и среди делегатов с совещательным было лишь несколько человек. Против И.В. Сталина голосовала его собственная ударная сила в борьбе с оппозицией, в реализации всех его начинаний (в том числе «большого скачка»): секретари ЦК союзных республик, секретари крайкомов, райкомов, советские и хозяйственные руководители, командующие округами и политработники...

...Это голосование надо, как мы полагаем, считать ижнейшим пунктом политического размежевания, поскольку оно сделало явным противостояние в партии и государстве. Драматизм ситуации усиливался, поскольку голосование было тайным: невозможно было персонально выявить тех, кто голосовал против. Да и нужно ли было это делать: сегодня еще голосует «за», а завтра?.. Личный враг оказывался в принципе анонимным и уже потому неизбежно всеобщим. Отныне вся партия потенциально, – а реально в первую очередь ее руководящий состав, все идеяные и убежденные коммунисты и особенно «старая гвардия» – стала для И.В. Сталина – генерального секретаря партии – злейшим личным врагом, с которым никакие компромиссы были немыслимы. Партия стала безусловной угрозой для маленького честолюбивого Сосо Джугашвили, такой ценой, такими усилиями наконец на 55-м году своей жизни вскарабкавшегося по невероятно крутой лестнице на вершину пирамиды абсолютной власти. Эта угроза была нисколько не меньше (а может быть, и много больше), чем тогда, когда по делегациям XIII съезда РКП (б) обсуждалось письмо В.И. Ленина о руководящем составе партии...

Противостоять этой неожиданно возникшей серьезнейшей угрозе своему положению И.В. Сталин мог – если ни при каких обстоятельствах не отдавать власть, не отступать – только одним способом: физически уничтожить всех своих потенциальных противников. Всех чохом, ибо конкретных своих противников из числа делегатов съезда, да и вообще коммунистов, он тчно

установить не мог. Да к ним и не сводилось дело: его потенциальными врагами могли быть все те, кто в партии давно и уже поэтому может быть самостоятельным и принципиальным; все, кто поинтеллигентней, ибо интеллигенция вечно печется о нравственности, о совести и может поэтому выступить и против него; все, кто вышел из старых рабочих, ибо они чаще всего слишком уж твердокаменны по отношению ко всем нарушителям норм партийной жизни; все, кто отличился в гражданской войне: они про него могут что-то знать, чего уже сейчас не следовало бы вспоминать, да и вообще они очень уж высоко себя ценят – не гнут шею, не склонны верить в его исключительность и гениальность... Уничтожить их только политически, как он поступил вначале с «левыми» и «правыми», И.В. Сталин не мог: никаких прямых зацепок уже не было и быть не могло. Значит, оставалось лишь физическое уничтожение... Страшная логика этой ситуации была такова, что для окончательного утверждения своей абсолютной власти, своего исключительного статуса надо было уничтожить все самое лучшее в обществе.

Для И.В. Сталина теперь нужно было любыми средствами, не считаясь с жертвами, поднять свой «культовый» статус на последнюю и решающую ступень: чтобы любое сомнение, задевающее «великого вождя всех времен и народов», реальное или кажущееся, автоматически квалифицировалось как тягчайшее политическое преступление, акт террора, как действие, наказуемое самым жестоким образом – лучше всего физическим уничтожением...

...Так исторически вызрели предпосылки и сама идея массовых репрессий 1937–1938 гг.

Очерк 6

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»:

ЗАВОЕВАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Недолет. Перелет. Недолет.
По своим артиллерия бьет...
Нас комбаты утешить хотят,
Нас, десантников, армия любит...
По своим артиллерия лупит –
Лес не рубят, а щепки летят.

А.П. Межиров

Жестокость войны, жестокость нашей эпохи не есть просто жестокость, злоба, бессердечие людей... Это – жестокость исторической судьбы, жестокость исторического движения, исторического испытания. Жестокость человека – отвратительна.

Н.А. Бердяев

При исследовании «культа личности» как системы отношений возникает вопрос, неизбежно ли связан «культ» с массовыми репрессиями? Связаны ли эти репрессии только с деятельностью И.В. Сталина, или любой руководитель, целенаправленно превративший свой авторитет в «культ», оказался бы перед необходимостью проводить масштабно репрессивную политику?

Г. Х. Попов справедливо считает, что административно-бюрократическая система управления обязательно нуждается в механизме устрашения. Однако механизм устрашения и массовые репрессии – не одно и то же. Механизм устрашения вполне может действовать избирательно, когда репрессии индивидуальны по направленности, а, кроме того, совершенно не обязательно, чтобы эти репрессии носили характер массового прямого

физического уничтожения. Расстрел – не единственная возможная и единственная форма устрашения.

«Культ личности» в какой-то мере тяготеет к массовым репрессиям. Тяготеет к ним в силу самой своей природы. Такие репрессии не являются для него случайным явлением, целиком сводимым лишь к психологии лица, персонифицировавшего культ. Однако не являются они, эти массовые репрессии, и безусловно обязательными.

Прежде всего, становление «культа» происходит не в политическом вакууме, а в гуще столкновений политических тенденций, политических персонажей и политических группировок. Победитель в борьбе за власть и его ближайшее окружение неизбежно стремятся затем себя обезопасить от конкурентов. Кроме того, борьба за влияние возникает и в ближайшем окружении одержавшего победу в сражении за «культ» собственной личности.

Репрессии такой направленности неизбежно будут в той или иной мере если не массовыми, то и не единичными.

Мы полагаем, что основное направление возможных массовых репрессий – против истинных коммунистов, против людей высокой идейной убежденности, являющихся противниками «культа» в принципе. Эти люди на какой-то стадии развития общества – когда шло становление «культа» – вполне искренне и по убеждению могли поддерживать претендента вожди. Напомним, что становление культа всегда происходит на фоне не только мнимой, но и реальной идейной борьбы, столкновения мнений и интересов. Но когда «культ» сложился, когда он обнаружил свою антиколлективистскую сущность, происходит сдвиг в политическом самосознании значительной части истинных коммунистов: они неизбежно осознают природу «культа» и превращаются в его принципиальных противников. Опыт истории (не только СССР) показывает, что такую категорию людей, истинных коммунистов, «культовые» властители предпочитают уничтожать по возможности превентивно, стараясь устраниТЬ

всех потенциальных – в настоящем или в будущем времени – идейных противников «культта».

В истории СССР массовые «культовые» репрессии были осуществлены особенно масштабно и особенно жестоко. Для этого были общеисторические корни (сказалась и отсталость страны, и ее исторические традиции, и ее существование в капиталистическом окружении, и уровень как общей, так и политической культуры, и т.п.), но были и сугубо субъективные, личностные, связанные только с индивидуальными качествами И.В. Сталина.

Если бы применение репрессивных методов было отличительным свойством именно И.В. Сталина, а не обязательным атрибутом «культта личности» в любой стране, то тогда действительно психологии (или психиатрии) принадлежала бы заглавная роль в изучении «культта личности». Однако именно строгая повторяемость основных свойств «культта личности» (при разных масштабах и формах всех своих свойств, включая и репрессии) свидетельствует в пользу безусловного приоритета социального анализа.

С точки зрения личных эгоистических интересов И.В. Сталина – «великого стратега социализма», «гениального вождя мирового пролетариата», «испытанного, мудрейшего и любимого вождя» (все определения взяты из стенограммы XVII съезда) – репрессии эти логичны, естественны, необходимы, объясняются без труда. С точки зрения психологической, то есть сущности И.В. Сталина как индивида, они тоже объяснимы, хотя трудно сказать, что именно было главным: может быть, превалировал комплекс органического эгоцентризма, когда общество и его интересы целиком отождествляются с собственной персоной? Может, это был бесчеловечно холодный, далеко идущий расчет властолюбца? Может быть, сыграла свою роль элементарная трусость и предрасположенность к параноидальной подозрительности, исходившей из вполне реальной угрозы его положению? Может быть, оказались еще какие-то социокультурные качества личности (индивидуальности) И.В. Сталина?.. Но все дело в том, что с точки зрения классовой, точки зрения партийно-

сти (то есть с точки зрения интереса закономерного хода истории) все эти флуктуации психики значили и значат сравнительно мало. Индивид мещанского, мелкобуржуазного склада в своих интересах – личных, эгоистических, эгоцентрических – «сосед-лал» историю для своей корысти. Мелкобуржуазный индивид готов изничтожить без тени сомнения или раскаяния любую половину человечества ради медной полушки собственной выгоды, ради упрочения своего положения.

В 1937–1938 гг. И.В. Сталин второй раз за время своего правления (первый – во время голода 1932–1933 гг.) устроил, руководствуясь прямым личным «культовым» интересом, грандиозное, массовое, целенаправленное и планомерное человеко-стребление. Провозгласив защиту социализма от его врагов, объективно он действовал как злейший и коварнейший враг социализма: он изнутри ударом в спину уничтожил тысячи тысяч лучших, в большинстве своем искренних в своих помыслах сторонников и строителей социализма, само дело и саму идею социализма выстрадавших – и на царской каторге, и в огне гражданской войны, и в холода и тифу начала восстановления экономики, и в бессонных ночных пятилеток... Именно этих людей прежде всего И.В. Сталин и его клика и попытались представить в качестве «врагов народа»...

Никакой белый террор, никакая война не могли бы нанести такой урон Коммунистической партии, коммунистическому движению, какой нанес, защищая свою личную абсолютную власть, этот «...гениальный вождь мирового пролетариата...». И ответственность за это массовое истребление людей несет отнюдь не он один, ибо не бывает «культы» без пирамиды «культов», без массы бездумных, на все готовых маленьких, тиражированных копий «великого вождя», без лишенных элементарных моральных тормозов исполнителей, без некритически воспринимающих «культ» и все его деяния (включая репрессии) широких масс людей.

Мы полагаем несостоятельными часто мелькающие в печати объяснения массовых репрессий исключительной мстительно-

стью И.В. Сталина, сведением личных счетов его, В.М. Молотова, Л.П. Берии, К.Е. Ворошилова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, А.А. Жданова с одним, другим, третьим... Так можно было уничтожить (физически или политически) именно одного, другого, третьего... Для этого вполне достаточно всегда было «нормальных» для любой тирании, вполне благовидных способов: авто- или авиакатастроф, неудачных операций, обвинений в нарушении этики поведения, отравленной пищи, наконец... Однако невозможно объяснить элементарным сведением счетов уничтожение тысяч и тысяч людей, 99% которых ни сам И.В. Сталин, ни его окружение не только не знали, но и знать не могли.

Целенаправленным и адресным можно еще признать уничтожение примерно половины делегатов XVII съезда (репрессировано было 1108 из 1966 делегатов и 98 из 139 членов и кандидатов в члены ЦК, избранных на съезде), но уничтожение миллионов лют¹ если так можно выразиться, общеполитическую направленность. Репрессии носили не узколичный и отнюдь не бессистемный, а именно политический характер: они явились формой борьбы эгоцентриста И.В. Сталина и его клики за власть с Коммунистической партией, формой утверждения определенной ан-тиколлективистской системы отношений в обществе, именуемой «культом личности». Личность («вождя всех времен и народов») стояла в центре этой политики: речь должна идти здесь о преобразовании отношений в обществе в законченную «культурную» систему, то есть о политическом перевороте, а не об элементарном сведении личных счетов.

Для осуществления столь массовых репрессий нужно было сформировать соответствующее умонастроение широких масс. Ведь масса должна была верить (и в значительной части верила) чудовищным обвинениям 1937-го. Эта вера, конечно, не была всеобщей и безусловной (поэтому и бытовал в 1939–1953 гг. термин «ежовщина»), но в основе своей она образовывала историческую реальность, проявившую себя в том числе и в добровольном доносительстве. Отзвуки этой веры живы и до сих пор.

Был зачастую, конечно, и элементарный страх за себя, стимулировавший доносы, но была и вера – в массовое вредительство, в контрреволюцию, во «врагов народа» – хорошо замаскировавшихся врагов-руководителей и шпионов-интеллигентов.

Мы видим причину этого умонастроения масс, поверивших во «врагов народа», в наложении нескольких факторов. Прежде всего, действовало религиоподобное культовое отношение к «вождю всех времен»: формула «вождь указывает путь!» может, как свидетельствует история, завести чрезвычайно далеко, пока не начнется прозрение. Существенное значение имел комплекс антиинтеллигентских настроений и без того достаточно распространенный в России, где интеллигенция отождествлялась с дворянами, помещиками и т.п. Но эти настроения еще и подогревались высказываниями И.В. Сталина, фальсифицированными процессами против «вредителей» и т.п. Действовал, далее, вполне реальный комплекс капиталистического окружения: кругом враги и «внутри» полно их агентуры. При всем том живы были в памяти крайне жестокости, принципиальная непримиримость гражданской войны. Как ее следствие была белая эмиграция, в достаточной мере антисоветская. (В последнее время очень часто стали печатать материалы о несудебных и тому подобных репрессиях ЧК и других органов Советской власти. Напомним, что репрессии белогвардейцев и интервентов были нисколько не менее жестокими, дикими и основывались не столько на конкретном разбирательстве, сколько все на том же классовом признаке¹.) Был вполне реальный шпионаж капиталистических государств. Были реальные заговоры и контрреволюционные политические группы и

¹ Умалчивает (и тем самым грубо искаивает историческую реальность) о жестокости белых А.И. Солженицын в своей книге «Архипелаг ГУЛАГ». Эта его очевидная тенденциозность (фактически воспроизводящая методологические стереотипы сталинизма, не минувшие никого в нашем поколении) четко выявлена в статье Р.А. Медведева (см.: Правда. 1990. 18 мая). Мы здесь приведем лишь напутствие генерала Л.Г. Корнилова белым офицерам-добровольцам в январе 1918 г.: «Вы скоро будете посланы в бой. В этих боях вам придется быть беспощадными. Мы не можем брать пленных, и я даю вам приказ, очень жестокий: пленных не брать!» (Иоффе Г. З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 233).

группировки первых лет после гражданской войны. Но особенно важно, что самими руководителями партии и государства со всей этой реально существовавшей контрреволюцией была в полной мере (во всяком случае, в официальных словах и директивных формулировках) отождествлена внутрипартийная оппозиция.

На XVI партийной конференции М.И. Калинин, человек весьма уважаемый и авторитетный, выражая общее умонастроение, заявляет во время доклада о проблемах деревни: «...группа троцкистов ушла у нас в подполье (это – безусловно)...»².

На XVII съезде партии М.И. Калинин, П.П. Постышев, Р.И. Эйхе, Н.С. Хрущев, Е.М. Ярославский и многие другие во всю муссируют тезис И.В. Сталина об усилении и обострении классовой борьбы по мере нарастания успехов социализма³.

Еще на XVI съезде один из весьма авторитетных членов партии – И.М. Варейкис (впоследствии, на XV съезде, как говорят зарубежные источники, один из лидеров группы, противостоящей И.В. Сталину), произносит следующую формулу политического обвинения: «...правая оппозиция... – кулацкая агентура в ВКП(б)»⁴.

Наконец, на XVII съезде в отчетном докладе ЦКК – РКИ Я.Э. Рудзутак (расстрелянный 29 июля 1938 г. как «враг народа») изрекает в наиболее обобщенном виде формулу будущих обвинений, не обошедших и его самого: «...эта «внутрипартийная» оппозиция... в конечном счете скатилась в лагерь махровых контрреволюционеров и вредителей, состоящих на службе иностранного капитала»⁵. Далее по ходу доклада он говорит: «...там, где не руководят коммунисты, там руководят классовые враги»⁶.

Эта формула – «оппозиция – суть контрреволюция» – получила отражение и в официальных решениях XVII съезда. В част-

² XVI конференция ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1929. С. 145.

³ См.: XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1934. С. 46, 64, 147, 297, 585 и т.д.

⁴ XVI съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 133.

⁵ XVII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. С. 262.

⁶ Там же. С. 268.

ности, резолюция «Организационные вопросы» начинается с фразы: «Несмотря на ожесточенное сопротивление классовых врагов и атаки на партию агентуры классовых врагов – оппортунистов всех мастей...»⁷

Такого рода утверждениями (порой в еще более грубой форме) была наполнена вся политическая пропаганда, вся периодика.

Если к этому добавить, что в юриспруденции с оговорками или без таковых, но уже имел полные права гражданства принцип, что главным (а порой и единственным) доказательством вины является собственное признание обвиняемого, то мы увидим, что и с этой стороны общественное сознание было психологически подготовлено к массовым репрессиям. Способы же достижения собственного признания обвиняемых ко времени, о котором мы пишем, давным-давно, за многие века пристрастных допросов, были досконально разработаны.

К тому времени и ключевые позиции во всех государственных и партийных органах, имевших особенно большое значение для любых сторон кадровой политики, были целиком уже сосредоточены в руках И.В. Сталина: кадрами в ЦК ведал его протеже Н.И. Ежов, органами безопасности (ОГПУ, потом НКВД) ведал другой послушный исполнитель воли И.В. Сталина – Г.Г. Ягода.

Кроме того, к этому времени уже хорошо был отработан механизм неправового досудебного определения характера будущего судебного разбирательства, включая и предрешение будущего приговора. Сохранились заметки В.И. Ленина соответствующего содержания. Хорошо известен факт, когда И.В. Сталин на Политбюро еще в 1932 г. требовал до суда решить вопрос о расстреле М.Н. Рютина. Политбюро не согласилось с И.В. Сталиным в данном конкретном случае, но здесь важно отметить сам прецедент постановки и решения такого вопроса до следствия и суда.

О том, что эта практика осуществлялась достаточно широко, свидетельствует, например, недавно опубликованный «Протокол заседания комиссии Пленума ЦК ВКП (б) по делу Бухарина и Ры-

⁷ Там же. С. 670.

кова» от 27 февраля 1937 г. Комиссия заседала до ареста Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, то есть фактически до официального начала следствия по их делу. Обсуждается вопрос, судить ли их, а если судить – то расстреливать ли? Решение комиссии (и в тот же день – Пленума ЦК) – исключить из партии и «передать дело... в НКВД»⁸.

Фактически сложилась (и во многом руками самих будущих жертв массовых репрессий была создана) такая политическая обстановка, когда потенциальная возможность массовых политических репрессий – исключения из партии, предания суду, а при необходимости (или желании) и расстрела – «висела в воздухе». Достаточно было лишь «спустить курок»: потенциальная возможность репрессий легко становилась действительностью...

Дело было за «малым»: нужна была крупная политическая провокация, которая позволила бы создать недостающие условия именно для массовых репрессий, направленных прежде всего против коммунистов: а) в качестве первых и главных виновных должны были оказаться бывшие представители оппозиции, поскольку, потянув за эту ниточку, можно было истребить хоть всю партию, поскольку любого ее члена можно было обвинить в тайных связях с оппозицией; б) это должна была быть столь грубая и жестокая провокация, чтобы она позволила превратить судопроизводство во всех аналогичных случаях в чистую фикцию, не оставляющую никаких следов; в) провокация должна была носить сугубо политический характер, что позволяло вывести карательные органы из-под контроля государства и сосредото-

⁸ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 79-84. В том числе на с. 82–83 воспроизведена фотокопия упомянутого протокола комиссии.

В состав комиссии входило 36 человек (по протоколу). Из ее числи 16 работало потом вместе с И.В. Сталиным на различных постах (а изрядная часть и после смерти И.В. Сталина), один человек (Г.И. Петровский) был снят со всех постов, но не репрессирован, два человека погибли в 1937–1940 гг. в ходе репрессий, еще три человека были в разное время расстреляны, но уже, наоборот, за организацию репрессий. А. Икрамов проходил потом по тому же процессу Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и других. И.В. Сталин на комиссии высказался осторожно и лицемерно за передачу дела в НКВД. Его поддержало большинство, но пять человек высказались все равно за расстрел: С.М. Буденный, Д. З. Мануильский, Н.М. Шверник, А.В. Косарев, И.Э. Якир. И.Э. Якир был расстрелян почти на год раньше Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, А.В. Косарев – почти год спустя (в феврале 1939 г.).

чить весь контроль над ними только у партийно-политического аппарата, а фактически – в руках И.В. Сталина лично.

Такой политической провокацией и явилось убийство 1 декабря 1934 г. в Смольном секретаря ЦК и Ленинградского ОК ВКП (б), члена Политбюро, одного из возможных (по общему мнению) кандидатов на пост Генсека в случае ухода с поста И.В. Сталина – Сергея Мироновича Кирова (Кострикова), члена партии с 1904 г.

Обстоятельства убийства С.М. Кирова в свое время исследовала комиссия, но результаты ее работы тогда опубликованы не были. Сейчас основная часть материалов расследования этой достаточно темной истории опубликована. Однако к каким бы выводам ни пришла любая комиссия, по древней формуле римского права «Ищите, кому выгодно» И.В. Сталин, на наш взгляд, был безусловно к этому убийству причастен. Слишком уж «вовремя» был убит С.М. Киров. Стечение обстоятельств оказывается настолько плотным, настолько «густым» и «удобным», что очень, очень и очень трудно предположить чистую случайность, зато налицо 99,9 (9) % логических аргументов за то, что имел место умысел. Трудно сказать, получим ли мы когда-нибудь подлинные документы об этом воистину поворотном факте предвоенной истории советского общества (скорее всего, они достаточно тщательно уничтожены), но логические аргументы, все до одного и без всяких исключений, свидетельствуют против И.В. Сталина⁹.

⁹ В последнее время опубликован ряд работ, где анализируются обстоятельства убийства С.М. Кирова. Р.А. Медведев, В. Д. Волкогонов, А.В. Антонов-Овсеенко, авторы ряда статей в целом единодушно склоняются к версии безусловного участия И.В. Сталина в этом политическом убийстве. Специально этой проблеме посвящены работы, на которые мы бы считали нужным указать читателю: записки товарища и сотрудника С.М. Кирова М.В. Рослякова «Как это было» (Звезда. 1989. № 7); статью А. Кириллиной «Выстрелы в Смольном» (Родина. 1989. № 1). Особый интерес представляет также глава из книги А.В. Антонова-Овсеенко «Сталин и его время», посвященная убийству С. М. Кирова (Вопросы истории. 1989. № 6). Автор был хорошо знаком с материалами комиссии, по поручению XX съезда расследовавшей обстоятельства убийства С.М. Кирова. Материалы эти были готовы к XXII съезду, но тогда они не были опубликованы и пока не публикуются. (Ведется новое расследование обстоятельств убийства С.М. Кирова.) С критикой А.В. Антонова- Овсеенко в статье А. Кириллиной мы согласны.

...28–29 декабря 1934 г. в г. Ленинграде выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством В.В. Ульриха (председательствовавшего потом почти на всех фальсифицированных процессах 1935–1938 гг.) на основании уже нового порядка судопроизводства (по постановлению ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г.) приговорила к расстрелу 13 человек, зачисленных самим И.В. Сталиным (сохранился черновик, написанный его рукой) в участники так называемого «ленинградского центра» (в основном бывших комсомольских работников) во главе с И.И. Котолыновым, Н.И. Шатским и другими по обвинению в организации убийства С.М. Кирова. К ним был «приписан» и убийца С.М. Кирова Л.В. Николаев, не имевший с ними фактически ничего общего, но по подсказке (ему обещали сохранить жизнь) давший на них обвинительные показания. Приговор немедленно был приведен в исполнение. Процесс этот, конечно, был закрытым: так быстро «подготовить» обвиняемых к открытому суду было невозможно. Сценарий обвинения и процесса был разработан А.Я. Вышинским и Л.Р. Шейниным, в числе следователей был Г.С. Люшков, впоследствии назначенный уполномоченным НКВД по Дальнему Востоку. (Там, когда он понял, что близится час и его гибели, Г.С. Люшков сумел перейти границу СССР. В эмиграции он выпустил записки о своей работе в НКВД.)

Спустя некоторое время один за одним неукоснительно были уничтожены все работники НКВД, имевшие хоть какое-то отношение к охране С.М. Кирова, к расследованию покушения и т.п... Все концы были весьма надежно обрублены... Только очень глубокое новое расследование, может быть, обнаружит, не остались ли случайно в каких-либо бумагах хотя бы косвенные следы истинной организации покушения...

Уже в ходе суда над участниками «ленинградского центра» были определены все «ударные точки» последующих политических процессов: 1) обвинялись оппозиционные группы за то, что они якобы ушли в подполье; 2) обвинялись эти группы в пере-

ходе к методам террора, вредительства и диверсий в связи с тем, что победы социалистического строительства сделали бесполезными все иного рода способы реставрации капитализма; 3) им вменялся в вину принципиальный, идейный антинатриотизм – связь с иностранной разведкой самых разных, но в основном фашистских государств. (Особенно «популярной» в 1937–1938 гг. была формула: «агент гестапо». Звучит эта формула сегодня очень странно, когда по книгам и кинофильмам всем известна в подробностях организация службы безопасности в Третьем рейхе. Гестапо – внутренняя политическая тайная полиция, которая предназначена была для борьбы с инакомыслием и сопротивлением на территории рейха и оккупированных стран. Разведывательные функции в гитлеровской Германии выполняли совсем другие подразделения службы безопасности, а также военной разведки – абвера...)

...Начать немедленно массовые репрессии прямо против тех, кто составил в 1934 г. – на XVII съезде и вне его – реальную угрозу пребыванию И.В. Сталина в должности генсека, было невозможно. Нужно было постепенно (но без промедлений) создать такую политическую обстановку, отработать такие механизмы «выявления врагов», которые бы не рождали у широкой массы серьезных сомнений в необходимости и правильности репрессий. К репрессиям против тех, кто «виноват» был лишь в том, что выразил или мог выразить политическое недоверие И.В. Сталину, – а они были главным объектом репрессий – нужно было подойти с какой-то иной стороны, которая бы полностью маскировала, скрывала истинные цели репрессий. Принадлежность или сочувствие оппозиции, неважно, реальная или мнимая, фактически и явилась для сталинских репрессий «путеводной нитью».

...Пробным шагом явился процесс 1935 г. против Г.Г. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Г.Е. Евдокимова и других. Они были названы организаторами «московскою центра», несущего моральную ответственность за убийство С.М. Кирова. Приговор

был жестким, но относительно умеренным. Важен был не приговор сам по себе, важно было само предание суду по обвинению в принадлежности в прошлом к оппозиции. Одновременно развернулась политическая кампания, направленная против тех, чья биография давала хоть какую-то зацепку для политических обвинений: выходцев из других партий, членов в прошлом любых оппозиций, бывших офицеров старой армии, лиц дворянского и купеческого происхождения, представителей старой интеллигенции и т.п.

Нужно было создать впечатление, что «враги» – это прежде всего определенный социальный слой, элемент социально-классовой структуры. Это давало возможность начисто и окончательно уничтожить и тех триста руководящих коммунистов внутри этой структуры, которые осмелились на XVII съезде проголосовать «против», и тех, кто с ними потенциально мог быть солидарным. А заодно подлежали уничтожению или устранению и те – преимущественно интеллигенты всех мастей, – кому явно не удалось бы внушить идею сверхчеловеческой гениальности и исключительности И.В. Сталина.

Массовый характер репрессий был изначально предрешен.

Установка на массовый террор (начатый именно в 1937 г., хоть и подготовленный заранее) возникла отнюдь не произвольно, отнюдь не «сама собой» в недрах аппарата НКВД. Сигнал был подан решениями Пленума ЦК ВКП (б) от 5 марта 1937 г. Приняты эти решения были по докладу И.В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников».

По имеющейся пока (не очень достоверной, оговоримся сразу) информации, групповые расстрелы партийных и военных руководителей, помимо тех, кто «проходил» по процессам, о которых была информация в газетах, начались в июне – июле 1937 г., в августе было уничтожено все руководство польской компартии, а апогеи пришелся на октябрь (26–30. 10 1937 г.) и ноябрь (26–27. 11 1937 г.). В этом же году без каких-либо «видимых» процессов

30 октября были расстреляны члены ЦК, избранные на XVII съезде: Кодацкий П.Ф., Криницкий А.И., Лобов С.С., Лебедь Д.З., Румянцев И.П., Хатаевич М.М., Чудов М.С., Шеболдаев В.П., кандидат в члены ЦК Полонский В.И. и другие.

В июне 1937 г. по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии были осуждены и немедленно расстреляны виднейшие военные: М.И. Тухачевский, И.П. Уборевич, И.Э. Якир, В.И. Фельдман, Р. П. Эйдеман, А.И. Корк, В.М. Примаков, В.К. Путна.

Очень важно отметить, что фактически репрессии против военных начались еще до этого процесса. В частности, например, 11 мая 1937 г. был расстрелян 38- летний комкор А.Я. Лапин, кавалер четырех орденов Красного Знамени. 19 июня 1937 г. был расстрелян комдив Ю.В. Саблин, 20 июня – один из ведущих политработников флота, В.И. Зоф, 1 июля – комкор И.И. Гарьковый, 3 июля – комкор Б.С. Горбачев...

В процессе М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира и других никакого серьезного разбора доказательств при таких условиях ведения судебного процесса и быть не могло. Демонстрация фальсифицированных документов (очень быстро и без серьезной экспертизы) и – это в судопроизводстве было главным – признание своей вины подсудимыми – вот и вся процедура суда¹⁰.

Даже первомартовцев царская власть судила (шесть обвиняемых) с 26 по 29 марта 1881 г., хотя предмет обвинения был самоочевиден – царь был убит И.И. Гриневицким 1 марта, а участие подсудимых в убийстве было безусловным, его никто не собирался отрицать. Первомартовцев казнили через пять дней после суда (3 апреля 1881 г.). Сталинские же палачи судили за закрытыми дверями за часы, а то и за минуты (суд над Н.В. Крыленко – бывшим наркомом юстиции и прокурором –

¹⁰ См. в журнале «Известия ЦК КПСС» (1989. № 4. С. 42–80) весьма полную сводку материалов о суде над М.Н. Тухачевским и другими, о репрессиях в Красной Армии в целом.

продолжался 20 минут). Расстреливали же, как правило, немедленно после оглашения приговора.

Была, конечно, разница в организации открытых и закрытых процессов. Открытые процессы организовывались только с одной целью – создания видимости, что все преступления реально были (хотя и на этих процессах единственным доказательством были признания обвиняемых) и что виновных все же хоть к и кта судят... Кроме того, открытые процессы – по ним, кик пранило, проходили деятели прошлых оппозиций -должны были отвлечь внимание от идущего втихомолку уничтожения тех, против кого в действительности направлялись репрессии: коммунистов, государственных, хозяйственных руководителей.

Процессом М.Н. Тухачевского была легализована (не начата, а именно легализована) волна террора против высшего, а частично и среднего комсостава и политработников Красной Армии. Фактически репрессии уже шли раньше. После процесса они развернулись в полную силу. Командный состав армии был в конце концов настолько оголен – репрессировано было около 40 тыс. человек, – что после войны с Финляндией зимой 1939–1940 гг., показавшей, что за два года репрессий и связанной с ними дезорганизации армии она скатилась из передовых в отсталые, пришлось вернуть в строй какую-то часть военных, репрессированных в 1937–1939 гг. Тех, кого не успели расстрелять. А расстреляли практически всех в звании комко- ра и выше.

В марте 1938 г. прошел последний открытый процесс, по которому на основании фальсифицированных обвинений судили Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, Н.Н. Крестинского, Х.Г. Раковского, В.И. Иванова, А.П. Розенгольца, М.А. Чернова, Г.Ф. Гринько, А.И. Зеленского и других.

Нелепость предъявляемых всем им обвинений при современном прочтении стенограммы процесса настолько очевидна, что не приходится говорить о каких- либо заблуждениях или ошибках его организаторов и непосредственных исполнителей (среди которых первую роль играл, наряду с В.В. Ульрихом,

прокурор А.Я. Вышинский – государственный обвинитель на всех крупных политических процессах 1937–1938 гг.).

Казалось бы, процесс этого «правотроцкистского блока» должен был исчерпать задачу репрессий, если бы их целью действительно было уничтожение бывших оппозиционеров, выходцев из других партий. К этому времени уже были репрессированы практически все представители когда-либо существовавших оппозиций. Фактически же только теперь репрессии могли полной мерой обрушиться на головы тех, против кого на самом деле был задуман весь этот кровавый «поход», – на тех, кто никогда в каких-либо оппозициях не состоял, но либо мог сам на XVII съезде своим голосованием выразить политическое недоверие И.В. Сталину, либо мог быть единомышленником голосовавших против, либо, наконец, мог когда-нибудь в будущем, как истинный коммунист или истинный интеллигент, прийти к мысли о смешении И.В. Сталина с его поста.

Этих людей опасно было судить на каких-либо открытых процессах. Чаще всего об их арестах и расстрелах не помещали сообщений в газетах. Но именно таким путем в 1937–1938 гг. были уничтожены практически все секретари обкомов, крайкомов, ЦК КП (б) союзных республик, а также многие крупные хозяйственники, руководящие работники советского аппарата, старые коммунисты, просто коммунисты, научные работники, врачи, учителя, инженеры, агрономы...

Все диктаторы – «красные», «желтые», «розовые», «коричневые», «черные» – больше всего боятся истинных коммунистов и истинных интеллигентов и всегда начинают с их уничтожения. А чтобы уничтожение их выглядело хоть как-то «естественно», то в виде «фона» репрессиям подвергались тысячи и тысячи людей, за счет которых местные отделения НКВД выполняли разнарядки на разоблачение и арест «врагов народа»...

Главным образом на вторую половину 1937 г. и на 1938 г. приходятся так называемые «маскирующие» репрессии, когда за счет арестов и расстрелов на местах первых попавшихся созда-

валась видимость всеобщего распространения вражеской деятельности.

Управление НКВД по той или иной республике, как свидетельствуют источники, получало разнарядку на выявление определенного, заданного числа «врагов народа». Разными путями, в том числе и с использованием заблаговременно накопленных доносов, с использованием срочно полученных новых «направленных» показаний арестованных раньше и т.п., составлялся список уже конкретных людей «под разнарядку». Затем они арестовывались¹¹.

Надо отметить, что в общее число обозначенных в разнарядке лиц, подлежащих репрессиям, сразу включалось уже и число (число, а отнюдь не фамилии) тех, кто должен быть расстрелян. Перевыполнить «норму» разрешалось, но ее недовыполнение строго наказывалось. Поэтому широко бытоваала практика, когда арестованных тут же в подходящем месте (лесу, овраге и т.п.) расстреливали, а потом, задним числом, оформляли дело с обвинениями, признательными показаниями, решениями особого совещания или «тройки»... Демографическая презентация в такого рода репрессиях чаще всего обеспечивалась «сама собой»¹².

¹¹ Механизм такого рода репрессий описывает, в частности, адмирал Н.Г. Кузнецов. См.: Кузнецов Н. Прозрение//Слово. 1989. № 5. С. 75–77. В воспоминаниях последнего времени несколько раз описывались случаи, когда, зная о возможности ареста, человек уезжал в другой город и тем самым избегал ареста, лагеря, а возможно, и расстрела. Автор лично был знаком с такими людьми (сейчас уже умершими). О показаниях, полученных «на всякий» случай, рассказывает, например, со слов А.А. Фадеева К.Л. Зелинский (1896–1970), критик и литературовед, близкий друг А.А. Фадеева. Показания эти (А.А. Фадееву о них сообщил сам И.В. Сталин) были о том, что иностранными шпионами являются И.Г. Эренбург, А.Н. Толстой, П.П. Павленко. См.: Зелинский К. В июне 1954 г.///Вопросы литературы. 1989. № 6. С. 173. Более подробно о такого рода «показаниях впрок» рассказывает А. Ваксберг в статье «Процессы» (Лит. газ. 1988. 4 мая) или сборник «Реабилитирован посмертно» (вып. 1. М., 1988. С. 286–309).

¹² Автору лично известно (из рассказов очевидцев) о таких расстрелах в Санчурском районе Кировской области, в Марийской АССР.

Именно таким образом был расстрелян классик советской марийской литературы С. Чавайн. (Официальная дата смерти его в документах была 1942 г. Она же была и на памятнике ему в центре г. Йошкар-Ола. Вновь проведенным расследованием выяснено, что он был расстрелян на лесной дороге сразу же поехал ареста в одной из деревень в 1937 г.)

О масштабах такого рода «демографически репрезентативных» репрессий по разнарядке свидетельствуют, например, данные по Челябинской области. По информации, обнародованной Управлением КГБ по Челябинской области в 1989 г., репрессировано было в 1937–1939 гг. свыше 37 тыс. лиц, в том числе 11 тыс. расстреляно.

В 1939 и 1940 гг. волна репрессий заметно спала – попросту уже немного осталось тех, кто был их конечной целью. Однако и тут, уже при Л.П. Берии, сменившем Н.И. Ежова, аресты и расстрелы (в том числе уже в лагерях) далеко не были единичными и уж во всяком случае не были случайны¹³.

В потоке репрессий 1937–1940 гг. было арестовано около двух тысяч писателей и поэтов (Исаак Бабель, Осип Мандельштам, Артем Веселый, Борис Пильняк, Виктор Кин, Владимир Киршон, Александр Малышкин и другие), режиссер Всеволод Мейерхольд, сотни ученых (особенно чувствительный урон понесла биологическая наука: погибли Н.И. Вавилов, Н.И. Туляков, Г.Д. Карпеченко, И.И. Агол, Г.А. Левитский и многие другие), разработчики новой техники (в том числе ведущие ракетчики И.Т. Клейменов, Г.Э. Лаигемак). Очень серьезно пострадал от репрессий инженерный корпус.

Чудовищная жестокость при проведении репрессий 1937–1938 гг. (да и в последующие годы) ни в какой мере не может быть целиком объяснена какими-то восточными чертами характера И.В. Сталина, садизмом его самого и исполнителей (от Ягоды – Ежова – Берии до рядовых следователей) и т.п. Объяснение этой жестокости целиком лежит в характере целей, каковые реализовывались в ходе этих репрессий.

Репрессии были направлены прежде всего и главным образом против истинных и честных коммунистов. Именно они составляли главную угрозу «культу личности». Многие из них прошли

¹³ Речь идет не о тех, кто погиб от голода и болезней в лагерях, а именно о расстрелях. Например, в октябре 1941 г. в Орловской политической тюрьме перед отправкой основной части заключенных в лагерь в восточные части страны были расстреляны П.Г. Петровский (сын Г.И. Петровского, преследовать которого начали еще в 1932 г. по «делу» группы М.Н. Рютин), Х. Г. Раковский, С.А. Бессонов (оба на публичных процессах были приговорены к различным срокам заключения), М.А. Спиридонова, в прошлом один из лидеров «левых» эсеров, и многие другие. Об этом, в частности, свидетельствует в своих воспоминаниях С.О. Газарян (см.: Газарян С.О. Это не должно повториться//Звезда. 1989. № 1 и 2). О расстрелах в лагерях пишут многие авторы (и воспоминаний, и исследований). В частности, например, В.Т. Шаламов рассказывает о расстреле в лагере на Колыме В.М. Рютина – старшего сына М.Н. Рютин (См.: Шаламов В.Т. Надгробное слово//Новый мир. 1988. № 6. С. 108). Пишет об этих расстрахах А.И. Солженицын.

через допросы царских следователей, прокуроров. При нормальной следственной процедуре (даже при тех относительно умеренных формах давления на подследственных, которые применялись в 20-е – начале 30-х годов) они никогда не приняли бы сочиненную для них следователями версию их страшной вины. Их надо было «подвести» к смертному приговору, а за одно только скептическое отношение к И.В. Сталину (да и оно ведь было далеко не у всех) расстреливать было нельзя. Поэтому оставался только один путь: «вколотить» в них любые, самые фантастические признания – в терроре, шпионаже, сознательном вредительстве и т.п. – и при этом сделать их существование в тюрьме таким страшным, чтобы они сами согласились и на эти признания, и на следовавшую из этих признаний неизбежную смерть.

Никакое гестапо не могло поэтому сравниться по жестокости и изощренности пыток со сталинскими следователями. В гестапо надо было заставить признаться в действительно имевшей место вине перед Третьей империей, назвать действительных соучастников борьбы с гитлеризмом. В НКВД надо было заставить людей сознаться в том, чего заведомо не было и быть не могло. И что ничего этого не было, следователи знали лучше, чем подследственные.

Никаких преступлений – ни террора, ни шпионажа, ни диверсий, ни тайных контрреволюционных организаций и т.п. – не было. Были люди, которых по требованию И.В. Сталина сочли нужным во что бы то ни стало уничтожить. Но при этом на всякий случай надо было соблюсти формальность – вменить им придуманные следственным аппаратом преступления, за которые их можно было бы уничтожить «на законных основаниях».

Сочиненные малограмматными, не наделенными литературным талантом следователями НКВД «заговоры» и «организации» выглядят сегодня и без всякого специального расследования настолько убого, белые нитки настолько торчат из этих «сочинений», что обнаружить грубейшую фальсифицированность предъявлявшихся подследственным обвинений не составляет

труда. Но ведь это, с позволения сказать, «литературное творчество» стоило жизни миллионам честных людей. Вина И.В. Сталина, его окружения, его ближайших подручных не снимает вины и с этих в большинстве своем пока все еще безвестных лейтенантов и майоров НКВД.

Наши представления о «культе личности» будут неполными, если не будут изучены достаточно детально и социология, и психология следователей НКВД и МГБ. Пока, как это ни парадоксально звучит, мы знаем их значительно хуже, чем следователей гестапо.

Вопрос о причинах признаний почти всех, кто прошел в 30-е и 40-е годы через руки НКВД – МГБ, еще с довоенных времен волновал людей. Это тем более был вопрос вопросов, что не столь уж малое число современников открытых процессов (о закрытых попросту не было информации, но аналогии с открытыми напрашивались сами собой) не верили никаким признательным показаниям обвиняемых. Да и логика обвинений отнюдь не выглядела «железной».

Еще в 1940 г. Артур Кёстлер в романе «Слепящая тьма» написал о добровольном признании героя своего романа Николая Рубашова по идейным соображениям в том, что хотелось от него следствие, но к чему на самом деле он не имел никакого отношения: такова воля партии и такова сейчас польза партии. Историки сейчас пишут, что по этим же мотивам дал ложные показания против себя и своих товарищей один из видных участников гражданской войны, а потом, в середине 20-х годов сторонник Л.Д. Троцкого, С.Д. Мрачковский. Наконец, уже после войны осужденный в 1952 г. в Чехословакии по аналогичному фальсифицированному процессу Р. Сланского Артур Лондон написал в своих воспоминаниях о такого же рода самооговоре по идейным соображениям¹⁴.

Мы полагаем, что и А. Кёстлер и А. Лондон заблуждаются (вполне добросовестно, поскольку А. Лондон ведет речь о самом

¹⁴ См.: Кёстлер А. Слепящая тьма. Пер. с англ./Нева. 1988. № 7, 8; Лондон А. Признание. Пер. с фр./Иностранная литература. 1989. № 4.

себе). Причина их признания та же, что и у тысяч тысяч других, – пытки. Пытки физические, психологическое давление и т.п.

В подавляющем большинстве случаев допрошенному «с пристрастием» подсовывали готовый протокол, и он, чуть живой, его подписывал. В отдельных случаях заставляли писать показания своей рукой. Но метод был тот же. Повторять здесь описания этих пыток нет необходимости.

Так называемое «признание по идейным соображениям» – вариант случая, когда подследственный не в состоянии больше выносить пытки (хотя бы чисто психологические), а следствию нужна именно такая, а не какая-нибудь другая форма фактически ложного признания (так было с А. Лондоном). Психологически такая форма самооговора в чем-то легче для подследственного. Он уговаривает себя, что поступил так добровольно, руководствуясь высокими побуждениями, а не по принуждению. Поэтому и эффект при проведении открытых (хотя бы номинально) процессов с такими подсудимыми неизмеримо выше. Среди дел репрессированных, но не проходивших по открытым процессам встречаются попытки отказаться на суде от показаний на следствие. Никогда эти отказы от материалов предварительного следствия не принимались во внимание. Однако в материалах закрытых судов никто пока не обнаружил дел с безусловным самооговором «по идейным соображениям».

В случаях и С.Д. Мрачковского и А. Лондона налицо один и тот же психологический феномен – вынужденное отступление от принципов, но по внешнему (фиксированному) мотиву более морально легкое для измученного до предела человека. Кажется, что этот мотив снимает сам факт отказа от принципов. Но это, увы, иллюзия. Такой психологический эффект подмены мотива действия весьма и весьма распространен не только в практике мотивирования правонарушений, но и в обыденной жизни.

На всех политических процессах, по фальсифицированным политическим «делам» 30-х, 40-х, начала 50-х годов причина самооговоров одна – пытки. (Весьма любопытно, что знающий

весь этот механизм репрессий, сам проведший много лет за ключей проволокой сталинских лагерей Л.Э. Разгон по поводу того, что один из военных, сначала репрессированный, а потом реабилитированный, провоевавший всю войну, написал в своих воспоминаниях, что ни в чем не признался, заметил: «У него был или ленивый, или уклонявшийся от своих обязанностей следователь»...) Единицы смогли выстоять – если их не убивали во время допросов. Но это были в буквальном смысле единицы...

Список потерь – и человеческих, и экономических, и политических, и интеллектуальных, и нравственных – от репрессивной волны в основном только двух лет – 1937–1938 гг. – бесконечен. Это трагические для нашего народа и нашего общественного строя потери, ибо потеряно было самое лучшее...

...Такова логика «культа личности», такова его цена...

...После самой высокой волны репрессий в 1938 г., главной с точки зрения ее конечных целей, масштаб их постепенно стал сокращаться: в 1939 г. меньше репрессировано, чем в 1938 г., в 1940 г. – меньше, чем в 1939 г. Руководство НКВД было «обновлено»: Н.И. Ежов был расстрелян, а на его место назначен еще более жестокий и коварный авантюрист – Л.П. Берия. Составы руководящих партийных, государственных и хозяйственных органов «обновились» 2–3 раза. На смену репрессированным полководцам пришли вчерашние лейтенанты...

Весьма своеобразной вехой в репрессивной политике конца 30-х годов был январский (1938 г.) Пленум ЦК ВКП (б).

В решениях Пленума была лицемерно осуждена практика огульного массового исключения из партии, массовых репрессий, рекомендовано возобновить индивидуальный подход в каждом случае и т.п. Надо было создать видимость заботы о полной справедливости при проведении репрессивной политики, ибо массовый характер репрессий начал вызывать недоумение, тревогу и даже негативные мнения по отношению к руководству партии и репрессивных органов. Особенно важно было создать (вернее, подкрепить) иллюзию, что сам И.В. Сталин не имеет

отношения к фактам явных перегибов, не может за них нести какую-либо ответственность и, более того, ведет с перегибами решительную борьбу.

Другой, не менее важной целью решений Пленума была попытка найти и указать виновников всех тех актов, которые могли быть объявлены или уже были объявлены как неправильные, безосновательные. В соответствии с политической практикой «культа» такими виновниками были прежде всего «отдельные карьеристы-коммунисты, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии»¹⁵.

Организаторами необоснованных репрессий решения Пленума объявили также «замаскированных врагов внутри партии, старающихся криками о бдительности скрыть свою враждебность и сохраниться в партии, старающихся путем проведения мер репрессий перебить наши большевистские кадры, посеять излишнюю подозрительность...»¹⁶.

В соответствии с этой установкой нужно было найти крупного деятеля, который бы персонифицировал «замаскированного врага – злого предателя», «гнусного двурушника», «подлого провокатора»¹⁷. Таковым и был фактически назван (причем вполне официально, хотя и без широкой огласки) главный исполнитель изобретенной и направлявшейся И.В. Сталиным репрессивной политики – бывший нарком внутренних дел Николай Иванович Ежов. Появившийся после этого термин, обозначавший период массовых репрессий, «ежовщина», фактически был прямо сочинен «наверху». Именно поэтому в ту суровую эпоху, когда не так понятое слово, не та интонация в песенке

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 7. С. 12.

¹⁶ Там же. С. 14.

¹⁷ Там же. С. 13–14.

или частушке, любой анекдот с хотя бы кажущимся политическим оттенком были достаточны для предания суду и обвинительного приговора (не менее чем к пяти годам лагерей), термин «ежовщина» отнюдь не преследовался. Скорее всего он был предложен с ведома И.В. Сталина или прямо им самим. Во всяком случае, в своем кругу И.В. Stalin последними словами честил самого верного и безотказного в прошлом исполнителя своей воли¹⁸.

Конечно, полностью репрессии в условиях «культа» и не могли быть свернуты. Репрессии продолжались и после 1939 г., однако масштабы и характер их все же изменились: репрессии приняли преимущественно индивидуально направленный характер. Они осуществлялись неуклонно, ибо стали обязательным условием функциональности созданного механизма экономического, политического и идеологического управления, обязательным элементом «культа личности» как определенной деформации социализма. Но теперь они были нужны скорее уже не столько как механизм «чистки», сколько как механизм «устрашения» – один из главных факторов эффективности управления в системе «культа».

В литературе о «культе личности» зачастую акцентируют внимание на описаниях масштабов гибели людей, много пишут о вине лично И.В. Сталина, всех других, чьими руками осуществлялись массовые репрессии. Мы полагаем, что исторический анализ полосы репрессий, через которую «культ личности» падит в любой стране, был бы неполон, если бы раничились только этими его аспектами.

Важно подчеркнуть, что закономерные для любого варианта «культа личности» репрессии обязательно имеют вполне определенных «адресатов». «Культ личности» возникает в условиях тяготения масс к социалистическим целям. Поэтому «культ»

¹⁸ См.: Яковлев А.С. Цель жизни. М., 1987. С. 212–213.

везде и всегда неизбежно сталкивается со стремлением истинных коммунистов строить именно и только социализм, а не превращать социалистическое строительство в сооружение пьедестала для «великого вождя». Не репрессировав в той или иной форме истинных коммунистов и примыкающих к ним людей, «культ» не мог бы утвердить себя.

Трудно сказать, рассчитывают ли «великие гении всех времен и народов» на свою окончательную победу над истинно коммунистическими тенденциями. Возможно, что и рассчитывают, но вполне вероятно и то, что их притязания «скромнее»: они рассчитывают только на то, чтобы «на их век хватило». Во всяком случае, с коммунизмом и коммунистами они всегда боролись и борются с огромной энергией и поразительной последовательностью. Ничто не могло и, наверное, не сможет остановить их в этой борьбе...

...После репрессий 1937–1939 гг. «культ личности», персонифицированный И.В. Сталиным, достиг своего зенита. Положение «великого вождя всех времен и народов» отныне стало исключительным. На XV съезде ВКП (б) приветствия И.В. Стalinу заняли уже очень значительную часть времени работы съезда: кто-то при этом был искренен, кто-то попросту боялся за свою жизнь, – но овации и приветственные крики возникали в зале каждый раз, когда хоть в какой-либо связи произносилось имя И.В. Сталина. Портреты его в те годы были вывешены уже в самых возможных (и невозможных тоже) местах. Религиоподобное отношение к самому имени или его изображению обрело статус жестоко охраняемых правовых норм...

...Невзрачный, нелюдимый, одержимый непомерным тщеславием, недоучившийся семинарист Сосо Джугашвили, когда-то, в далекие 90-е годы предыдущего века, «поставивший» в своей личной жизненной карьере на революцию, в конце концов добился своего. К своему 60-летию он стал единоличным властителем Советской России, обладавшим такой полнотой власти,

которая никогда не снилась даже самым самовластным из российских императоров. Он стал более чем властителем, вместо того чтобы стать скромным священнослужителем Христа, каким его хотела видеть мать и каким пытался сделать его покровитель в далекие семинарские годы, он сам стал живым богом...

Волна репрессий, помимо своих негативных политических следствий, нанесла в итоге огромный ущерб творческому, интеллектуальному потенциалу общества. Самим их проведением, постоянной угрозой их в дальнейшем были деформированы организация производства, управления, науки, организация литературы и искусства. Оказались в который раз возрожденными антиинтеллигентские настроения. Огромный нравственный урон был нанесен распространившимся лицемерием, угодничеством. Пышным цветом развернулось доносительство, кляузничество, может быть, не самые худшие, но безусловно самые омерзительные из пороков...

Осуществив какой-то минимум социально-экономических преобразований социалистической направленности (чаще всего при этом еще и с грубой деформацией принципов социализма), «великие вожди» стремятся как-то стабилизировать, приостановить формационную эволюцию общества, ибо дальнейшее развитие по социалистическому пути будет освобождать общественные отношения от «культовых» проявлений. Рост и развитие организма (в том числе организма социального) неизбежно включает в себя и преодоление свойственных ему «детских болезней». А «культ личности» – в какой-то мере «детская болезнь» становящегося социализма.

Перед «культурой» системой возникает поэтому глубоко противоречивая (и, в конечном счете, неразрешимая) задача: обеспечивать развитие общества, законсервировав при этом его формационное состояние. Как правило, это достигается: а) све-

дением развития лишь к экстенсивному росту каких-либо показателей; к акцентированию развития государственности как таковой, а не общественных отношений; б) обнаружением в общественном организме каких-либо реальных или мнимых изменений, которые позволили бы в идеологической деятельности обозначить истинные или иллюзорные громоздящиеся друг на друга все новые и новые ступени развития.

С деятельностью самого И.В. Сталина связан такой период в жизни общества СССР, когда количественный рост без качественных формационных изменений еще был в каких-то пределах возможен. Со всей силой противоречие создания видимости развития при фактическом лишь экстенсивном изменении показателей проявилось уже в 70-е – начале 80-х годов.

Социально-экономические последствия массовых репрессий были ужасны для общества.

Из-за своих масштабов репрессии 1934–1940 гг. (затем продолженные опять-таки в массовых масштабах в 1945–1953 гг.) не только нанесли неизмеримый ущерб СССР как государству (о чем многие авторы конкретно и обстоятельно писали). Репрессии существенно подорвали прежде всего идеальные позиции социализма. Репрессии достаточно широким кругом людей просто отождествлялись с социализмом, с теорией марксизма, с идеями и людьми коммунистических партий. Сегодня нужны длительные и колоссальные усилия, чтобы преодолеть этот порожденный практикой «культта» негативизм, ставший стереотипом.

Огромный ущерб был нанесен и нравственным началам общества, ибо «культ» реально заинтересован лишь в послушании, добываемом любой ценой, а не в высокой спонтанной нравственности. Это соединение провозглашавшихся социалистических целей с реальной политикой стимулирования безнравственности в политической сфере общественных отношений подрывало основы основ собственно социалистической культуры.

При всем том массовые репрессии лишили широкие круги интеллигенции (да и не только ее) иллюзий (если они еще оставались после 1929–1934 гг.) относительно и самого И. В. Сталина, и установленного им режима¹⁹. Правда, еще долго у довольно широкого круга людей жил в душе «осколок» религиоподобного «культового сознания»: «Весь вред от исполнителей!.. Это все НКВД, а товарищ Сталин ничего не знает!» Расставаться с такого рода иллюзиями всегда трудно. Однако постепенно шло освобождение и от этой иллюзии²⁰. Массовые репрессии по своему эффекту в этом отношении можно сравнить с 9 января 1905 г., когда рухнули царистские иллюзии народа.

Факты и против самого И. В. Сталина, и против созданного им режима были наглядны и неопровергимы.

Можно сказать, что именно массовый характер репрессий подготовил восприятие «секретного» доклада Н. С. Хрущева на XX съезде не только как страшного удара, но и как долгожданной и назревавшей информации, снимающей наконец с души огромный и тяжкий камень. Не растерянность воцарилась после этого доклада (хотя была и она), а чувство, что все наконец стало на свои места в оценке истории. И хотя новый порядок вещей был непривычен, ощущался какой-то вакuum на том привычном месте, которое казалось священным и потому не могло быть ва-

¹⁹ «...Я считаю ежовское варварство крайностью сталинизма. Без него он выглядел бы менее жестоким и кровавым, но все равно бы оставался бы антигуманным и тираническим явлением XX века». Габай И. Я. (1935–1973). Последнее слово на суде, январь 1970 г. Цит. по статье: Федоров Заступник // Огонек. 1989. № 21. С. 14.

²⁰ Что касается иллюзии, что «Сталин не знает», то в литературе есть очень веское свидетельство такой иллюзии: В. Ф. Пикина, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ, депутат Верховного Совета СССР, пытаясь из лагеря на ст. Потьма (Мордовская АССР) уже и 1941 г. написать «великому другу молодежи» письмо-жалобу на НКВД (см.: Полякова Д., Хорунжий В. Александр Косарев «Совесть моя чиста»//Реабилитирован посмертно. Вып. 1. М., 1988. С. 386). В этом письме она доказывает не-виновность А. В. Косарева и свою, клеймит работников НКВД за фальсификацию обвинений. По счастью для Пикиной, письмо не дошло до адресата. Писали многие, и обычной судьбой многих авторов таких писем был расстрел.

Кстати, эта иллюзия дожила до наших дней. В недавно показанном телесериале по роману Стаднюка «Война» получается, что Сталин не виноват в гибели генерала Павлова и других; Берия, Мехлис виноваты.

кантным, хотя новое было отнюдь не безупречным и по существу, и по форме – вздох облегчения, вздох освобождения пронесся над страной в целом.

Массовые репрессии были тем безусловным аргументом против «культа», против сталинщины, который лишает козырей даже сегодняшних, наиболее упорных сталинистов. Именно негативная оценка этих репрессий явилась главной предпосылкой, сделала возможным революционный перелом в сознании масс, широкого круга коммунистов в 1956 г. В этом смысле – и только в этом – жертвы все же были не совсем напрасны. Однако цена прозрения была непомерно высокой.

«...Недолго музыка играла!..» – поется в песенке. Разгром Польши Германией наглядно показал силу нашего будущего противника в надвигающейся войне. В то же самое время война в Финляндии неопровержимо подтвердила стране и ее «вождю», нашим сторонникам за рубежом и нашим будущим противникам, что массовые репрессии самым серьезным образом подорвали военное могущество СССР, отбросили Красную Армию с передовых рубежей далеко назад.

В «Воспоминаниях» Н.С. Хрущева дано, на наш взгляд, достаточно убедительное объяснение состояния И.В. Сталина в это время: страх, панический страх...²¹ Страх перед будущим страны, страх перед возможностью в самом ближайшем будущем сполна ответить за свои «художества»... Но в это время обратной дороги уже не было: те, кто своими усилиями в рядах армии мог бы укрепить обороносспособность страны и ее военную мощь, почти все уже были уничтожены. Военные, освобожденные из лагерей в 1940–1941 гг. и сыгравшие потом видную роль в войне 1941–1945 гг., в подавляющем большинстве были в звании не выше комдива: тех, кто был выше по званию, почти сразу же расстреляли.

Огромными были потери и международного авторитета СССР. Массовые репрессии не только сильно возбудили актив-

²¹ См.: Хрущев Н.С. Воспоминания//«Огонек». 1989. № 30. С. 11–13.

ный, гласный и деятельный антисоветизм, но в еще большей степени способствовали распространению скрытого антисоветизма. От сотрудничества с коммунистическим движением отшатнулись широкие слои творческой интеллигенции²². Советский Союз на какое-то время перестал рассматриваться и как эффективный союзник в военной расстановке сил. Кроме того, была вообще поставлена под сомнение эффективность деловых дипломатических отношений с СССР²³.

Попытка оценить итоги массовых репрессий еще раз убеждает нас, что до сих пор бытующее мнение об И.В. Сталине как глубоком, сведущем и дальновидном политике не более чем «культовый» миф. Здесь уместно вспомнить о характеристике И.В. Сталина, которая еще в середине 20-х годов была дана старым большевиком П.А. Залуцким.

На XIV съезде И.Д. Кабаков зачитал донос на одного из руководителей Ленинградской партийной организации того времени, сторонника так называемой «новой оппозиции», П.А. Залуцкого. Этот донос был сделан в форме оглашения личного письма одного из ленинградских коммунистов Н.А. Угланову, где излагались взгляды П.А. Залуцкого на ситуацию в партии (записанные с его слов). В том числе в письме была дана весьма выразительная характеристика И.В. Сталина: «Сталин – это, конечно, большой человек, большой ум, хороший организатор, но его ум не аналитический, а схематический. Вопросы прошлого он разберет великолепно, так что всем ясно станет. Но перспективы ему не уловить»²⁴.

Трудно считать человека с такими качествами пригодным на роль верховного руководителя партии и государства. Однако XIV съезд в 1925 г. поддержал именно И.В. Сталина. Справед-

²² См.: Stalin и Коминтерн. Беседа с доктором исторических наук Ф. Фирсовым//Новое время. 1989. № 18; Разуваев В. «Московские процессы» – удар по левым силам во Франции // Новое время. 1989. № 20.

²³ См.: «Круглый стол»: Вторая мировая война – истоки и причины//Вопросы истории. 1989. №6.

²⁴ XIV съезд ВКП (б). Стенографический отчет. М.; Л., 1926. С. 359.

ливость же приведенной выше характеристики И.В. Сталина П.А. Залуцким трагически подтвердили впоследствии и итоги «большого скачка» 1929–1930 гг., и итоги «большого террора» 1934–1940 гг., и, наконец, события великой трагедии 1941–1942 гг. – начала Отечественной войны 1941–1945 гг.

Возникает вполне естественный вопрос, что же представляют собой по личностным (не только моральным!) качествам те персонажи истории, которые по трупам, сквозь любую грязь и низость рвутся в «Великие Диктаторы»?.. Ответ кажется нам очевидным.

Мы полагаем, что отдельным и весьма важным вопросом анализа «большого террора» является выявление характера политического сопротивления репрессивной политике внутри страны.

Если первое время отношение к массовым репрессиям было в основном позитивным, хотя зачастую и настороженным, если первое время официальным сообщениям о «врагах народа» значительное большинство все же доверяло, то после 1937 г. сомнения в истинности репрессий стали расти как снежный ком. Высказать свои сомнения вслух было очень трудно, практически невозможно: даже из-за элементарного страха за свою жизнь, поскольку в доносительстве недостатка не было. И все же сохранились свидетельства о неприятии репрессий как таковых, неверии в их оправданность. Чаще всего это неверие носило конкретно-адресный характер: «Не верю, что именно Иванов-Петров-Сидоров враг! Я его давно и хорошо знаю! Это – ошибка!» Однако по отношению к столь абсолютной форме власти, как «культовая», и это можно считать начальной, элементарной формой неприятия.

Попробуем назвать наиболее типичные формы неприятия политики репрессий, сопротивления ей. В воспоминаниях описаны далеко не единичные факты оказания помощи в попытках уклониться от ареста, различные формы помощи семье арестованного, осужденного, оказание помощи самому заключенному в каких-то

жизненно важных для него начинаниях, факты обеспечения каких-то благоприятных условий для самого заключенного со стороны отдельных работников НКВД и даже случаи создания лишь видимости сурового допроса и т.п. и т.п. Нельзя, конечно, сказать, что все такие формы поведения «против устава указаний» были продиктованы вполне солид неприятием репрессий. Очень часто они нравственным чувством, в ряде случаев – личной симпатией к предследуемому. Но во всех случаях это было действие против официальных указаний (а то и инструкций), против официальных идеологических установок. Короче говоря, это было неприятие репрессивной политики, в какой бы конкретной форме оно ни проявлялось.

Известны, конечно, факты прямого (и даже официального) осуждения репрессивной политики (в том числе и со стороны партийных работников, сотрудников НКВД, прокуратуры и т.д.). Однако такие формы осуждения репрессий кончались почти всегда одинаково, причем весьма быстро: собственной гибелью возмущившегося. Поэтому не надо сетовать, что их было так мало. Наоборот, надо удивляться тому, что даже при этих условиях их было так много...

(Здесь автор вынужден, извинившись перед читателем за некоторую временную смену жанра, перейти к личным воспоминаниям: это не менее достоверно, чем соответствующие страницы художественных произведений, а обобщенных документальных данных в литературе пока нет.)

Когда в 1938 г. погибли родители автора, несколько человек, с которыми в те годы автора сталкивала жизнь, прямо и вслух высказали ему, мальчишке, свое явное недоверие к репрессивной политике, отрицали ее правомерность. Это были зачастую солидные люди, с определенным положением в обществе. Особенно мне запомнилась негативная оценка политики репрессий со стороны высококвалифицированного мастера- часовщика О.И. Эйдлина, со стороны многоопытного адвоката, в прошлом работника правоохранительных органов, Л.Н. Шапиро, со стороны известного языковеда И. Х. Дворецкого и других.

Во время пребывания автора в Берсеневском детском доме его директор А.А. Святов, завуч С.В. Началов, директор школы А.К. Самускевич и некоторые учителя (математики, литературы, иностранного языка) явно и очевидно демонстрировали свое неприятие политики огульных репрессий. (Хочется особенно подчеркнуть: речь шла не о конкретно родителях автора – никто из этого круга людей их не знал и узнать не мог, никогда ничего не мог о них слышать, – речь фактически шла о репрессиях вообще, о репрессированных в принципе.)

И на фронте автор достаточно часто по поводу судьбы своих родителей встречал или прямое выражение сочувствия (а это, как понимает читатель, весьма далеко от формулы: «Так им и надо!»), или подчеркнутое политическое недоверие репрессиям. При вступлении в кандидаты и члены партии сами предложили свои рекомендации автору, зная судьбу родителей автора, заместитель командира полка по политической части майор Пилиенко, партторг полка капитан Трифонов, партторг батареи старшина Тимофей Немцев. Все это были люди тоже заметно старше автора, вступившие в партию задолго до войны (Четвертым из рекомендующих был такой же командир орудия, мой ровесник Толя Усков, по это уже другая категория знакомства и общности.) Еще по одной рекомендации – их должно было быть по три на каждой из двух степеней – каждый раз давал комсомол: автор был членом бюро полка. Хочется при этом заметить, что, хотя в партию автор оба раза был принят (в сентябре 1944 г. – в кандидаты, в феврале 1945 г. – в члены) на льготных основаниях, никаких чудес героизма за ним не числилось. Нормально воевал. Бывало, что и не очень удачно...

Зачем эти отступления в мемуарный жанр?

Потому что собственный жизненный опыт автора ясно и тоже достаточно очевидно свидетельствует – предвоенная репрессивная политика И.В. Сталина отнюдь не пользовалась всеобщей безоговорочной поддержкой. Ее неприятие, которое сейчас, мы думаем, надо рассматривать как форму сопротивления

сталинщине, было значительно шире распространено, чем это могли бы отразить любые архивы. И никакие драконовские угрозы жесточайших кар за «инакомыслие» не могли сдержать того самого гласа народа, который, как известно, глас Божий...

В ходе проведения массовых репрессий И.В. Сталиным была сформирована соответствующая «культу личности» система управления общественными процессами. Во всех своих элементах она представляла собой деформацию того, что в принципе должно было соответствовать условиям социализма. Завершающим этот процесс был поворот в идеологии, призванный выдать «культ личности» за самое существо социализма, за его естественный, неизбежный и наиболее высокий по историческому качеству результат, целиком оправдать (в том числе и на будущее) массовые репрессии.

Исторические источники свидетельствуют, что основные шаги по созданию идеологического обеспечения «культы» предприняты не только по прямым указаниям И.В. Сталина, но и при его непосредственном участии. По замыслу И.В. Сталина, в основу идеологической системы должны были быть положены два программных «труда»: учебник по истории партии (включающий в себя основные сведения по философии) и учебник по политической экономии. Основные установки и на содержание, и на организацию проводимой на их основе идеологической работы были изложены в постановлении ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)»²⁵.

²⁵ Обращаем внимание читателя, что из 9-го издания многотомного сборника документов «КПСС в резолюциях...» и это постановление изъято, хотя 7-й том, где оно должно быть помещено, был подписан в печать 18.04 1985 г., когда «формула умолчания» была уже осуждена в материалах июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Для ознакомления с очень важным для понимания характера идеологического обеспечения «культы» постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. приходится пользоваться 7-м изданием, вышедшим в свет в 1953 г.

В учебнике по истории партии (точное и полное название учебника: «История ВКП (б). Краткий курс». Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). Одобрен ЦК ВКП (б). 1938 год) было дано основополагающее изложение идеологии «культа». Партия фактически отождествлялась с В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Тем самым в корне извращалась ее сущность: она выступала в «Кратком курсе» не как партия рабочего класса, а как группа людей (разнообразного социального происхождения), решившая облагодетельствовать рабочий класс. Личная верность В.И. Ленину (в основном для обеспечения на этой основе личной преданности И.В. Сталину) выступала как главный критерий подлинной партийности. Роль И.В. Сталина была не только непомерно преувеличена, но в ряде случаев и прямо фальсифицирована.

Наличие в истории партии обусловленных историческими обстоятельствами политических течений отрицалось в принципе: внутри партии были либо проверенные соратники, наизусть и без каких-либо оговорок усвоившие указания Ленина – Сталина, либо замаскировавшиеся враги, которые в конце концов обнаруживали свою сущность и неуклонно уничтожались. В сложной политической жизни начала века, двух революций 1917 г. партия рассматривалась не как один из участников сложного и противоречивого единого политического процесса, а как изначальный и абсолютный антагонист всем и всяkim политическим группировкам, течениям, платформам, как единственный носитель истины. Политика партии на всех этапах ее истории рассматривалась только по формуле: «Партия никогда и ни в чем не ошибается». Целый ряд важнейших фактов истории партии грубо искасался, фальсифицировался. Партия трактовалась как некое обезличенное целое: над низведенной до роли «винтиков истории» массой рядовых членов партии па недосягаемой высоте располагалась маленькая группа руководителей, сильных только своей близостью к В.И. Ленину и И.В. Сталину, а уже над этой группой руководителей, на высоте, совершенно непостижимой для простого смертного, высились сами Ленин и Stalin...

Марксизм был возведен в ранг государственной религии, более догматичной, чем католичество глухого средневековья. В соответствии с пониманием мировоззрения как религии люди делились на праведников и еретиков. Последние подлежали неуклонному политическому и физическому уничтожению. Интерпретация религиоподобных догм была разрешена лишь одному лицу – И.В. Сталину. Для того чтобы получить право на интерпретацию марксизма-религии, и самому И.В. Сталину надо было предварительно занять место в формуле: «Маркс – Энгельс – Ленин – Stalin». Любой другой, в том числе и самый приближенный к И.В. Сталину политический персонаж, мог только распространять «истинное учение».

Марксизм официально именовался наукой, но практически все элементы, признаки его понимания как действительной науки были вытравлены каленым железом. В качестве высших научных авторитетов в обществознании, носивших официальный академический титул, теперь выступали те, кто лучше других мог пропагандировать «гениальные идеи великого вождя» и кто лучше других мог отыскивать подозреваемых в ереси и вести по ним «огонь на уничтожение».

В жизнь четко и последовательно проводился один из главных принципов «культового» идеологического механизма, восходящий по происхождению к методологии утопий: если факты не соответствуют нужной «культовым» интересам идеологической конструкции, тем хуже для фактов. Никакие методы фальсификации фактов не были плохи: все шло в ход.

В сети партийного просвещения, в вузах, где надо сдавать единный государственный экзамен по истории ВКП(б), знание «Краткого курса» требовалось практически дословное: отклонения от главных формулировок вовсе не допускались. Отношение к тексту «Краткою курса» как к священному писанию было закреплено, когда в официальной биографии И.В. Сталина было объявлено, что

книга эта написана целиком самим И.В. Сталиным²⁶. (Прямое авторство И.В. Сталину ранее приписывалось только § 2, гл. 4 «О диалектическом и историческом материализме».)

Работа над другим намеченным идеологическим устремом «культа» – над нормативным учебником политической экономии – была начата в ЦК ВКП (б) в 1936 г., параллельно с «Кратким курсом». В январе 1941 г. в ЦК был обсужден первый вариант макета этого учебника. Однако соорудить этот, второй идеологический устой «культа» оказалось много трудней.

Фактически теоретическими оправданиями «культа» были утверждения еще в 30-х годах С.Г. Струмилина, Н.А. Вознесенского, Л.М. Гатовского и других о том, что при социализме нет и быть не может никаких объективных экономических законов. Но тут срабатывала логика противоположного плана: если нет объективных экономических законов, то нет и самой науки политической экономии. Получался порочный замкнутый круг. Поскольку этот первоначальный «культовый» теоретический постулат к концу 30-х годов был решительно опрокинут самой практикой хозяйствования, нужно было в учебнике совместить несовместимое: идею объективности экономических законов (фактически отрицавшую нормативный субъективизм «культа») и оправдание волонтиаристской практики управления экономикой. Сделать это было невозможно.

Война прервала работу над учебником политэкономии. В 1943 г., как только более или менее стабилизировалось военное положение, к идеям учебника вернулись (была опубликована редакционная статья в журнале «Под знаменем марксизма». 1943. № 7–8). В 1951 г. – уже после войны – была проведена дискуссия по экономическим вопросам²⁷. Наконец, в 1952 г. вышла работа И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма

²⁶ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 163.

²⁷ Краткое изложение материалов этой дискуссии см.: Джибути М. К политико-экономической дискуссии 1951 года//Экономические науки. 1989. № 8. С. 103–113.

в СССР». После всего этого, но уже после смерти И.В. Сталина, хотя и целиком на основе его указаний и мнений, вышел в 1954 г. учебник «Политическая экономия»²⁸...

На рубеже конца 1939 г. – начала 1940 г. «культ личности» как система отношений, паразитирующая на становлении социализма, во всех своих основных чертах сложился. Но уже принятие плана третьей пятилетки на XVIII съезде ВКП (б) и определение экономической перспективы развития общества на 15 лет в чем-то главном вели в конечном счете к «размыванию» оснований «культа»: надо было переходить от преимущественно экстенсивного пути развития к преимущественно интенсивному, а это требовало коренной переориентации не только содержания хозяйственного механизма и политических отношений, но и общественного сознания. Кроме того, это требовало глубокой научной проработки основных социально-экономических проблем развития. Обойтись только традиционными вульгарно-апологетическими декларациями здесь уже было невозможно. «Культ личности» опять вступил в прямое противоречие с объективными тенденциями развития общества. Это противоречие в будущем неотвратимо должно было перерasti в острейший конфликт...

В процессе обсуждения перспектив развития страны на 15 лет, обсуждения материалов XVIII съезда ВКП (б) еще раз, хотя опять с новой стороны, проявила себя несостоятельность идеино-теоретических основ «культа личности». Прямые выступления против «культа», против сталинщины были, конечно, в это время невозможны. Но под флагом обсуждения тех или иных проблем не так уж редко получала развитие не псевдомарксистская «культовая» идеология, а находившийся в русле продвиже-

²⁸ Данные о ходе и процедуре разработки учебника политической экономии почерпнуты нами из статьи: Ким В.М. Проблемы товарно-денежных отношений при социализме в советской экономической литературе 40–80 гг.//Известия АН СССР. Серия экономическая. 1987. № 3.

ния к подлинному марксизму научный анализ возникших перед страной проблем.

Дать сейчас сколько-нибудь полный обзор устремленных к подлинному марксизму публикаций того времени пока попросту невозможно; наша обществоведческая наука не считала нужным изучать это свое истинно научное прошлое. Однако волею судеб с некоторыми научными материалами конца 30 – начала 40-х годов автору довелось ознакомиться. О них как своего рода «ударных точках» антикультурных тенденций в обществоведческой науке необходимо хотя бы кратко написать²⁹.

Прежде всего надо отметить выдающуюся по своему научному уровню статью Н. Власова «К вопросу о движущем противоречии социалистического общества с, опубликованную в 1940 г.³⁰ в ходе обсуждения тезиса И.В. Сталина о полном соответствии производственных отношений производительным силам в эпоху социализма.

Статья ставила вопрос о том, что социалистическое общество не может рассматриваться как исключение в историческом процессе. Поэтому основой развития социалистического общества, как и всех в истории форм общественных отношений, являются противоречия социализма. «Полное соответствие» обретает смысл только в том случае, если его рассматривать как историческую форму противоречия производительных сил и производственных отношений в условиях социализма.

²⁹ Еще в бытность автора студентом экономического факультета МГУ им. Ломоносова (1945–1949 гг.) вопреки всем официозным запретам, найдя для этого удобную форму, нас с соответствующей литературой 1939–1941 гг. знакомили в ходе спецсеминаров лучшие из наших преподавателей: А.А. Палищев, М.Ф. Макарова, А.И. Пашков и другие. Ссылаясь на эти прочитанные нами работы в текстах наших курсовых и дипломных работ нельзя было ни в коем случае, комментарий к этим работам на спецсеминарах также практически отсутствовал (хвалить было опасно для жизни, а ругать было не за что – речь шла, по мнению наших преподавателей, о глубоких и действительно научных исследованиях).

В плане исследования эпохи «культы личности» автор считает нужным выделить эти действия своих преподавателей как не- явную, но достаточно очевидную форму сопротивления тлетворному духу «культового» псевдомарксизма.

³⁰ Под знаменем марксизма. 1940. № 3–4. С. 107–119.

Статья Н. Власова (мы до сих пор не знаем ни его полного имени, ни второго инициала, ни его биографии) фактически наносила удар по одному из центральных пунктов апологетической псевдомарксистской интерпретации социализма, то есть по одному из главных устоев идеологии «культа». Не случайно в этом же номере журнала были опубликованы яростные возражения против постановки Н. Власовым проблемы противоречий при социализме.

Статья Н. Власова оставалась под негласным запретом до середины 50-х годов³¹, хотя в обществоведческой литературе эта тема зазвучала с начала 50-х годов. Из-за различного рода «идеологических игр» элементарное признание необходимости учитывать противоречия социализма в теории и практике произвучало лишь на Пленуме ЦК КПСС в июне 1983 г., а в официальных документах КПСС этот постулат получил отражение только в 1987 г., в новой редакции Программы КПСС. На наш взгляд, современная трактовка сущности социализма пока по своей теоретической концепции не поднялась выше уровня статьи Н. Власова, хотя прошло полвека после публикации ее.

Другая линия фактического наступления на официозную «культивую» идеологию – постановка вопроса о невозможности в дальнейшем преимущественно экстенсивного развития советской экономики. Акцент лишь на увеличение среднедушевого производства продукции, сделанный XVIII съездом ВКП (б), фактически означал ориентацию лишь на экстенсивный рост экономики, то есть такую форму развития, которая (как мы это отметили выше) оптимальна только для стабилизации, сохранения «культивых» отношений.

В научной литературе 1939–1941 гг. фактически в противовес этой официозной трактовке путей развития советской эко-

³¹ Вопреки нагнетаемым сейчас многими публицистами страсти, в спецхранах и эти работы, и стенограммы съездов партии не находились. Они были доступны специалисту, хотя не фигурировали в рекомендательных перечнях литературы.

номики получила распространение точка зрения о необходимости интенсивной формы развития. Наиболее отчетливой чертой отражения этой позиции было перенесение акцента с увеличения среднедушевого производства на повышение производительности труда.

Именно в этом ключе были осуществлены, в частности, две публикации доктора экономических наук М.И. Кубанина, посвященные вопросам соотношения производительности труда в сельском хозяйстве СССР и в сельском хозяйстве развитых капиталистических стран. Второй (и последней) из этих публикаций была статья: «Уровень производительности труда в сельском хозяйстве СССР и США»³².

В статье был дан детальный сопоставительный анализ уровня и факторов производительности труда, объяснены причины вполне естественного для тех лет отставания сельского хозяйства СССР по уровню производительности труда, названы возможные пути преодоления этого отставания. Статья как статья: научная постановка вопроса о необходимости интенсификации развития сельского хозяйства.

В высших сферах, однако, было сочтено, что статья М.И. Кубанина радикально расходится с гениальными идеями И.В. Сталина: в докладе на XVIII съезде партии речь шла о производстве на душу населения, а М.И. Кубанин ведет речь о производительности труда.

В журнале «Большевик» – органе ЦК ВКП (б) – с завидной оперативностью появляется рецензия (на целых 11 страницах)³³: «О клеветнической вылазке М. Кубанина». Основные аргументы этой рецензии – брань в адрес М.И. Кубанина: «фальсификация», «мошенничество», «жульнические махинации», «двурушничество»... Рецензия без подписи – редакционная. Но сам журнал, как всегда, подписан: в состав его редколлегии входили:

³² Проблемы экономики. 1941. № 1. С. 53–79.

³³ Большевик. 1941. № 6.

Г.Ф. Александров, П. А. Вознесенский, Л.Ф. Ильичев, М.Б. Митин, П.П. Поспелов, А.С. Щербаков, П.Ф. Юдин.

За свою, по сегодняшним меркам в общем-то нормальной, обычную статью М.И. Кубанин, член партии с 1918 г., поплатился жизнью: был превращен в «лагерную пыль». 13 октября 1941 г. он не то был расстрелян (это время, когда было расстреляно много тех, кто раньше был приговорен к различным срокам заключения), не то умер от голода. По так называемому «делу Кубанина» долгие годы провела в заключении и группа работников, готовивших ему статистические данные.

Переход на интенсивный путь развития невозможен без коренного изменения всей социальной системы – в этом ключ к пониманию столь резкой негативной реакции на публикации М.И. Кубанина.

Мы полагаем, что в этом же направлении исследований двигались и авторы ряда публикаций по вопросам перехода к качественно более высокой форме хозрасчета, по вопросам ускорения научно-технического прогресса и т.п.

Если попытаться обобщить данные того времени о научных обсуждениях, то мы придем к выводу о второй крупной волне антикультовых по своему существу настроений.

Первая волна, которую мы связывали с именами С.И. Сырцова, М. П. Рютина, А. П. Смирнова и других, представляла собой прямую (политическую) критику сталинского «большого скачка», установления режима абсолютной личной власти в стране и партии, бюрократизации и т.п.

Вторая волна сложилась иным образом. Прямая критика сталинизма и сталинщины после репрессий 1934–1940 гг. была невозможна. Но объективные изменения в экономике не могли не вызвать – на уровне легальной политической и научной литературы – проявления расходящихся с официозом научных (а неявно, фактически, и соответствующих политических) оценок происходящего.

Под знаком столкновения этих по существу своему антагонистически противоположных тенденций заканчивалась эпоха мирного развития нашей страны. Это столкновение двух противоположных тенденций в 1939–1941 гг. не заняло и трех лет, однако оно оказалось, как мы полагаем, очень большое (хотя во многом скрытое, не осознавшееся в свое время и не исследуемое должным образом и сейчас) влияние на послевоенное развитие. Особенно значительным было это влияние в сфере общественно-ведческой науки, в сфере идеологии.

...Огромная и страшная война, постучавшаяся в наши двери уже в сентябре 1939 г. и полной мерой подчинившая себе всю жизнь и все силы нашей страны после 22 июня 1941 г., была уже на пороге... В ходе этой войны сложившаяся социальная система подверглась тяжелейшему испытанию в экстремальных условиях. Все здоровое, собственно колLECTИВИСТСКОЕ, социалистическое в этой системе не просто выдержало это испытание, но и явилось основанием победы над гитлеровским фашизмом. Все «культовое» обнаружило полную политическую несостоятельность. Именно «культ» поставил нашу страну в 1941–1942 гг. на грань поражения, именно «культовые» стороны управлениявойной во много раз увеличили наши потери.

Историческая победа 1945 г. была победой колLECTИВИЗМА и сокрушительным поражением «культов личности»...

Приложение I

Справка о характере и содержании приветствий при предоставлении слова И.В. Сталину на съездах РКП(б) – ВКП(б)

XII съезд РКП (б) 17–25 апреля 1923 г.

Отчет об организационной деятельности ЦК. 7 апреля, вечернее заседание.

(При появлении И.В. Сталина на трибуне приветствий в стенограмме не зафиксировано.)

Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. (Аплодисменты.)

XIII съезд РКП(б). 23–31 мая 1924 г.

Организационный отчет ЦК. 24 мая, вечернее заседание.

(Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

XIV съезд ВКП(б). 18–31 декабря 1925 г.

Политический отчет ЦК. 18 декабря, дневное заседание.

(Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают.)

XV съезд ВКП(б). 2–19 декабря 1927 г.

Политический отчет ЦК. 3 декабря, утреннее заседание. (Бурные, продолжительные аплодисменты; овация всего зала, крики «ура».) Следует отметить, что на этом съезде И.В. Сталина приветствуют еще примерно так же, как и других видных руководителей: Н.И. Бухарина, Р. К- Орджоникидзе, А.И. Рыкова, В.М. Молотова, М. И. Калинина. Для делегатов съезда И.В. Сталин еще кажется «первым среди равных».

XVI съезд ВКП(б). 26 июня – 13 июля 1930 г.

Политический отчет ЦК. 27 июня, утреннее заседание. (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в длительную овацию; крики «ура», Съезд, стоя, приветствует товарища Сталина.)

XVII съезд ВКП(б). 26 января – 10 февраля 1934 г.

Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б).

(Весь зал встает. Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в длительную овацию. Возгласы: «Ура!», «Да здравствует наш Сталин!»)

XVIII съезд ВКП(б). 10–21 марта 1939 г.

Отчетный доклад о работе ЦК ВКП(б). 10 марта 1939 г., вечернее заседание.

(Бурной овацией, стоя, съезд встречает товарища Сталина. На всех языках народов великого Советского Союза раздаются возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин!», «Ура!», «Вождю, учителю и другу товарищу Сталину – ура!», «Да здравствует наш родной, любимый Stalin!» Долго длится овация – выражение беспредельной любви всей партии к своему вождю. Звонок председателя тонет в буре аплодисментов, приветствий съезда.) В ходе съезда каждое упоминание имени И.В. Сталина вызывает аплодисменты и приветствия.

Примечание: даты докладов, их названия и описания приветствий представляют собой точную копию приведенных в текстах соответствующих стенограмм. Так же как в текстах стенограмм, в нашей справке характеристика приветствий приведена в скобках. Полные биографические справки (с указанием страниц) приводить нет необходимости: все стенограммы имеются в соответствующих библиотеках в открытом хранении.

Очерт 7

КАКОЙ СОЦИАЛИЗМ МЫ СТРОИЛИ: ПО МАРКСУ? ПО ЛЕНИНУ? ПО СТАЛИНУ?

...До тех пор, пока социалистические требования продумываются и конкретно представляются, они действительны лишь в конкретных границах. Лишь там, где конкретность выпадает из поля зрения и допускается, что фантастический мир, где все люди будут счастливы, возможен, что требования становятся абстрактными и абсолютными. Социализм превращается из идеи в идеологию.

К. Ясперс

В последнее время в нашей литературе все более настойчиво утверждается мысль, что К. Марксом и Ф. Энгельсом была создана некая ошибочная модель нетоварного социализма. Именно эту модель и реализовал потом И.В. Сталин, отвергнувший товарную, нэповскую модель, предложенную в 1921–1923 гг. В.И. Лениным. Мы полагаем, что подобного рода суждения основаны на недостаточно полном и недостаточно глубоком освоении классического наследия и на избыточно прямолинейном представлении о связях с ним «культа личности».

Предположение о том, что К. Марксом и Ф. Энгельсом была создана своя особая полная и системная модель строительства социализма, может быть основано только на непонимании теоретической природы марксизма и ошибочной оценке исследовательских задач, которые ставили (и могли ставить) перед собой К. Маркс и Ф. Энгельс¹.

¹ См.: Файнбург З., Козлова Г. Становление новой парадигмы политической экономии социализма//Экономические науки. 1987. № 3; Файнбург З., Козлова Г. Концепция против цитаты (о современном прочтении классического наследия) // Экономические науки. 1989. № 1.

О сути марксизма с предельной ясностью высказывался сам Ф. Энгельс: «...все миропонимание... Маркса – это не доктрина, а метод. Оно дает не готовые догмы, а отправные пункты для дальнейшего исследования и метод для этого исследования»². Социалистические представления К. Маркса производны от его метода.

В «Анти-Дюоринге» Ф. Энгельс определил характер социалистических взглядов своих и К. Маркса как социалистическую критику капитализма³. Речь идет о сугубо научном методе: анализе (критике) настоящего с точки зрения более развитого (исторически) состояния объекта (общества), с точки зрения его будущего. К. Маркс очень жестко и точно ответил одному из авторов, еще в те годы XIX в. находивших у К. Маркса своего рода «модель» социалистического общества: «...я никогда не возводил «социалистической системы»...»⁴.

Поскольку перед К. Марксом и Ф. Энгельсом не стояла задача теоретически обосновать актуальное действие – непосредственный переход к социализму в какой-либо стране, – их суждения о социализме носят лишь самый общий, самый абстрактный характер: в самом общем виде определены предпосылки формационного перехода и определено отличие новой формации от старой. Степень абстрактности здесь предельная: не выделены, не охарактеризованы даже противоречия новой формации, не найдено ее основное противоречие (без чего, как считал К. Маркс, вообще не может быть на научном уровне дана характеристика какого-либо типа общественных отношений).

Вместе с тем мы полагаем, что именно в области методологии формационного анализа К. Маркс оставил нам ключ для создания полноценной теории социализма, который не был использован в сколько-нибудь достаточной мере в 20-е годы и не используется до сих пор. У самого К. Маркса методология форма-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 39. С. 352.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 154.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 19. С. 372.

ционного анализа реализована на материалах перехода от феодализма к капитализму, на материалах становления и развития капитализма. Но если видеть в марксизме именно метод, то в принципе этот метод формационного анализа должен быть применен и для построения актуальной теории социализма. В 1917 году же имело место лишь весьма неполное применение формационной методологии К. Маркса к выработке конкретной, прикладной программы осуществления перехода к социализму в России.

Для этого были свои основания.

Дело не только в том, что В.И. Ленину, другим теоретикам социализма была известна лишь малая толика тех высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о социализме, которыми может воспользоваться современный исследователь. Методология формационного анализа наиболее полно изложена К. Марксом в «Капитале», однако она использована была лишь частично.

Наиболее существенным фактором, оказавшим влияние на характер программы строительства социализма, был уровень развития марксизма, объективно обусловленный состоянием России начала XX в. Мы дали этой форме марксизма условное название «предмарксизма», то есть марксизма, прямо, здраво, весомо отягощенного неизжитыми идеями его предшественников (см. очерк 3). В социальной теории это прежде всего идеи утопического социализма, а в методологии социального знания – элемент метафизики, догматизма, эклектики.

Одна из главных составляющих формационной теории К. Маркса – концепция последовательной смены трех фаз развития формации. Первая фаза – когда новая формация развивается еще на материально-технической базе (МТБ), унаследованной от прежней формации. В связи с этим отношения нового типа еще испытывают прямое «генетическое давление» прошлого, переплетены с какими-то отношениями, унаследованными от прошлого. Вторая фаза – когда новая формация создает соответствующую себе МТБ. Соответственно новые отношения развертываются в своей зрелой форме. Третья – когда дальнейшее посту-

пательное развитие в рамках старой формации может осуществляться только за счет создания новых производительных сил и производственных отношений, по своему качеству выходящих за границы старой формации. При этом в границах старого формационного качества идет нарастающее возникновение общественных отношений нового типа: «умирание» старой формации (ничего общего не имеющее с застоем, стагнацией и т.п.).

Сам К. Маркс рассмотрел на материалах развития капитализма соотношение первой и второй фаз формации. Оно отражено в концепции сначала формального подчинения труда капиталу (при капитализме простой кооперации и мануфактуры, основанных на ручной технике, однотипной с феодальным производством), а потом закономерной сменой его реальным подчинением труда капиталу, возникающим по мере завершения промышленного переворота и перехода к машинной технике. Третью фазу развития капитализма сам К. Маркс, вполне естественно, рассмотреть не мог (некоторые характеристики начальных этапов этой третьей фазы развития капитализма можно найти в последних работах Ф. Энгельса). Анализ империализма, выполненный В. И. Лениным, Р. Гильфердингом, К. Каутским и другими, и есть начало исследования этой третьей фазы развития капитализма⁵. Сам К. Маркс развил методологию исследования этой третьей фазы развития формации на материалах умирающего феодализма, причем скрупулезно проанализировал взаимодействие, взаимосвязь третьей фазы феодальной формации и первой фазы капитализма.

⁵ В.И. Ленин в работах по теории империализма подчеркивает, что экономические структуры империализма неотвратимо выходят за рамки собственно капиталистического: за рамки свободной конкуренции, нерегулируемых товарных отношений и т.п. Элементы государственного регулирования, планомерности всё глубже проникают в экономику, уровень обобществления то в одной, то в другой стороне экономических отношений перерастает рамки классического капитализма. Это и есть характеристика третьей фазы формации – умирающего капитализма.

Умирание формации выражается отнюдь не в сбоях в экономике и не в стагнации. «Умирание» – это неотвратимое социально-экономическое изменение, переход от старого исторического качества к принципиально новому как единственное условие развития, поступательного движения, динамического равновесия общества как системы.

Мы полагаем, что концепция трехфазного развития формации у К. Маркса имеет принципиально важное значение для анализа ступеней и характера развития социализма.

В России сложилась достаточно типичная для целого ряда стран и вместе с тем достаточно парадоксальная ситуация. В некоторых отраслях экономики промышленный переворот в основных чертах завершился и налицо были хотя и минимальные, но все же достаточные предпосылки для реализации в перспективе социалистической тенденции истории. Зато в ряде отраслей (и в том числе в сельском хозяйстве) еще не были реализованы все возможности развития, соответствующие даже его феодальной организации, не говоря уж о капиталистической.

В этих условиях ставить задачу осуществления в России непосредственно перехода от капитализма к социализму было, по К. Марксу, заведомо преждевременно. Необходимо было предварительно обеспечить своего рода минимум развития товарно-капиталистических отношений (опосредованного обобществления), являющихся необходимой предпосылкой последующего формирования элементов непосредственного обобществления. Новая формация может эффективно развиваться только тогда, когда пусть не все, но хотя бы основные возможности старой формации исчерпаны.

В России, прежде чем решать задачи собственно переходного периода от капитализма к социализму, необходим был своего рода «предпереходный» период, содержанием которого явилось бы подтягивание предпосылок социализма, то есть развитие и МТБ общества, и какого-то уровня буржуазных отношений, как раз и являющихся предпосылками социализма. Нужно было сначала обеспечить какой-то минимум развития капиталистических отношений, чтобы можно было в качестве перспективы поставить проблему перехода к социализму.

Поставим риторический вопрос: из трехфазной формационной концепции К. Маркса могло бы вытекать предположение, что первой фазой новой, следующей (за капитализмом) форма-

ции будет «чистый», без каких-либо элементов предшествующей формации, социализм? Ответ однозначен: безусловно нет. На такие алогизмы К. Маркс не был способен. Наоборот, по методологической схеме К. Маркса первая фаза новой (любой новой) формации неизбежно представляет собой многоукладную экономику, в которой, что тоже естественно, есть доминирующий уклад. Объяснять квалифицированному читателю разницу между понятием «доминирование» и понятием «абсолютно чистый» (строй), наверное, не нужно. На примере первой фазы капитализма (формального подчинения труда капиталу) К. Маркс подробно и всесторонне исследовал и многоукладность экономики на этой фазе, и переплетение нового и старого в сфере политики, в культуре, в сознании. И только реальное подчинение труда капиталу (то есть вступление во вторую фазу капитализма) означало, что господство капиталистических отношений становится безусловным. Остаточные формы старых укладов и тут могут еще сохраняться (то есть стерильно «чистого» капитализма нет и здесь), но это именно остаточные формы, не играющие заметной и весомой роли в экономике, в общественных отношениях. Старое здесь уже не конкурирует с новым, не сосуществует с ним почти на равных, а укрывается в его порах.

Выше (см. очерк 3) мы рассмотрели различные формы утопизма, оказавшие самое серьезное влияние на процесс строительства социализма, отправлявшийся от политической революции (в данном случае от Октябрьской революции 1917 г. в России).

Переход от старой формации к новой осуществляется как взаимодействие революции и эволюции. И одностороннее упование лишь на политическую революцию оказалось, как показала история, частью утопического осознания формационного перехода.

Начать нам надобно, очевидно, с анализа революций прошлого: каково было их формационное содержание и каковы были их конкретно-исторические ход и результаты?

Было ли возможно установление прямой власти буржуазии и буржуазных общественных отношений во Франции в результате революции 1789–1794 гг.? Абстрактно рассуждая, да! Конкретно – нет.

Буржуазия к тому времени еще не осознавала себя как класс, на котором держится производство. Торговля, спекуляции – вот видимое лицо буржуазии. Политическое самосознание буржуазии было на столь же невысоком уровне: она враждовала с дворянством, но ему завидовала и, сколько могла, подражала. Не очень ясно виделся буржуазии как круг ее врагов, так и круг ее необходимых союзников. Свой интерес понимался буржуазией очень конкретно и одновременно очень узко: его общесторическая перспектива была ей самой (в лице и ее теоретиков, и ее практиков) вовсе неясна. Соответственно недостаточно оформленной, недостаточно гибкой и универсальной была и структура ее политической организации.

Может быть, именно в этой неразвитости и незрелости нового и была заложена причина именно такой формы продвижения к новому, как политическая революция? Ведь если новое уже экономически вызревло (эволюционным путем) внутри старого и под его прикрытием, то и политическое развитие, как правило, не требует радикальных политических революций (кроме сравнительно редких случаев, когда общество нуждается в смене авторитарного политического режима на какой-либо из вариантов демократии).

Мы усматриваем определенную историческую аналогию с общественно-политической ситуацией 1789–1794 гг. и положением в обществе после Октябрьской революции 1917 г. в России. Однако ситуация в 1917–1920 гг. была связана с формационным переходом более высокого исторического порядка, а потому она была более сложной.

Новое качество формационного перехода (одновременно делающее его и на порядок более сложным) состоит в том, что переход от капитализма к социализму в основе своей планоме-

рен, тогда как переход от феодализма к капитализму в основе своей стихиен.

И переход от феодализма к капитализму, конечно, получает соответственное (всегда превращенное) отражение в сознании, в субъективной деятельности главных действующих лиц, но это превращенное осознание исторически достаточно: строгий научный проект перехода от старого к новому здесь, в границах индивидуалистического общества, был бы избыточным, а потому и ненужным.

В отличие от него переход к социализму, то есть становление и развитие общественных отношений преимущественно в коллективистской форме, требует научного проекта, научно обоснованной планомерности, научного обоснования и цели и средств, чтобы результат соответствовал цели. Развитие сложной, высокопроизводительной (одновременно и экологически опасной) техники, усложнение хозяйственных связей, основанных на разделении труда, все возрастающая роль науки как производительной силы, науки как основы эффективного управления, научной и общекультурной подготовки работников как все более важного элемента производственной квалификации требуют в совокупности целенаправленной координации общественного процесса в целом, то есть планомерности, то есть общественного развития по научно обоснованному проекту.

В начале XX в. эта тенденция была уже признана одной из существенных для капитализма того времени – монополистического капитализма. Однако в практическом, реальном функционировании общества к тому времени эта тенденция еще очень и очень мало себя проявила.

Поэтому и после революции 1917 г. эта тенденция сначала была понята и реализовывалась в самом общем, избыточно абстрактном виде. А практический смысл она могла приобрести (то есть реализоваться как условие движения общества к преобладанию коллективистских начал его организации – к социализму) только в том случае, если бы были последовательно осуществ-

лены все ступени опосредованного движения от абстрактной идеи к прикладным технологиям.

Вот здесь и «срабатывает» историческая аналогия (отражающая, как мы полагаем, определенную историческую закономерность) революции 1917 г. с революцией 1789–1794 гг.: и в том и в другом случае общество не готово к непосредственной реализации тех конечных целей, которые были выдвинуты в качестве целей революции. Предпосылки нового уже есть, есть и некоторые его элементы, но новое качество как формационная ступень может сложиться только как результат длительного эволюционного развития, для которого политическая революция формирует лишь исходные условия.

Стихийному движению французского общества к зрелому капитализму как таковому понадобилось более 80 лет (с 1789 г. по 1870 г.).

Не менее стихийному движению России с 1917 г. по 1985 г. понадобилось около 70 лет, чтобы планомерность из декларированной и ненаучной (когда она была фактически худшей формой стихийности) начала становиться собственно планомерностью, наметился возможный выход общества СССР из формационного тупика и обозначилась реальная (хотя и очень трудная) возможность выхода его как целого на первый формационный уровень – уровень действительного социализма.

Революция 1917 г. под эгидой социалистических конечных целей была для своего времени оправданна и закономерна. У нее был большой позитивный потенциал, который по объективным причинам прежде всего (но и по субъективным причинам тоже) был реализован в относительно малой степени и непомерно дорогой ценой. В целом эта революция очень во многом способствовала (и своими позитивными, и своими негативными следствиями) формационному прогрессу как своей собственной страны, так и человечества в целом.

Конечно, в ретроспективной оценке 1990 г. эта революция в рамках последовательно научного марксизма видится уже в не-

сколько ином свете, чем ее видели большевики 1917 г. Но ведь и революция 1789–1794 гг. видится современному исследователю в ином свете, чем казалось Якобинскому клубу, выдвинувшему в те далекие годы не устаревший и до сих пор лозунг-мечту о «Свободе, Равенстве и Братстве»... Историю бессмысленно судить: ее надо анализировать.

Если под социализмом иметь в виду полное устранение наемного труда и отчуждения средств производства от работника, то в полной мере такое устранение было невозможно тогда и невозможно до сих пор в принципе. Машинное производство не устраивает ни отчуждения (существование которого обусловлено разделением труда), ни наемного труда, хотя бы это был бы уже найм себя как индивида собой же как частицей коллективного собственника⁶. Разделение собственности на владение, распоряжение и использование в современном машинном производстве снять невозможно.

К моменту самой революции достаточно конкретной (на уровне социальных технологий) программы формирования экономики социалистического типа у большевиков не было, да и быть не могло – Россия нуждалась в революции буржуазно-демократической (крестьянской), но не в непосредственном движении к социализму.

Весной 1918 г. попытки формирования такой программы, где элементы реального подхода были густо замешаны на утопических основаниях, делались, но эти попытки были сорваны гражданской войной.

К 1921 г. гибельность утопической программы стала очевидной. Начинаются поиски реальных возможностей. Они были выражены новой экономической политикой. Эта политика ори-

⁶ Рассматривая акционерную форму как определенный этап и отрицания старого способа производства, и становления нового, этап и форму отрицания частной собственности, подчеркивая ее внутреннюю противоречивость («как богатства общественного и как богатства частного»), К. Маркс пишет, что это отрицание «вначале только в такой форме, что рабочие как ассоциация являются капиталистом по отношению к самим себе, т. е. применяют средства производства для эксплуатации своего собственного труда» (Маркс К-, Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. I. С. 483).

ентировала страну на государственный капитализм в промышленности, развитие товарных отношений в сельском хозяйстве и его кооперирование (становившееся возможным по мере нарастания товарных связей). В то время эта ориентация экономики твердо характеризовалась как «переходный период» в движении к социализму. Социализм имелся в виду как экономический строй с одним укладом (государственной и кооперативной собственностью). Фактически же такое понимание социализма было в самой основе своей утопическим.

К. Маркс в своих экономических работах показал, что первая фаза новой формации многоукладна: старое в ней органически переплетено, взаимодействует с новым. Из марксовой методологии никак не вытекало, что социализм – первая фаза коллективистской формации, – может представлять какое-либо исключение. Однако этот вывод из марксовой формационной концепции остался незамеченным и в годы революции, когда он мог коренным образом повлиять на программу строительства социализма.

В те же далекие годы утопическое представление о социализме как экономике с одним только укладом было настолько сильным, что вместо критического рактики в середине и конце 20-х годов начались поиски обоснования именно утопического понимания социализма. В качестве такого обоснования И.В. Сталин (уже в 1925–1926 гг.) трактует социалистическую политическую революцию и переход к социализму как особый случай, исключение из законов формационного перехода⁷.

Следствием всего этого явилась деформация представления о самой цели реального развития: провозгласив «движение к социализму», общество наше фактически двигалось к некоему утопическому образу, не лишенному, правда, в ряде аспектов истинных свойств социализма, но в целом и в главном – в самом понимании в формационном ключе характера экономических отношений – далеком и от истинных свойств, и от возможностей социализма, как он понимается строгой наукой.

⁷ См.: Stalin I.V. Вопросы ленинизма. Изд. 11-е. М., 1947. С. 111–113.

В 1921–1923 гг. В.И. Лениным был найден реалистический вариант развития экономики. Впереди была не менее сложная и трудная проблема переоценки того, что должно было понимать под социализмом. Надо было бы прийти к пониманию известной (и весьма значительной) близости экономических отношений так называемого переходного периода и собственно первой формы социализма. В принципе (и это тоже было уже в самых последних работах нащупано В.И. Лениным) главным было развитие кооперативного характера экономических отношений в сельском хозяйстве (и некоторых других сферах производства). Индустриализация подводила производственно-техническую базу под возникновение и упрочение (вплоть до практической необратимости) кооперации в сельском хозяйстве, мелком и среднем производстве, сфере услуг, торговле.

В 1925–1926 гг. И.В. Сталиным был обоснован (точнее, просто провозглашен) принципиально другой, фактически противоположный подход к проблеме и переходного периода, и самого социализма. Это была дорога в тупик.

Если бы Россия двигалась к социализму «по-ленински», то есть развивая и совершенствуя начала нэпа 1921–1923 гг., то примерно к 1940 г. можно было бы ожидать:

- достаточно развитой индустрии с количественными показателями, близкими к тем, что в действительности имели место, однако «цена» (материальная и человеческая) этого уровня была бы совсем иной, а способность индустрии к новому развитию – что не менее важно, чем уровень, несравненно выше;

- сравнительно высокого развитого сельского хозяйства (с валовым продуктом минимум в 2–2,5 раза более высоким, чем в 1928 г.), в значительной мере машинизированного, интенсифицированного, основанного прежде всего на кооперативных началах;

- относительно высокой включенности экономики СССР в международное разделение труда, основанной на конвертируемости валюты и централизованном регулировании основных внешнеторговых связей.

Был бы это социализм с точки зрения экономических критериев? В основном, наверное, уже «да», хотя во многом, может быть, еще и «нет».

Налицо была бы планово-рыночная экономика со всеми ее социальными издержками. Вместе с тем налицо был бы такой уровень экономической развитости, который позволял бы в принципе компенсировать слабые в социальном отношении стороны экономической системы за счет перераспределения прибавочного продукта. Налицо была бы экономическая основа для обеспечения социальных гарантий. Даже если бы мы оценили этот уровень как самую первую форму собственно социализма – «государственный социализм», то при теоретической оценке можно было бы вести речь о еще неполной, недостаточной развитости социалистических отношений, но не об их грубой «деформации», как только и можно было оценивать реально сложившееся к 1940 г. положение. И даже если бы оценивать историческое состояние экономики СССР в 1940 г. все еще как «государственный капитализм», то речь уже шла бы о «социализированном (причем на достаточно высоком уровне) капитализме».

По показателям экстенсивной развитости (особенно по объемным показателям на душу населения и т.п.) СССР вряд ли занимал бы к 1940 г. передовые позиции: сказывались бы масштабы страны. Вряд ли к этому времени мы превзошли бы развитые страны Европы и США по показателям интенсивности производства. Но по уровню формационной зрелости наша страна была бы на ступень выше всех этих стран. И в этом был бы залог последующего эффективного развития, эффективного в нашу пользу – пользу социализма, соревнования старой и новой формаций.

Если предположить, что и при этих условиях общая история шла бы примерно такими же путями (хотя и тут возможны свои гипотетические оценки иных ее возможностей), то выигрыш в войне был бы достигнут много меньшей ценой, с меньшими материальными и особенно человеческими потерями, а восстановление после войны прошло бы тоже эффективнее и без того пол-

нейшего истощения сельского хозяйства, сельского населения, какое было в стране к 1953 г.

В последовательном развитии СССР, без всякого сомнения, вышел бы в число преуспевающих стран, успешно решающих и проблемы НТП, и проблемы качества жизни. И уж конечно, не могло бы в принципе сложиться того нелепого положения, когда сейчас по степени развитости многих собственно социалистических элементов общественных отношений ряд стран развитого капитализма (в основе своей все еще капитализма) опережает СССР, страну, настаивающую на своих социалистических целях и традициях. Вся послевоенная (в том числе и современная, конечно) история тогда шла бы по-другому: формационное историческое преимущество социализма реализовалось бы более прямо, без причудливых зигзагов истории.

Таковыми примерно, по нашему мнению, были гипотетические возможности развития экономических отношений в СССР, если бы все шло «по науке».

Однако движение к социализму – формационный (а не только экономический) по своему характеру процесс. Поэтому должны быть учтены и политические стороны процесса развития общества, и состояние культуры (с которой непосредственно связано состояние общественного сознания).

Может ли политическая революция, поставившая целью движение общества к социализму, ограничиться установлением в политической организации общества широкой демократии? Мы полагаем, что нет. Социализм – слишком абстрактная идея, чтобы она «сама собой» завоевала прочное и устойчивое большинство. Социалистическая идея не находит себе сразу достаточно понятного и твердого места в совокупности интересов общественных классов и слоев. Только наиболее грамотная часть рабочего класса и часть интеллигенции могут быть способны на то, чтобы сознательно воспринять идею социализма как идею конечной цели социального процесса после революции.

Движение к социализму через политическую революцию оказывается, таким образом, перед очень непростой и нелегкой альтернативой.

Можно было политическими средствами – в основном через все формы активизации политической роли трудящихся, через привлечение их к контролю за функционированием управляющих институций, через полный и всесторонний учет мнений науки и т.п. – целенаправленно стараться свести к минимуму вынужденный негативный социальный эффект от непонимания (и неприятия) массами собственно социалистической перспективы, от отчуждения широкой массы людей от реальной власти, от их отчуждения от реального процесса принятия принципиальных управленческих решений. Одновременно в сфере культуры надо было бы форсировать развитие общей и социально-экономической грамотности, повышение уровня культуры масс в таком направлении, которое в первую очередь повышало бы их способность к сознательной политической активности. Участие в управлении становилось бы все более опирающимся на науку, все более осознанным и эффективным.

Эта политическая линия должна была бы сочетаться со строго выдерживаемой экономической политикой хотя бы медленного, но обязательного повышения благосостояния масс, расширения выгодного и одновременно коллективистски направленного отношения кооперирования (в первую очередь в сельском хозяйстве). Эта экономическая политика должна была бы подкрепляться действительной (а не декларированной) реализацией комплекса социальных гарантий, вытекающих из социалистической ориентации последовательно осуществляющегося принципа социальной справедливости. В совокупности это позволило бы сводить к минимуму неизбежное в какой-то степени отчуждение трудящихся от средств производства, негативный эффект от такого отчуждения, от осуществления диктатуры не столько самого рабочего класса, сколько от его имени.

Вся эта линия в социально-экономической политике, при благоприятном ходе ее реализации, могла позволить реализовать изначально противоречивую, потенциально чреватую при малейшем сбое серьезными негативными эффектами программу строительства социализма «для масс» в стране, где значительная часть предпосылок социализма к моменту политической революции не достигла достаточной степени зрелости. Можно было бы рассчитывать целенаправленно и относительно быстро подвести массы постепенно к тому, чтобы они наконец сами смогли играть решающую роль не только в непосредственном процессе созидания нового общества, но и в управлении этим созиданием, выработали бы ориентированное на подлинный социализм социальное самосознание.

Все это в совокупности не только обеспечило бы экономическое и социальное развитие общества, но и подвело его в итоге к тому, чтобы в этом обществе сложилось явное и устойчивое большинство, сознательно ориентированное на социализм как общественный строй. Сам характер реализации своих конкретных интересов, определенный образ жизни, определенная система ценностей должны были ориентировать в итоге на социализм. Это и было бы основанием для перехода от диктатуры рабочего класса к широкой демократии.

Политическая революция в итоге привела бы к формированию постепенной, но беспрепятственной эволюции общества к социализму.

Почему начавшееся в СССР движение в этом направлении остановилось, а потом началось движение в прямо противоположном направлении? Прежде всего потому, что движение в обратном направлении (фактически возврат к утопической концепции «скакачка» в социализм 1917–1920 гг.) было проще, понятнее малограмотной массе (в том числе внутри партии), иллюзорно казалось не только более простым и быстрым, но и более эффективным. А сама партия, не выполнившая собственных ре-

золяций (Х и XI съездов) о переходе от милитаризированных организационных основ 1917–1920 гг. к новым организационным принципам, соответствующим условиям нэпа, тяготела к авторитаризму. На этой же авторитарной основе осуществлялся и выбор тех или иных вариантов развития страны.

В совокупности это обусловило выбор варианта развития, который по своему социально-экономическому содержанию являлся утопическим. В ключе этого же утопизма преувеличенное значение придавалось методам принуждения и насилия (в тех случаях, когда о добровольности и энтузиазме не могло быть и речи).

Политический контекст такого рода ориентации вел «сам собой» к системе отношений, получивших обобщенное конвенциональное название «культы личности».

Сегодня, ретроспективно оценивая варианты программы социалистического строительства 1924–1927 гг., предлагавшиеся Л.Д. Троцким и Е.Г. Преображенским, Г.Е. Зиновьевым и Л.Б. Каменевым, И.В. Сталиным и Н.И. Бухариным, мы можем сказать, что все они во многих решающих пунктах отклонялись от идей В.И. Ленина 1921–1923 гг. в сторону утопических предположений. Одни тяготели к утопии больше в чем-то одном, другие – в другом. Анализ материалов дискуссий со всей очевидностью это доказывает. Ни один из вариантов при этом не вел к «реставрации капитализма» – главному политическому аргументу любой из сторон против своих оппонентов в борьбе групп и мнений. Ни один при этом, однако, не был в те годы действительно оптимальным, хотя степень отклонений от этой гипотетической оптимальности того или иного варианта можно оценивать по-разному.

Наиболее последовательно доказывал, что его линия – это лишь реализация «заветов Ильича», именно И.В. Сталин. При этом И.В. Сталин в 1923–1929 гг. очень строго выдерживал принцип: быть всегда с большинством, придерживаться мнения большинства. Внешняя скромность в поведении, сочетавшаяся с

подчеркнутой неинтеллигентностью его облика, манер и речи, в этом отношении тоже импонировала большинству руководящего слоя партии.

Эта тактика и обеспечила, как мы полагаем, победу И.В. Сталина в борьбе за власть на XIII, XIV, XV съездах партии. Победило не только предложение И.В. Сталиным себя вождем, поддержанное группой близких ему партийных функционеров. Победила определенная линия в социалистическом строительстве, уже тогда очень точно, взвешенно сочетавшая «заветы Ильича» и пока неявное отступление от них в сторону программных полуутопических установок 1917–1920 гг.

Мы полагаем, что попытки представить реализованную И.В. Сталиным модель социализма как продукт его собственно-го творчества не имеют, мягко под собой оснований. Каждому надо ставить в вину только то, на что он реально способен. И.В. Stalin в науке был способен только на компиляцию и вульгаризацию. Компиляция из работ В.И. Ленина шла с помощью подобранный нужной цитаты (и при этом обязательно сопровождалась клятвой верности ленинизму), компиляции же идей Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, Н.И. Бухарина обходились и без упоминания источника. Если не позволять себе поддаваться инерции «вождистского» сознания, во всех 13 изданных и 3–4 недоизданных томиках сочинений И.В. Сталина можно найти сколько угодно идеологической эквилибристики, налицо обязательно популяризация уже известного, но невозможно обнаружить хотя бы одну серьезную самостоятельную теоретическую мысль. Налицо та или иная политическая интерпретация ранее известных идей, но новых идей нет. Компилятор и интерпретатор – вот теоретический потолок «величайшего гения всех времен и народов».

Несколько конкретизированная (в соответствии с изменившимися условиями), несколько подновленная (главным образом с целью более последовательной реализации своих личных ин-

тересов – укрепления своей абсолютной личной власти) концепция социализма 1917–1920 гг. – вот что реализовывал И.В. Сталин. Причем эта реализация была начисто освобождена от тех сомнений и альтернатив, которые были органичны для ее истинного главного автора – В.И. Ленина. Для И.В. Сталина любое сомнение в истинности созидаемого было не поиском лучшего варианта, а покушением на его авторитет, его величие, его власть, воистину актом террора по отношению к его «культу».

Государственная промышленность в том виде, в котором она была создана И.В. Сталиным, по реальному характеру отношений собственности в ней на средства и орудия производства все время балансирует между государственным капитализмом и государственным социализмом, тяготея чаще к госкапитализму. Однозначное определение ее социально-экономической природы попросту невозможно и неправильно. В том числе совершенно неправомерно было бы считать ее лишь последовательно социалистической.

Еще сложнее истинная социально-экономическая природа насаждавшихся средствами давления колхозов, которыми И.В. Stalin подменил широкую по замыслу программу добровольного и многопланового кооперирования сельского хозяйства.

Система экономических отношений государства и колхоза представляла собой некое соединение феода-лизированной формы изъятия прибавочного (а часто и всего вновь созданного) продукта, продуктообмена (отношения с МТС, оплата труда натурой и т.п.), товарных отношений (денежный налог на индивидуальное хозяйство был аналогичен денежной феодальной ренте, но он заставлял колхозников выходить на рынок с продуктами своего индивидуального труда). В производственных отношениях в сельском хозяйстве произошло причудливое и противоречивое соединение социалистических начал и феодального наследия: не то феодализированный социализм, не то социализированный феодализм.

Наконец, в сфере обмена (продуктами и деятельностью) утопическая попытка перепрыгнуть товарнорыночные отношения привела лишь к тому, что отношения прямого распределения приобрели характер причудливого сочетания элементов планового прямого распределения (продуктообмена) с элементами феодального дотоварного (или внетоварного) распределения. Стимулирующего характера это распределение было почти полностью лишено.

Вся совокупность разнородных социально-экономических элементов никоим образом не могла сложиться в органическую (то есть саморегулирующуюся, равновесную, устойчивую) систему. И поэтому ее относительное равновесие могло поддерживаться, и то лишь до поры до времени, только командно-административными (то есть неэкономическими) методами, что справедливо отметил Г. Х. Попов. Развал этого временного шаткого относительного равновесия при последующем разрастании масштабов экономики был предрешен.

Итогом социально-экономического развития СССР явилось при всем том создание первой, самой начальной, самой неразвитой формы социализма – так называемого государственного социализма. Термин этот сам по себе ничего негативного не содержит: вполне естественно и закономерно государственный капитализм сменяется государственным социализмом. Подробный анализ его нормальных свойств – важная проблема, но выходящая за границы данного нашего исследования.

Принципиальной ошибкой планов и установок на строительство социализма не только в 1917–1920 гг., но и в 1921–1923 гг. была недооценка необходимости использовать весь позитивный потенциал капитализма для ускорения перехода к социализму. До конца эта установка не была освоена и В.И. Лениным. То, что в формационном отношении должен был сделать капитализм, «перепрыгнуть» нельзя. Ускорение истории возможно, но не методом экономических авантюр, не методом утопических

попыток перепрыгнуть через необходимые ступени, формы, сроки. Поэтому социалистическая тенденция общественного развития после октября 1917 г. могла и должна была реализовываться не в попытках сразу же создать «чистый» социализм, а в сознательном и строго контролируемом развитии ряда фундаментальных качеств капитализма, без которых не могут сформироваться и предпосылки социализма, и соответственно потом и сам социализм. «Социалистическое развитие капитализма» – это его контролируемое развитие, позволяющее не ждать, пока капитализм «сам собой» реализует ту или иную социалистическую тенденцию, а внедрять ее планомерно, как только для нее сложатся объективные предпосылки. Но без таких предпосылок внедрить нахрапом, насилием, голой волей (стыдливо именуемой планированием) ничего нельзя: история – это естественноисторический процесс. Фактически необходимо было строго научно контролируемое сочетание конечных коллективистских целей и текущих индивидуалистических (то есть капиталистических) средств. Переход к решению коллективистских задач коллективистскими же средствами был возможен (то есть исторически оправдан) только после более или менее полного исчерпания индивидуалистических (капиталистических) средств.

Плох не сам по себе государственный социализм (хотя, повторим, это начальная фаза новых отношений, а потому и еще очень несовершенная). Плохо было то, что переход к государственному социализму был осуществлен в условиях наложения сразу трех неблагоприятных факторов: а) утопической тенденции создавать новое, не развив до минимального рубежа зрелости старое; б) приоритета критериев укрепления «культовых» отношений (режима абсолютной личной власти) во всех ситуациях выбора перспективной социально-экономической политики; в) нараставшей потери научных ориентиров определения социальной политики из-за подмены науки вульгарной идеологией, марксизма – псевдомарксизмом. Это и обусловило, что госу-

дарственный социализм – и без того начальная, грубая, неразвитая форма новых отношений – оказался реализованным с сильнейшими деформациями негативного характера. Причем эта фактически полустихийно сложившаяся форма деформированного государственного социализма была настолько неравновесной, что оказалась неспособной к самостоятельному эволюционному развитию в более высокую форму социализма. Для перехода даже к нормальному, не деформированному государственному социализму, не говоря уж о его более высоких формах, нужна теперь коренная ломка сложившихся отношений и научно обоснованная целенаправленная политика.

Таков итог реализации в СССР сталинской интерпретации утопических идей 1917–1920 гг., от которых В.И. Ленин в 1921–1923 гг. начал уходить, но к которым И.В. Сталин в 1929–1930 гг. сумел, руководствуясь и своими эгоистическими целями, и своим узким ограниченным горизонтом догматика в теории социализма, вернуть страну.

Очерк 8

«КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ» И ВОЙНА: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.
P. Бернс

Перекоп...
Интервентская пуля, летящая в лоб, –
И не встать под огнем у шестого
кола.
Полк
Шинели
На проволоку побросал, –
Но стучит над шинельным сукном
пулемет,
И тогда
еле слышно
сказал
комиссар:
– Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!..
Летним утром
Граната упала в траву,
Возле Львова
Застава во рву залегла.
«Мессершмитты» плеснули бензин
в синеву, –
И не встать под огнем у шестого
кола...

И тогда
еле слышно
сказал
комиссар:
– Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!..
А.П. Межиров

Обычно нужны десятилетия, чтобы можно было достаточно обоснованно оценить эффективность тех или иных общественных отношений. Однако бывают такие обстоятельства истории – экстремальные условия функционирования общества, – когда социальное время предстает перед нами будто бы в спрессованном виде: всего несколько лет (а бывало и так, что счет идет на месяцы и недели) дают возможность ясно и отчетливо проявиться всем сильным и всем слабым сторонам какой-либо социальной системы.

Такого рода проверкой эффективности функционирования «культа личности» в экстремальных условиях как раз и была Отечественная война 1941–1945 гг.

Она проверила и эффективность «базовой» социальной системы (то есть эффективность сложившихся вопреки «культу» коллективистских элементов общества), и эффективность паразитирующей на них системы отношений «культа личности».

8.1. ОБЩИЕ СООБРАЖЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ

На темы «Сталин и война» написано уже много¹, а будет написано, как мы предполагаем, еще больше. На часть из написанного мы ссылаемся ниже как на исторические документы, цен-

¹ Опубликовано много статей в различных периодических изданиях, отдельных мест в воспоминаниях, художественных произведений. Наиболее обстоятельно и с приведением ряда вновь вводимых в оборот документов характеризует место и роль И.В. Сталина в Отечественной войне 1941–1945 гг. (Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина // Октябрь. 1989. № 7, 8, 9, 10). Мы выделили бы также написанную еще в 60-е годы и опубликованную только недавно статью К.М. Симонова «Уроки истории и долг писателя. Заметки литератора» (Наука и жизнь. 1987. № 6).

ные свидетельства. Однако предметом нашего исследования является «культ личности» как социальный феномен. Поэтому деятельности И.В. Сталина в войну мы касаемся лишь в той мере, в какой она характеризует систему «культы личности».

Эффективность социальной системы – вполне конкретное историческое понятие. Абстрактной (универсально-всеобщей) эффективности общественного процесса не существует.

Эффективность конкретной социальной системы должна рассматриваться с разных сторон, только в совокупности позволяющих сделать окончательный вывод.

Прежде всего речь должна, наверное, идти о том, какие конкретно цели выдвигает и реализует данная социальная система. Какие-то цели в ней возникают объективно, отражая историческое место такой социальной системы, другие – являются следствием субъективных интересов, реализуемых через механизм власти. Очевидно (мы об этом писали выше), что коллективистские цели и цели «культы личности» расходятся в принципе, хотя в каких-то конкретных случаях и обстоятельствах «культурные» интересы могут совпасть с какими-то частными и конкретными интересами коллективистской системы отношений.

Эффективность социальной системы в условиях войны (особенно войны не локальной, а такой, когда решается гамлетовская проблема «быть или не быть?») оценивается по тому, как она реализует условия успешного хода такой войны: в какой мере данное общество использовало свои возможности подготовиться к войне? Был ли создан и использован механизм предвидения ее начала, ее характера* ее масштабов? Насколько эффективно велись сами военные действия? Каким было материальное обеспечение воюющей армии?..

С другой стороны, в такой оценке важно, насколько полно были использованы данным обществом свои формационные возможности и информационные преимущества для решения исхода войны в свою пользу? Что было сделано, чтобы люди воевали одновременно и умело, и самоотверженно? Насколько в ходе

самого бесчеловечного занятия – вынужденного, неотвратимого человекоуничтожения – не только соблюдались, но и воспитывались высокие нравственные принципы – принципы человечности, гуманизма?

Наконец, вышел ли данный социальный строй из войны, разив и укрепив основы своего существования и развития или в состоянии острого кризиса?

Только ответив в совокупности (в системе) на все эти вопросы, можно сказать, что в этой (данной) социальной системе проявило себя высокоэффективно, а что – нет, в чем проявилось прогрессивное в данной социальной системе, а в чем – нежизненное, устаревшее, чуждое ее существу, а потому подлежащее устранению.

Для того чтобы оценить эффективность какого-то вида отношений, надо сопоставить их с родовой характеристикой: проявления отношений «культ» надо сопоставить с характером реализации тенденций движений общества к социализму, на которых «культ» паразитирует. Войну 1941–1945 гг. вел социализм с капиталистическим порождением – фашизмом. То, что СССР сотрудничал в этой войне с США, Великобританией, Францией и другими капиталистическими странами, осложняет анализ войны как формационного столкновения, но не может снять этой его конечной природы. Сотрудничество не снимало соперничества, не снимало противоречий социальных систем, Сложная комбинаторика политических ходов и расчетов пронизывала всю историю сотрудничества, и речь У. Черчилля в Фултоне была, на наш взгляд, естественным и логически оправданным завершением этого сотрудничества.

Проблема поэтому стоит примерно так: ослаблял или усиливал «культ личности» потенциальные возможности социализма, способствовал или мешал проявлением своих «культовых» качеств конечному победному исходу войны?

Ответ на этот вопрос тоже не может быть совершенно однозначным: и здесь диалектика истории проявляет себя. Однако

доминирование позитивного или негативного влияния безусловно может и должно быть определено. Споры, не утихающие и по сей день, идут именно вокруг доминирования: совершенно однозначные оценки редки.

До войны главным в политической линии было решение прежде всего экономических проблем развития СССР. «Культ личности» мог в своих узких целях эксплуатировать потенциальные возможности социализма, зачисляя его достижения на свой счет и списывая неудачи на всех и всяческих, реальных и мнимых, врагов социализма.

«Культ личности» обладает своего рода универсальностью, пронизывая все сферы общественных отношений. Однако исходным и центральным в нем является политическая организация общества. Содержание политической линии, организация отношений в обществе, идеологическая деятельность – вот в чем прежде всего проявлял себя «культ личности». Хотя деформация сущностных для социализма экономических отношений и имела место, однако, исходным пунктом этой деформации была сфера политики; экономические процессы именно деформировались, но их конечная сущность продолжала сохранять какую-то общую историческую направленность.

Состояние войны коренным образом изменило в функционировании общества соотношение конечной сущности и деформирующего воздействия. Война – продолжение политики, но иными средствами. В ходе войны политическое развитие, именно политические отношения оказываются в центре общественного процесса. Напряжение всех сил и возможностей общества становится предельным. Требуется напряжение всего положительного политического потенциала общества, но «культ личности» является как раз системой политических отношений, заведомо негативных по отношению к собственно социалистической сущности исторической тенденции развития. Для победы в войне требовалось довести до возможного максимума степень реализации именно коллективистских отношений в обществе, а

«культ» – это система, в которой приоритет принадлежит как раз индивидуалистической стороне. Возникает острое конфликтное столкновение собственно социалистического и «культового» в общественных отношениях.

Существует много различных (а порой и противоположно направленных) объяснений ошибок И.В. Сталина и его окружения в период подготовки войны и непосредственно перед ее началом. Среди называемых различными авторами объяснений преобладают те, которые тяготеют к личному поведению И.В. Сталина, его психологическим характеристикам:

- Stalin боялся Германии и Гитлера и был этим страхом, можно сказать, парализован (Н.С. Хрущев и другие);
- Stalin чувствовал в Гитлере родственную душу и доверял ему (многие авторы и в том числе В.М. Бережков);
- Stalin проявлял разумную осторожность, но его подвело отсутствие доверия к кому-либо: только себе, своему мнению он верил (тоже очень многие авторы);
- Stalina вводили в заблуждение разведорганы, ибо «направляли» в желательную для него сторону развединформацию (об этом, в частности, пишет Г.К. Жуков).

Можно предположить, что каждая из этих версий содержит какую-то долю истины, однако нас интересует не столько это – личное, психологическое, – сколько объяснения, характеризующие «культ личности» как социальную систему. И.В. Stalin или кто-то другой в обстоятельствах истории СССР 1939–1941 гг. или в обстоятельствах истории другой страны и в другие годы (но где так же в каком-то варианте существовал «культ личности») дали бы сходную реакцию на возникновение соответствующих экстремальных условий.

Если рассматривать «культ личности» как социальную систему, то за всеми пестрыми событиями 1939–1941 гг. будут вырисовываться куда более фундаментальные свойства, чем флуктуации личностных мнений и настроений «великого вождя».

«Культ личности» неизбежно вызывает появление имперских (националистических или шовинистических) тенденций в странах, где он утвердился. Не явился исключением и СССР в 1939–1941 гг. Эти имперские тенденции находятся в антагонистическом противоречии с интернационализмом. И это противостояние немедленно себя обнаружило в характере внешней политики в 1939 г. и особенно в 1940–1941 гг. Раздел сфер влияния, заигрывания с антикоминтерновским пактом и даже роспуск Коминтерна (хотя бы уже потом, во время войны, в 1942 г.) – все это, как мы полагаем, было проявлением имперских тенденций во внешней политике.

Эти тенденции оказались весьма живучи и во многом деформировали внешнюю политику СССР и в послевоенный период.

Другой особенностью «культы личности» во внешней политике явилась политическая беспринципность. И.В. Сталин готов был лояльно сотрудничать с А. Гитлером, несмотря на то что последний представлял антагонистическую социальную систему, противоположную социализму.

Гитлер в проведении антикоммунистической политической линии оказался более последователен, чем признанный глава коммунистического движения в проведении своей линии. В конечном же итоге, как мы полагаем, формационный антагонизм фашизма и социализма (то есть объективная историческая тенденция) оказался значительно сильнее личных симпатий И.В. Сталина и Гитлера друг к другу (то есть субъективных устремлений)².

Весьма показательно, кстати сказать, что и в разгар прогерманской пропаганды (1940 г. и особенно начало 1941 г.) среди

² Об имперских тенденциях, проявившихся в высказываниях И.В. Сталина, в отдельных политических документах, во внешнеполитической практике СССР появилось (особенно в последнее время в связи с 50-летием начала второй мировой войны) довольно много публикаций. Особенно ценным являются публикации документов 1939–1941 гг. Из числа воспоминаний отметим материалы В.М. Бережкова, личного переводчика И.В. Сталина и В.М. Молотова и те годы (см. статью Бережков В. Просчет Сталина II Международная жизнь. 1989. № 8). Мы полагаем, что смена М.М. Литвинова на посту наркому иностранных дел В.М. Молотовым связана не только с переориентацией внешней политики СССР в Европе с Англии и Франции на Германию, но еще и с появлением во внешней политике СССР имперских пополновений.

широких слоев нашего народа существовало твердое мнение о том, что вот-вот начнется война с гитлеровской Германией. Причем это мнение высказывалось и вслух, хотя общество было буквально нашпиговано доносителями³.

Наконец, для «культа личности» во всех его национальных вариантах, на всех бюрократических уровнях и во всех конкретных ситуациях характерен дилетантизм, какого бы характера управленческие решения ни требовалось принимать.

Вся эта совокупность негативных факторов дала сильнейший кумулятивный эффект в условиях подготовки к войне, то есть в условиях так сказать, еще полуэкстремальных. Вполне естественно, что эти негативные факторы с еще большей силой продолжали проявлять свой отрицательный потенциал и в годы войны. Но здесь ситуация стала уже из полуэкстремальной максимально экстремальной: вполне реальной стала угроза поражения и гибели. И только она заставила «великого вождя» и его окружение хоть в чем-то изменить свое поведение.

Степень эффективности сознательного использования всех ресурсов общества в условиях войны была выше в СССР не бла-

³ В последние годы появилось много свидетельств (от стихотворения К.М. Симонова до автобиографических материалов в повести Ю.В. Трифонова «Дом на набережной») об истинной реакции трудящихся СССР на договор 1939 г. с Германией, об ожидании в 1941 г. войны с Германией и т.п. Как нам кажется, не может быть и речи о том, что имела место принципиальная дезориентация населения СССР официальной пропагандой. Многочисленные данные не подтверждают мнения о том, что официальной пропаганде так все сразу уж и поверили, что Гитлер – наш лучший друг. Собственные впечатления автора – в те годы студента МИФ ЛИ – говорят о том, что и после договора 1939 г. мнение людей о фашистской Германии и о Гитлере не изменилось ни на йоту.

Приезд И. Риббентропа вызвал скорее недоумение, иронические и прямо негативные оценки в том кругу (достаточно широком – по стечению обстоятельств), в каком находился автор в августе – сентябре 1939 г. 2 мая 1941 г. автор был на коллективном просмотре кинофильма по книге Н. Шпанова «Первый удар». В оценках преобладало явное недоверие к бурному оптимизму этого фильма (опыт войны с Финляндией был широко известен, хотя публикации были скучными). Адрес же врага в будущей войне, несмотря на намеки пропаганды, не вызвал сомнения: врагом № 1 в глазах народа был фашизм, была Германия. В мае 1941 г. по спецнабору уходил в армию наш товарищ по комнате в общежитии МИФЛИ на Стромынке. Провожая его, мы выпили за победу Красной Армии над фашистской Германией...

Мы полагаем, что общественное мнение в целом в своей трактовке германского фашизма как врага № 1 лишь очень в малой степени было поколеблено пропагандой в 1939–1941 гг.

годаря «культу», а прежде всего в связи с коллективистским характером общественных отношений.

На первый план в числе позитивных факторов, связанных с «культом», зачастую выдвигают жесткую и очень высокую по уровню централизацию управления. Но, во-первых, при всем большом значении централизации она сама по себе, а настроение масс, их отношение к войне имеют решающее значение, а во-вторых, централизация отнюдь не является принадлежностью именно и только «культы»: коллективистскому производству, коллективистскому обществу свойственно тяготение к централизации, которую при необходимости можно и нужно использовать.

Главным все же остается спонтанное массовое проявление инициативы, творческого подхода к любой из конкретных задач ведения войны: массовый героизм и творческая изобретательность в ведении боевых действий на фронте, массовое партизанское движение, массовый бескорыстный трудовой энтузиазм в тылу. Это – нормальные и естественные следствия коллективистской тенденции общественных отношений. Фактически именно они и явились главным фактором победы советского народа в войне 1941–1945 гг.

«Культ личности» основан как раз на противоположном: на трактовке индивида в качестве «винтика» национальном механизме «культурных» отношений, на безоговорочной, беззаветной и в каком-то смысле безрассудной исполнительности. Бескорыстному энтузиазму коллективизма «культ» – самая последовательная, самая крайняя форма проявления индивидуализма в коллективистском обществе – противопоставил индивидуалистические стимулы: грубое индивидуальное материальное поощрение (характера тайной привилегии, подачки, так что не только существо, но и сама форма стимула имела ярко выраженную анти-коллективистскую окраску), должностную карьеру, прямые угрозы чести, достоинству и самой жизни личности, создававшие основу страха.

Коренное противостояние коллективистских и «культовых» форм и методов функционирования и развития общества проявлялось и во взаимодействии науки и политики.

Система «культы» в принципе направлена против науки. «Культ», вынужденно порой пользуясь научными выводами, все-таки стремится реализовать себя именно через индивидуальное волеизъявление, через неограниченный извне субъективизм, через немотивированные и в принципе необосновываемые (вслух, во всяком случае) «гениальные указания» вождя. По логике самого И.В. Сталина из 100 решений подобного рода 90 бывают неполными, неправомерными, ошибочными (см. сноску 12). Дилетантизм главной персоны «культы», неизбежный в принципе дилетантизм его ближайшего окружения, всей системы принятия решений являются ахиллесовой пятой всякого «культы». Работники подбираются исходя из их преданности, послушания; компетентность же зависит от образования, опыта работы и др., предполагает самостоятельность мышления, а не готовность прислуживать.

Обстановка подготовки к войне и особенно самой войны требовала предельной научной обоснованности всех управленческих решений. Социалистические общественные отношения позволяли обеспечить и требуемый научный потенциал, и людей – носителей и творцов этого потенциала. А «культ» противопоставлял науке дилетантизм, специалистам – своих угодников. И в экстремальной обстановке войны сшибка этих полярно противоположных тенденций стала особенно острой, непримиримо конфликтной, антагонистической.

Коллективность требует принципиального доверия к людям. Это необходимый ее атрибут, условие «хозяйского» (ответственного) отношения индивида ко всем общественным делам. Неизбежные при этом отдельные просчеты с лихвой перекрываются массовым для подлинной коллективности позитивным эффектом.

«Культ» основан на подозрительности: любой индивидуальный случай недостаточной лояльности к «культуре» таит в себе

серьезную угрозу его существованию. Ведь «культ» основан на религиоидной абсолютности авторитета и не терпит тени сомнения. Научная идея не боится индивидуальных случаев недомыслия, инакомыслия, безмыслия. Религиозная же идея боится малейшего проявления ереси: такая ересь, при всей ее исходной единичности, может мгновенно стать всеобщей.

Коллективизм основан на широкой, предельно возможной информированности всего общества обо всех обстоятельствах всех важных дел. «Культ» основан на тайне. Во-первых, ему есть что скрывать. Во-вторых, тайна – одно из важных средств повышения внешней значимости всего «культового».

Коллективность основана на полной мобилизации всех способностей, всех талантов. Всем должна быть открыта дорога к предельно полному раскрытию способностей. Нравственная чистота и идейность здесь органически предположены как необходимые требования к индивиду. «Культ» же требует от выдвигаемых им персонажей прежде всего личной преданности, безоговорочной исполнительности, беспрекословного послушания. Истинная талантливость оказывается где-то на третьем плане, а нравственность и идейность становятся своего рода помехой личной преданности и безоглядной исполнительности. Сшибка противоположных сущностей коллективизма и «культа личности» была и в этом плане неизбежной в экстремальных условиях войны – по всей толще общественных отношений, по всем сферам общественной деятельности.

И ошибка стала очевидной.

Мы не смогли бы выиграть войну, не использовав всего позитивного потенциала коллективистских отношений, всех их преимуществ. И это непременное условие победы заставляло «культ» отступать в тех, других, третьих конкретных случаях. Но «культ» добровольно не уступил ни одного миллиметра социального пространства, захваченного им в предвоенные годы. Каждый раз столкновение собственно коллективистской, социалистической и «культовой» тенденций проходило в острой

борьбе, каждый раз «культ» уступал свои позиции только после каких-то провалов, неудач военного, хозяйственного, политического или идеологического планов, когда ситуация становилась катастрофически безальтернативной. Достаточно часто имело место и попросту тесное переплетение одной и другой тенденций, их взаимопроникновение и обяза-п тельно борьба.

Антагонизм колLECTИВИСТСКОЙ и «культуроВОЙ» тенденций пронизывал собой всю подготовку к войне, все ведение войны, определял собой всю войну как форму функционирования социальной системы. В этом взаимодействии собственно социалистической и «культуроВОЙ» тенденций полной мерой проявилось историческое превосходство колLECTИВИСТСКОГО и несомненным было, что «культ» составляет главное внутреннее для социализма препятствие реализации преимуществ отношений колLECTИВИСТСКОГО типа, главную внутреннюю помеху эффективному ведению оборонительной, справедливой войны социалистическим обществом. Проверка эффективности социальной системы «культ» в экстремальных условиях войны показала его принципиальную несостоятельность. И эти же экстремальные условия во всей полноте выявили преимущества колLECTИВИЗМА как такового, деформирующее влияние на него «культ», конечную несовместимость «культ» и социализма, неизбежно временный характер «вторжения» «культ» в общество колLECTИВИСТСКОГО типа.

8.2. ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ. ВОЙНА 1941–1945 гг.

Пути подготовки страны к войне были во многом предрешены соотношением сил. Прямого столкновения сразу со всем капиталистическим миром СССР, при всех своих возможностях, скорее всего не смог бы выдержать: уж очень велика была разница в экономическом потенциале, в массе вооружений, в численности армий... Задача поэтому была двоякой: с одной стороны, использовать все внутренние противоречия империализма – классовые, политические, межгосударственные, между колониями и метрополиями, между крупнейшими монополистиче-

скими союзами, – чтобы отвести угрозу прямого военного столкновения со всем капиталистическим миром; с другой – использовать все возможности своего общественного строя, чтобы, уступая количественно, добиться качественного превосходства над империализмом по главным критериям военного потенциала.

То, с чего начиналось социальное развитие СССР, – ликвидация безработицы и осуществление права на труд, быстрый подъем общей культуры и образования населения, успешное разрешение национального вопроса и др. – формировало в 20-е – в начале 30-х годов политические симпатии к СССР. Способствовал их формированию и экономический рост в противовес кризису 1929–1932 гг., определенная эффективность народнохозяйственного планирования как метода управления экономическим процессом, успехи соревнования и т.п. В целом позитивная оценка социальных преобразований в СССР создавала определенную направленность международного общественного мнения против возможного развязывания войны с СССР.

Авторитет Советского Союза как социальной системы был, однако, серьезно поколеблен характером проведения И.В. Сталиным форсированной коллективизации в 1929–1934 гг. А репресии 1937–1938 гг., их массовый характер, жестокость, сделав очевидным их необоснованность, вызвали резкий негативизм по отношению к СССР и той социальной системе, которую он представлял. По мнению широкой общественности Запада (в том числе и интеллигенции), И.В. Сталин как политический деятель дискредитировал и идею социализма, и Советский Союз как государство. Однако в один ряд с Б. Муссолини и А. Гитлером в глазах общественного мнения И.В. Stalin все же не мог стать, хотя антикоммунистическая пропаганда настойчиво подчеркивала якобы политическое тождество трех Великих Диктаторов. Сказывалось то, что мы назвали бы «логикой информационного качества».

Сколько бы И.В. Stalin как личность не был похож на А. Гитлера, сколько бы его биография не напоминала в каких-

то чертах биографию Б. Муссолини, социальная система СССР была в корне, в основе, в сути своей враждебна фашизму, и никакие личные усилия и симпатии «великого вождя» не могли разрушить (и даже поколебать – при всех деформациях социализма в СССР) формационное противостояние: наиболее грубая, примитивная, агрессивная форма империализма противостояла хоть и грубой, зараженной «культом личности», но все же общественной системе социалистических тенденций. Как ни хотелось И.В. Сталину в глубине души избавиться в 1939–1941 гг. от присвоенного ему логикой истории титула «вождь мирового пролетариата», как ни хотелось ему загнать всех этих пролетариев (особенно тех, кто желал соединиться в единый антиимпериалистический и антифашистский фронт) на Колыму, он не мог этого сделать, не потеряв свою власть. Он лично мог мстить за это пролетариям и коммунистам, расстреливая их вождей, распуская не понравившиеся ему компартии (как, например, была распущена Компартия Польши), выдавая германских и австрийских коммунистов гестаповским палачам (вот уж кто действительно оказался «сотрудником гестапо»), но логика истории и тут оказалась сильнее логики дорвавшегося до абсолютной власти диктатора.

22 июня 1941 г. эта логика истории и пнула его сапогом, напомнив, «кто есть кто» в формационном процессе... «Вождя» логика истории поставила на свое место, но расплачиваться за его ошибки и спасать его властолюбивую душу пришлось все тому же многострадальному советскому народу...

Мы далеки от попыток с порога односторонне негативно оценивать договор о ненападении с Германией от 23 августа 1939 г. Ряд вновь вводимых в оборот материалов свидетельствует в конечном счете о его принципиальной неоднозначности. Однако уже пресловутый договор о «дружбе и границе» 28 сентября того же года был, безусловно, ошибочной и вредной политической акцией, прямо тяготевшей к проявлению имперского оттенка во внешней политике.

Положительное в договоре от 23 августа 1939 г. (о ненападении) очевидно: договор давал известную передышку для подготовки к войне, мешал сговору всех сил капитализма против СССР. Другое дело, что И.В. Сталин (более всего именно он, персонально) не сумел извлечь из этого договора все те выгоды для СССР, которые в нем потенциально были заложены. Реализация даже этого договора в условиях «культы личности» создала определенные предпочтительные шансы для А. Гитлера, которые тот и сумел использовать против СССР в 1941 г.

Оценка реального содержания и конкретного хода выполнения договоров 1939 г. осуществлялась на уровне высочайшей секретности, то есть очень маленькой группкой политиков из ближайшего окружения И.В. Сталина. Ни мнения профессиональных дипломатов, ни мнения военных специалистов фактически не были учтены. Даже в этом узком кругу в конечном счете фактически «разрешалось» иметь только одно окончательное мнение – совпадающее с мнением И.В. Сталина...

Негативно сказалась на политической ситуации в мире перед войной и в ходе войны линия, проводившаяся по прямым указаниям И.В. Сталина в Коминтерне.

Установки И.В. Сталина мешали попыткам установления общего, единого антифашистского фронта. На политику тех или иных компартий оказывалось прямое грубое давление. После 1939 г. от компартий потребовали прекращения борьбы с фашизмом. В Советском Союзе был репрессирован ряд руководящих деятелей зарубежных компартий, находившихся у нас в вынужденной политической эмиграции. В частности, особенно тяжелый урон понесла распущенная в конце концов по решению Коминтерна, навязанному ему И.В. Сталиным, Компартия Польши.

В подготовке к войне внутри страны, как мы уже отметили, должен был быть предельно полно использован каждый, даже самый малый шанс повышения обороноспособности страны. Нужно было не только и не просто создавать материальные предпосылки обеспечения обороны: сооружать соответствую-

щие производственные мощности, формировать запасы, развивать транспортную сеть и т.п. Нужно было прежде всего добиться технического превосходства вооружения, предельно полного использования ресурса времени, возможностей формирования подготовленного командного состава, пользуясь случаем выдвигать на командные посты наиболее способных, без каких-либо кастовых, сословных и тому подобных ограничений.

Что касается роли «культа личности» в обеспечении технического уровня вооружений Красной Армии, то она тем более была негативной. Никакое личное внимание И.В. Сталина к авиации (скажем для сравнения: у А. Гитлера – к танкам), его личное внимание к тому или иному виду вооружения не могут поколебать общей негативной оценки его дилетантизма в этой сфере подготовки страны к войне. Ошибки в политике производства вооружений (о чем, в частности, убедительно свидетельствует Б. Л. Ванников – нарком оборонной промышленности в годы, предшествовавшие войне), ошибки в производстве самолетов (о чем свидетельствуют записки ряда авиаконструкторов и организаторов авиапромышленности) имели под собой только одно – дилетантизм и произвол, обусловленные «культом личности».

Речь идет не о самих по себе личных просчетах И.В. Сталина: они не могут вызвать удивления. Именно режим «культа личности» плодил общую атмосферу субъективизма, дилетантизма, недооценки науки, мнений специалистов.

После гибели военных, обосновывавших перевооружение армии, волна репрессий прокатилась по всем оборонным НИИ, КБ, ОКБ, заводам. Даже если бы все уже имевшиеся принципиальные технические новации были бы при этом все же сохранены, на «вживание» в работу новых кадров КБ, заводов были потеряны минимум полтора – два года – как раз те, которых, по мнению Г.К. Жукова и многих других военных, стране не хватало для достаточной готовности к 22 июня 1941 г.

Советский Союз к 1941 г. мог бы иметь в достаточном количестве самую лучшую в мире танковую, авиационную и артил-

лерийскую технику, мог бы иметь ракетное оружие, самую совершенную и современную военную концепцию применения вновь созданной техники в боевых действиях.

Если мы фактически к 22 июня 1941 г. этого не имели или имели не в достаточном количестве, не с достаточной степенью освоения и т.п., то только из-за «культта».

Неправомерно считать заслугой И.В. Сталина то положительное, что было достигнуто в ходе подготовки к войне. Опасность именно такого рода войны, именно с этими противниками, характер прогрессивной военной техники и т.п. не были «открытым» И.В. Сталина. Об этом в той или иной форме писали специалисты, связывая непосредственную опасность войны с приходом фашизма к власти в Германии. Об этом говорили в своих речах на XVII съезде ВКП (б) Н.И. Бухарин и М.Н. Тухачевский. Наконец, после мятежа Франко и гражданской войны в Испании в 1936–1938 гг., после агрессивных действий Германии в Европе в 1937–1941 гг. непосредственная опасность вооруженного нападения Германии па СССР не могла вызывать сомнений. Характер вооружения армии, ее стратегия разрабатывались в предвидении этого разворота событий.

Необходимость подготовки СССР к войне в конце 30 – начале 40-х годов была самоочевидной. Любое руководство – единоличное или коллективное – не могло ее не проводить. И мы полагаем с полным основанием, что коллективное руководство подготовкой к войне, хотя бы в ключе реализации перспективной программы такой подготовки, изложенной в общем виде М.Н. Тухачевским в его речи на XVII съезде ВКП (б), опирающееся на мнение специалистов, дало бы заведомо более высокий эффект, чем реально дала деятельность лично И.В. Сталина.

Героизм советских людей, которые готовы были сделать все возможное и невозможное ради укрепления обороноспособности страны, зачастую самым недостойным образом эксплуатировался «культовой» системой принятия решений, аврального выполнения «любой ценой» субъективистских «озарений» главного

дилетанта страны, располагавшего неограниченной властью и использовавшего эту власть чаще всего во вред делу. Можно лишь удивляться огромным преимуществам коллективистского общественного строя и исключительному героизму трудящихся советского общества, сумевших достичь столь многоного в подготовке к войне в условиях тлетворного влияния и разрушительных действий «культа личности».

Чрезвычайным был вред, причиненный «культом личности» делу обеспечения армии командным составом, соответствующим условиям надвигавшейся войны. Мы уже касались этой стороны дела, характеризуя репрессии 1937–1939 гг. в целом. Вернемся к этой стороне подготовки к войне, но уже на более конкретном уровне.

Отошлем прежде всего нашего читателя к уже упоминавшейся статье К.М. Симонова «Уроки истории и долг писателя. Заметки литератора», где правильно подчеркивается, что потерн Красной Армии в командном составе неправомерно сводить лишь к гибели тех или иных ведущих военных специалистов персонально. Высший и средний командный состав любой армии в ходе крупномасштабной войны проходит проверку делом, и результаты такой «проверки» чаще всего бывают неожиданными и кажутся парадоксальными. Отсюда неправомерность рассуждений: «...а вот если бы командовали И.Э. Якир, И.П. Уборевич и т.д. и т. и...»

В военном деле есть своего рода закон: новая война выводит на первый план новых полководцев, ибо старые (герои прошлой войны) уже «устаревают» к началу этой новой войны (и со своими теоретическими взглядами, и просто физически). Однако Красная Армия в этом отношении могла и должна была быть счастливым исключением. Ее полководцы времен гражданской войны были в большинстве своем отчаянно молоды (таких молодых и талантливых полководцев выдвигают только революции), причем с военной теорией они познакомились (в военных академиях) спустя 5–8 лет после гражданской войны. Именно

они, обогащенные опытом предыдущей войны, обогащенные учебой в войсках, учившиеся в академиях, но еще лишенные конформистских наклонностей в военной теории, и должны были составить костяк командования Красной Армии в новой, подступавшей войне...

К.М. Симонов прав: Отечественная война сама «выбирала» своих полководцев. Но в ряду тех, из кого она «отбирала», должны были быть и те, кто погиб в 1937–1938 гг., погиб бессмысленно – лишь во имя более спокойного сна «великого гения и полководца всех времен и народов».

Характеризуя командный состав, «вытягивавший» на себе войну 1941–1945 гг., нельзя забывать и того, что некоторая часть репрессированных в 1937–1938 гг. военных (по данным печати, даже около одной четверти) была накануне войны освобождена и активно воевала. Однако среди них не было представителей самого высокого уровня комсостава – командармов 1-го и 2-го ранга, комкоров: их расстреляли практически всех. В основном освобождены были комдивы, комбриги, ставшие в ходе войны командармами, командующими фронтами, а некоторые – и маршалами. Усташ- повить сколько-нибудь полно круг этих людей по литературе пока не представляется возможным, ибо справочники, публикации биографий и т.п. упорно не содержат таких сведений. Однако и те немногие, о ком мы более или менее определенно это знаем, вошли в «первую» шеренгу полководцев Великой Отечественной: К.К. Рокоссовский, А.В. Горбатов, К.А. Мерецков, М.Г. Ефремов, К.П. Подлас, В.А. Юшкевич, С.В. Руднев, К.П. Трубников, В.Д. Цветаев и другие.

В военном деле, как ни в каком другом, в принципе не рекомендуется перепрыгивать через ступени служебной карьеры: каждая ступень – это качественное расширение оперативного кругозора, шаг в професионализме.

...Кто-то из тех, кто вынужденно сменил репрессированных военачальников, возможно, и сам рвался лезть по служебной лестнице как можно выше, пользуясь искусственно созданным

«вакуумом» наверху. Но очень многих нормальных, честных, хороших людей стихия «культа» закинула сразу на такие высоты – не только прав, но и ответственности (о чем и напомнила война), – к которым они пока попросту не были, не могли быть готовы...

Типичный пример головокружительного продвижения по званию и должности «выдвиженца 1937 года» привел в своих дневниковых записях «Разные дни войны» К.М. Симонов, причем речь идет об очень хорошем человеке и хорошем политработнике, героически погибшем в 1941 г., – о корпусном комиссаре Николаеве Андрее Семеновиче. В декабре 1937 г. старший политрук (аналогичное строевое звание – старший лейтенант) Николаев А. С., только что окончивший Военно-политическую академию, был назначен начальником политотдела Академии Генерального штаба. Каждый дальнейший его шаг в звании и должности осуществляется с интервалами не в годы, а в месяцы. К февралю 1939 г. он уже корпусной комиссар (строевой эквивалент – генерал-лейтенант, генерал- полковник). К началу войны – член Военного совета 51-й армии... Причем за его продвижением не стояла какая-нибудь особая протекция и т.п. Это – нормальное и типичное продвижение для периода 1937–1941 гг. Поэтому вполне естественна и оценка К.М. Симоновым реального уровня его военной компетентности: «...превосходный, храбрый комиссар полка и дивизии»⁴.

Многие из таких неожиданно выдвинувшихся командиров должны были учиться воевать уже в ходе самой войны... О том, как они учились, свидетельствуют исторические материалы, воспоминания, документы. Г.К. Жуков, например, считал И.С. Конева (в то время командующего Западным фронтом) в какой-то мере виновным за поражение под Вязьмой. Потери от этого поражения убитыми и пленными составили около 600 тыс. человек. Г.К. Жуков защищал И.С. Конева перед И.В. Сталиным, но вину И.С. Конева не отрицал.

⁴ См.: Симонов К.М. Разные дни войны. М., 1977. Г. 1. С. 375.

...Коллективистский строй общества широко распахнул возможности для самых талантливых выходцев из народа. Они могли в том числе стать и военачальниками любых степеней и званий. И поэтому «культ личности» уничтожал, может быть, самое талантливое (ибо его формировало гражданская война) поколение выдвинувшихся из самых широких кругов военачальников и тем самым нанес накануне ожидавшейся войны командному составу армии такой урон, которого никогда в истории никакому командному составу не наносила ни одна самая жестокая война... Вместо таланта, трудолюбия, честности «культ личности» сделал существенными факторами служебного продвижения слепое послушание, доносительство... И это в Рабоче-Крестьянской Красной Армии?! Это ли не парадокс истории – и трагическая по своим последствиям деформация принципов социализма?..

Все эти обстоятельства не могли, конечно, оставаться не замеченными нашими противниками. Вот типичный пример того, как эта новая ситуация в Красной Армии была оценена военной разведкой и высшими штабными инстанциями гитлеровского вермахта: в мае 1940 г. военный атташе Германии в СССР полковник Кребс докладывает начальнику Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковнику Ф. Гальдеру: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году. России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня...»⁵.

«Культ личности» деформировал и идеологическую подготовку к войне.

Уверенность в конечной победе социалистического общественного строя, народной Красной Армии в конце 30-х годов под тлетворным влиянием «культы личности» трансформировалась в ни на чем не основанные самоуверенность и шапкозакидательство. Серьезное, деловое отношение к перспективам будущей войны вездесущие доносиители чаще всего трактовали как со-

⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 504.

мнение... А любое сомнение вслух – это срок, лагерь и очень возможная смерть...

Весьма показательно в этом отношении выступление командрома 1-го ранга Г.М. Штерна на XVIII съезде ВКП (б), проходившем в марте 1939 г. Он говорил, в частности, о том, что уровень подготовки войск должен быть таков, чтобы в случае возможной войны на одного убитого нашего бойца приходилось десять убитых у противника. К.Е. Ворошилов бросает реплику: «Десять мало. Надо двадцать»⁶. На том же съезде нарком обороны маршал К.Е. Ворошилов в конце своего выступления резюмирует сопоставление силы Красной Армии и некоторых иностранных армий: «...враг будет накоротке смят и уничтожен...»⁷. Наконец, Л.З. Мехлис, армейский комиссар 1-го ранга, начальник Главполитуправления РККА и заместитель наркома обороны СССР, недвусмысленно формулирует задачи Красной Армии: «Если вторая империалистическая война обернется своим острием против первого в мире социалистического государства, то перенести военные действия на территорию противника, выполнить свои интернациональные обязанности и умножить число советских республик»⁸.

Мы полагаем, что причиной появления этого шапкозакидательства была имперская тенденция внешней политики, рождавшаяся «культом личности». Даже задача обороны, трактуемая в ключе имперской политики «культта», оборачивается своего рода иллюзорным «наступательным оптимизмом».

Массовые репрессии нанесли серьезный урон нравственной атмосфере Красной Армии. Возникли настроения деморализации, растерянности, упала дисциплина. Г.К. Жуков прямо свидетельствует о такого рода деморализации, проникшей в самую ранее дисциплинированную и сознательную армию в мире – Красную Армию⁹.

⁶ XVIII съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1939. С. 233.

⁷ Там же. С. 204.

⁸ Там же. С. 273.

⁹ См.: Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.

Деморализующее влияние массовых репрессий в армии было чрезвычайно болезненным. Дело в том, что особенностью взаимоотношения управляющего и управляемого в армии является необходимость доверия к управляющему. Управляемый вынужден верить управляющему на слово, ибо не имеет ни времени, ни необходимых знаний, чтобы перепроверить его компетентность. Командиру в армии подчиненный должен именно верить: на этом держатся в армии и дисциплина, и боеспособность, и настроение в бою.

Деморализация в Красной Армии находила выражение еще в том, что на всех уровнях оказались подорванными принципы абсолютной достоверности и правды в оценке положения. Это касалось и оценки состояния войск, вооружения, настроений военнослужащих и политдонесений... Не все лгали, не всегда, не во всем лгали, но ...ржавчина лжи в целях самосохранения проникла во все поры военного организма. Правда порой была опасна не только для карьеры, но и для жизни.

«Культ» способствовал подмене истинной, необходимой в то время бдительности огульным политическим недоверием ко всем и ко всему, подрыву политического авторитета любого руководства (любой руководитель завтра вполне мог быть объявлен «врагом народа»). Обоснованная бдительность, покоящаяся на фактах, которые все же надо еще многократно проверять, оказалась подмененной всеобщей огульной подозрительностью, базирующейся на случайных впечатлениях и эмоциях. Распространилась всеобщая слепая шпиономания. Для одних все кругом без исключения выглядели потенциальными врагами. Другим, убедившимся по собственным впечатлениям во вздорности огульного поименования в 1937–1938 гг. всех и вся «врагами народа», показалось, что вообще никаких шпионов нет, что все это – досужие домыслы НКВД, НКГБ, военной контрразведки «Смерш»¹⁰...

¹⁰ Именно такой взгляд на эти вещи, куда как не редкий в те годы в среде интеллигенции, описывает В.О. Богомолов в романе «В августе сорок четвертого...». Именно

Наконец, «культ личности» сыграл негативную роль и в решении некоторых сугубо военных вопросов в ходе подготовки к войне. И здесь дилетантское вмешательство «лично товарища Сталина» сыграло свою роковую роль.

Генеральный штаб вооруженных сил (в бытность начальником Генштаба маршала Б.М. Шапошникова) предложил оперативный план развертывания Красной Армии на случай войны на Западе, по которому основные силы сосредоточивались в Белоруссии, прикрывая московское направление. Юго-западное направление по этому плану расценивалось как второе по значению. И.В. Сталин с этим не согласился. Согласно его «мудрым и гениальным» указаниям Гитлер должен был прежде всего обратить свой взор к украинскому хлебу и салу. Оперативный план был в конце концов изменен. После 22 июня 1941 г., когда выяснилось, что главный удар гитлеровского вермахта все-такиначен через Белоруссию на Москву, пришлось срочным порядком и с большими трудностями перебрасывать часть войск с Украины на Западный фронт...

По указаниям И.В. Сталина укрепления на новой границе, установленной в 1939 г., строились из расчета скорого после начала войны наступления Красной Армии. Соображения обороны были учтены далеко не полностью. А укрепления на старой границе были разоружены и частично демонтированы раньше, чем закончилось строительство новых. С началом войны новые укрепления, недостроенные, не занятые войсками, мало помогли нашей армии в приграничном сражении. Не могли помочь в отражении врага и многие из старых разрушенных укрепрайонов. Однако там, где стечением обстоятельств их можно было использовать, они сыграли большую роль в оборонительном сражении первых месяцев войны. (В частности, это относится к Карельскому, Полоцкому, Коростеньскому и Киевскому укрепрайонам.)

этот взгляд на проблему бдительности привел к бессмысленной гибели одного из героев романа – боевого офицера, помощника коменданта г. Лиды капитана Игоря Аникушина.

Трудно, очень трудно выделить, вычленить влияние именно самого по себе «культа личности» в общем процессе подготовки страны к войне. Но в той мере, в какой это возможно, в какой это в том числе смогли сделать и мы в нашем исследовании, надо твердо и уверенно сказать: ничего положительного сам «культ личности» как таковой в подготовку к войне не внес и по своей природе внести не мог. Отрицательное его влияние можно проследить во всем, положительное, увы, не встречается, даже если очень хочешь его найти...

Абсолютная личная власть, «культ личности», неизбежно открывает дорогу авантюризму в политике, связанной с войной, стимулирует такой авантюризм. Человек, который в силу обстоятельств и с собственной помощью стал воплощением «культ личности», неизбежно скатывается на позиции авантюризма в вопросах войны и мира. Из так называемых «сильных личностей» обычно авантюризм лезет, как пух из рваной перины...

Авантюристической была агрессивная внешняя политика Б. Муссолини и А. Гитлера. Но авантюризмом оказалась и система мер И.В. Сталина по так называемому «предотвращению возможных провокаций» относительно фашистской Германии в 1941 г.

В 1940 г. и особенно в первом полугодии 1941 г. И.В. Сталин и соответствующие органы командования Красной Армии чрезвычайно заботились о том, чтобы какое-нибудь военное оборонное мероприятие (особенно в приграничных округах) не послужило бы поводом для немедленной войны с Германией. Однако это были, как говорится, уже «запоздалые хлопоты». Решение о войне уже было принято А. Гитлером. И в какой-то степени способствовал этому сам И.В. Сталин. Репрессии против высшего и среднего командного состава Красной Армии, ряд крупных просчетов в подготовке страны к обороне создали у политических противников СССР иллюзию легкой военной победы в агрессивной войне.

Социально-экономические (общеисторические) преимущества СССР гитлеровский «мозговой штаб» принять в расчет не мог для этого надо было бы овладеть марксизмом, да еще не «марксизмом учебников» – его апологетической вульгаризацией на манер сталинского «Краткого курса», – а подлинно научным, теоретическим, последовательно диалектическим. Поэтому «с[^]ет» шел на формальные, рассматриваемые с узко ГОенской позиции изменения в обороноспособности СССР после 1937 г. А они были не в нашу пользу.

...Попробуем разобраться теперь в наиболее остром и трудном пункте всей истории войны: в проблеме определения ее возможного начала и ее возможного характера.

В своих выступлениях уже после начала войны И.В. Сталин выдвинул два главных оправдания наших неудач в 1941 г.: внезапность нападения и худшее, по сравнению с гитлеровской армией, техническое оснащение. С первым аргументом долго соглашались многие, со вторым – почти все. Мы же склоняемся к мысли, что оба они были выдвинуты только для того, чтобы объяснение неудач Красной Армии было отнесено к комплексу «безды», но не к комплексу «вины». На самом же деле безусловно преобладала вина – вина, конечно, не только лично И.В. Сталина, но прежде всего и главным образом его.

Точнее надо, наверное, сказать, что речь идет о вине «культы личности» как системы социальных отношений, наложившегося на наше общество, деформировавшего его истинную природу.

Современным обществом только тогда можно эффективно управлять, когда это управление в конечном счете носит коллективный характер. Существу социализма и соответствует коллективное управление. Единоличная же власть – форма власти в системе «культы личности» – неизбежно ведет к просчетам. И чем более эта власть абсолютна, тем масштабнее и тяжелее по своим последствиям просчеты.

Власть И.В. Сталина была в полной мере единоличной, хотя при этом и высслушивались какие-то мнения экспертов, консуль-

тантов, специалистов. Мнения эти в значительной мере обесценивались тем, что в обстановке страха, угрозы все эти эксперты и консультанты всегда старались угадать, какого мнения от них ждут. Мемуарная литература с предельной ясностью повествует о том, что возражать И.В. Сталину можно было, только в полной мере рискуя жизнью. Единицы, притом лишь в обстоятельствах чрезвычайных, решались в 1941 г. иметь свое мнение по тому или иному вопросу, а уж тем более – возражать. Эта в корне порочная метода оценки ситуации и принятия решения вела к неизбежности ошибок, причем не мелких, поскольку ошибки соответствовали масштабу принимаемых решений.

В этом и состоит главный и конечный смысл политической оценки действий И.В. Сталина в вопросе определения возможного начала войны.

Понятие внезапности фактически весьма многопланово.

Политической внезапности нападения фашистской Германии не было и в помине. По многочисленным и разнообразным источникам можно было ясно представить себе, что ни для кого в стране война не была полной неожиданностью. Штатские и военные, десятиклассники и почтенные старики, поэты и их читатели ждали войну со дня на день, несмотря на уверения официозной пропаганды о миролюбии Германии и о дружбе с ней. Предсказание неизбежности будущей войны с Германией отнюдь не было уникальным достоянием какого-нибудь одного выдающегося провидца. Предвидение войны было скорее политической повседневностью 1941 г.

Была ли внезапность стратегического характера: знало ли руководство страны и армии о сосредоточении войск на нашей границе и об их возможном предназначении? Знало. Никакой внезапности этого рода тоже не было. Информация была весьма подробной. Она была настолько полной, что вполне можно было определить направления предполагаемых ударов, сроки нападения, можно было даже довольно точно скорректировать план отражения агрессии.

Источники информации о готовившемся нападении были самыми разнообразными. Сотни, если не тысячи самых разных людей – от простых жителей польских городов и местечек, немецких рабочих и солдат вплоть до оставшихся для истории бывшими людьми из ближайшего окружения Гитлера, Геринга, Бормана, Кейтеля – пытались сообщить советскому руководству намерения и дату нападения гитлеровской армии. Все они при этом очень рисковали, и многие жестоко поплатились, пожертвовали жизнью. Но они видели в этом свой долг, требование своих убеждений и своей совести. И все эти попытки предотвратить неожиданность агрессии разбивались о самоуверенность, дилетантство в военных вопросах и лишенную здравого смысла и политического расчета подозрительность одного человека – И.В. Сталина, «гения всех времен и народов».

Только одному «информатору» весной 1941 г. И.В. Сталин поверил сразу, поверил его доверительному письму, его «честному слову» – Адольфу Гитлеру¹¹... Это можно объяснить только тем, что реализовывалось действительно какое-то родство конкретных душ – при всей полярной разнице социальных систем...

Была (да и то частично), таким образом, только оперативная внезапность. Но и она была почти целиком на вине политического руководства страны, командования Красной Армии в целом. Игнорирование разведывательной информации, игнорирование итогов оперативно-стратегической игры января 1941 г., авантюрная «игра с огнем» – с вероятностью нападения, – дух слепого подчинения бумажке, насаждавшийся железной рукой, не могли не дать своих отрицательных результатов.

¹¹ См.: Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 51.

Об отношении И.В. Сталина к разведывательной информации – дилетантски спесивом и хамском – свидетельствует его резюляция на информации, поступившей из министерства авиации Третьего рейха от немецкого антифашиста, советского разведчика Х. Шульце-Бойзена за 6 дней до начала войны. На препроводительной записке рукой Сталина написано: «Г[овари]щу Меркулову. Может, послать ваш «источник» из штаба Герм[анской] авиации к е... матери. Это не «источник», а дезинформатор. И. Ст.» (Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 221).

Официальная информация и установки НКО СССР резко расходились с реальной практикой границы. Командиры дивизий, армий, расположенных в приграничных районах (а фактически и командование округов), были поставлены перед жестким, бескомпромиссным выбором: либо верить фактам (своим наблюдениям, своей развединформации), либо придерживаться указаний «сверху». В пользу директив «сверху» был только один, но чрезвычайно веский аргумент: всем была известна судьба командиров, погибших в 1937–1941 гг. В пользу своей реальной развединформации – военная квалификация командиров, элементарная логика военного дела, политические убеждения коммунистов. Трудно целиком оправдать тех, кто предпочел слепое повиновение, но трудно и безоговорочно обвинять их...

Там, на границе, где командование фактически ориентировалось в первую очередь все же на свои разведданные, а не на директивы «сверху», не получилось у гитлеровской армии и оперативной внезапности: нападения ждали, танковых ударов ждали, налетов авиации ждали... И достойно встретили... Не было такой внезапности на флотах, где по инициативе наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова была обеспечена быстрая и полная боевая готовность. Флот столь же достойно, как и пограничники, как и некоторые соединения армии, встретил агрессию гитлеровской Германии.

Таким образом, формула «внезапности» не только не отражает реального положения, но грубо его искажает. Фактически о внезапности не может быть и речи. «Внезапным» начало войны было представлено лишь И.В. Сталиным – для оправдания собственных просчетов.

Было ли в действительности техническое превосходство вермахта над Красной Армией? Да, частично было. Это было, конечно, относительное, частичное, но никак не абсолютное превосходство.

Не будем возвращаться к уже освещенному нами выше вопросу о том, почему и как именно «культ личности» ответствен

за серьезные просчеты в создании нового вооружения Красной Армии. Попытаемся оценить реально сложившееся к 22 июня 1941 г. положение.

На XVIII съезде ВКП (б) К.Е. Ворошилов в своем выступлении сопоставил огневую мощь стрелкового корпуса (3-х дивизионного состава) вермахта и Красной Армии. Один залп штатной артиллерии стрелкового корпуса по своему весу был у Красной Армии в 1,16 раза больше, чем у вермахта, вес снарядов, выпущенных в 1 минуту, – в 1,37 раза больше, общий вес средств поражения противника (снарядов, мин, ручных гранат, пули), выпускаемых в 1 минуту, – в 1,32 раза больше¹². Аналогичные данные, но уже непосредственно на начало войны приводит военный историк В.А. Анфилов: число выстрелов из штатного стрелкового оружия советской дивизии (в минуту) равнялось 297 460, дивизии вермахта – 250 730¹³.

Советская артиллерия по всем качественным параметрам не только не уступала немецкой, но и заметно превосходила ее. Старые танки Красной Армии были хуже, чем составляющие ударную основу танковых дивизий вермахта Т-III и Т-IV. Зато Т-34 и КВ были значительно лучше танков гитлеровской армии. Аналогично обстояло дело с авиацией. Моторизация вермахта, правда, была существенно выше, что делало выше и мобильность его подразделений. У вермахта была заметно лучше технически оснащена связь. Вот, пожалуй, и все...

Факт, сегодня не вызывающий сомнения: нормально организованные и нормально управляемые кадровые советские дивизии своими средствами успешно боролись с гитлеровскими танками, не говоря уже о пехоте. И таких нормально воевавших советских дивизий было отнюдь не единицы. При своевременной подготовке Красной Армии к началу военных действий, правильном использовании всего арсенала оперативно-тактических средств, нормальном управлении войсками одно лишь некоторое

¹² См.: XVIII съезд ВКП (б). Стенографический отчет. С. 192.

¹³ См.: Анфилов В.А. Начало Великой Отечественной войны. М., 1962. С. 25.

отнюдь не решающее техническое превосходство вермахта никак не могло обернуться трагедией начала войны. Во всяком случае, не это относительное и временное техническое превосходство привело дивизии вермахта в пригороды Москвы, в приречные кварталы Сталинграда...

Только в одном качестве боеготовности армии мы действительно и заметно уступали вермахту: в отмобилизованности армии, степени организации взаимодействия соединений и родов войск, в наличии боевого опыта. Это преимущество весомое, но все же не решающее. За счет этого преимущества можно было выиграть приграничное сражение, несколько операций, но нельзя выиграть войну.

Таковы факты, сейчас легко проверяемые...

Соответственно характеру деятельности в процессе подготовки к войне И.В. Сталин продолжал действовать сравнительно долгое время и в ходе самой войны примерно до конца 1942 – начала 1943 г.

То, что глава государства является Верховным Главнокомандующим в войне, – обыкновенное и нормальное явление. Не сам И.В. Сталин это «изобрел». Функцией Верховного является всегда осуществление высшей политической и стратегической координации, увязка политики и стратегии. И.В. Сталин же пытался полной мерой осуществлять не только законное для его постов политико-стратегическое управление войной, но и самостоятельно решать оперативные (а то и оперативно-тактические) вопросы, то есть целиком взять в свои руки непосредственное руководство военными действиями. Со стороны бывшего семинариста, не имевшего даже пресловутого звания ефрейтора, это было начинание, объяснимое только тем, что он сам первым верил в свою сверхъестественную универсальную и всеобъемлющую гениальность, в свое сверхчеловеческое происхождение и предназначение...

Ценой недостаточной компетентности И.В. Сталина в оперативных вопросах были сотни тысяч человеческих жизней, серьезные поражения Красной Армии в 1941–1942 гг.

Сколько-нибудь полно перечислить личные просчеты И.В. Сталина непосредственно в руководстве войной в 1941–1942 гг. до сих пор все еще трудно, ибо пока отсутствует информация должной полноты. Однако и то, что достоверно уже известно (в частности, те просчеты, о которых пишет Д.А. Волкогонов), позволяет сделать весьма неутешительные выводы. Ошибиться мог кто угодно: ошибиться мог И.В. Сталин, ошибался Г.К. Жуков, ошибался А.М. Василевский, от ошибок не застрахован ни один политический и военный руководитель. Но природа ошибок бывает разной. В данном случае речь идет об ошибках, порожденных соответствующим «культу личности» методом принятия решений, об ошибках, закономерных «культовых» отношений.

В том, что с конца 1942 г. И.В. Сталин стал осторожнее предлагать и навязывать свои решения в оперативных вопросах управления войной, проявилось отнюдь не обретение им каких-либо новых его личных достоинств. Так поступать заставили обстоятельства. И не случайно ближе к концу войны он (и все чаще и чаще) стал снова вмешиваться в решение оперативных вопросов: например, вопреки мнению военных потребовал в конце 1944 г. немедленного штурма Будапешта (что привело к значительной затяжке боев и значительному росту потерь), взял на себя лично координацию взаимодействия 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов в Берлинской операции (вместо того, чтобы, не производя сомнительную рокировку командующих, поручить общую координацию операции лучше знавшему конкретную обстановку на этом театре военных действий Г.К. Жукову), скрыл от своего заместителя Г.К. Жукова проводившиеся в зоне его фронта поиски, обнаружение и идентификацию трупа А. Гитлера¹⁴.

И.В. Сталин не мог не понимать большей эффективности коллегиального принятия решений, не мог не понимать причин невысокого качества управления войсками, причин просчетов в создании новой военной техники и т.п. Версия о том,

¹⁴ Об этом свидетельствует тогда военный переводчик, а ныне писательница Е.М. Ржевская (В тот день, поздней осенью // Знамя. 1986. № 12. С. 163–165).

что И.В. Сталин «не ведал, что творил», самая неубедительная из всех возможных версий Весьма любопытно здесь свидетельство маршала И.С. Конева, в сентябре 1941 г. – командующего Западным фронтом.

Когда стало ясно, что в результате просчетов в решении оперативных вопросов (в первую очередь самого И.В. Сталина) предотвратить операцию вермахта «Тайфун» не удалось, не удалось удержать оборону и избежать крупного поражения наших войск, и И.С. Конев доложил об этом И.В. Сталину по телефону, И.В. Сталин неожиданно, на какое-то короткое время потеряв контроль над собой (как уже было после подсчета голосов при выборах центральных органов партии на XVII съезде, как было в первые дни после начала войны и т.п.), вдруг закричал в трубку: «Товарищ Сталин не изменник. Товарищ Сталин не предатель. Товарищ Сталин честный человек. Товарищ Сталин сделает все, чтобы исправить создавшееся положение»¹⁵. Эпизод этот ясно показывает, что меру своей личной ответственности за неудачи 1941 г. И.В. Сталин все-таки понимал...

В противоречии с социальными принципами колlettivизма строилась в годы войны проводившаяся по прямым указаниям И.В. Сталина линия на политическое недоверие тем, кто был в окружении, тем, кто попал в плен, тем, кто вообще находился на оккупированной территории, и т.п.¹⁶. Уже в годы войны (в том числе и в армии) имела место и дискриминация по националь-

¹⁵ Знамя. 1987. № 12. С. 100.

¹⁶ Об отношении к попавшим в плен бойцам Красной Армии написано уже много, и мы не будем повторять общезвестного. Сходное отношение к пленным было только в феодально-империалистической Японии. Что касается прошедших окружение, то тут известно меньше. Существовали специальные проверочные лагеря в прифронтовой зоне для прошедших окружение (автор, вышедший из окружения в группе, в форме и с оружием, прошел сам проверку в таком лагере на Юго-Западном фронте в 1941 г.). Летом 1942 г., когда гитлеровская армия уже двигалась к Дону и Сталинграду, последовал еще и приказ Верховного Главнокомандующего о демобилизации из армии тех, кто в 1941 г. был в окружении. Вместе с большой группой сержантов и красноармейцев автор был демобилизован из армии (из запасного полка в г. Зестафони Грузинской ССР, куда бывшие окруженцы Юго-Западного и Южного фронтов попали из госпиталей г. Кутаиси и др.). Через горящий Сталинград, по горящей Волге автор в компании других демобилизованных по этому же приказу ехал в июле – августе 1942 г. ...для прохождения учебы в г. Москву. Правда, вскоре этот приказ был отменен, но дух недоверия, распространявшийся «сверху», он характеризовал очень точно.

ным признакам. В действующих частях к указаниям «сверху» на этот счет, как правило, относились весьма прохладно, но представители Смерш требовали последовательного выполнения соответствующих распоряжений высших инстанций.

Если бы не разгром комсостава Красной Армии в 1937–1938 гг., если бы не грубейшие просчеты в ее перевооружении, если бы не негативные хозяйствственные, военные, политические, нравственные последствия установления личной неограниченной власти И.В. Сталина, возможно, что война (во всяком случае в 1941 г.) обошла бы нашу страну. Не исключена была, конечно, в перспективе вероятность того, что нашей стране самой бы пришлось потом вступить в войну на стороне антигитлеровской коалиции, но тогда это была бы другая армия и другая война... Вряд ли могло бы при этом произойти все то, что произошло в июне 1941 г...

Если бы не просчеты, обусловленные именно «культом личности», режимом личной абсолютной власти, даже та армия и тот комсостав, который реально был у нас в июне 1941 г., воевали бы совершенно в других условиях. Потери людей, территории, ресурсов были бы несравненно меньше.

По мнению многих военных специалистов (в том числе и А.М. Василевского), по почти единодушному мнению весьма широкого круга красноармейцев, сержантов, офицеров, генералов, служивших до войны в кадрах и встретивших войну в ее первые дни на границе (с многими из которых автору довелось беседовать еще в 1941 г. на Юго-Западном фронте, в госпиталях зимой 1941–1942 гг. и в запасных полках в 1941 г., а также после войны), если бы не просчет И.В. Сталина в оценке начала войны, Красная Армия отступила бы, скорее всего, не дальше старой границы, может быть, не дальше Днепра. (Старая граница или Днепр – таков весь очень небольшой диапазон расхождений в оценках.)

Если бы не ошибки И. В. Сталина, наши потери в людях 1941–1942 гг. (только в армии, не считая гражданского населения) были бы, как минимум, примерно в 2, а может быть, и в 3

раза меньше (прежде всего за счет меньших потерь пленными, однако и потери убитыми, особенно в 1941–1942 гг., при лобовых штурмах укреплений без должной огневой подготовки, были бы много меньше). Существенно ниже, конечно, были бы и потери гражданского населения. Соответственно был бы значительно меньше материальный урон.

Отечественная война 1941–1945 гг. имеет свои особенности: все войны неповторимы. Самая мрачная особенность этой войны – у победителя оказалось несравненно больше человеческих жертв, чем у побежденного.,.

Не надо, конечно, трактовать поведение И.В. Сталина при подготовке к войне и во время самой войны как вульгарное злоумышление. Таковым оно не было и быть не могло.

И В. Сталин на всех тех постах, которые он занимал в годы войны делал, конечно, что мог для нашей победы. Но он сделал то, чего при своих должностях на всех своих постах не мог не сделать. Его ошибки и просчеты были обусловлены не столько изъянами в его личных способностях (хотя, конечно, они были), но прежде всего той системой – системой «культа личности», – во главе которой ему удалось себя самого поставить, которую он всеми силами и любыми жертвами поддерживал, сберегал, совершенствовал. Трудно гадать «если бы...» по поводу уже реально состоявшейся истории. Капиталистическое окружение при любых допущениях оставалось, а вместе с ним оставалась и опасность войны, ее высокая вероятность. Но что «культ личности» в определенном смысле «подыграл» этой вероятности, что он фактически не только облегчил агрессору развязывание войны, серьезно просчитавшись при этом в подготовке страны к войне, серьезно снизил наши шансы на победу, что он уже в ходе войны в той или иной форме самой своей природой мешал нашей армии и нашему народу добиваться победы, в этом нет и не может быть сомнения.

Надо специально остановиться на попытках оправдания просчетов И.В. Сталина тем, что армия шла в бой с лозунгом: «За Родину! За Сталина!»

В условиях культа И.В. Сталина вполне закономерным было отождествление Отечества и личности, персонифицировавшей «культ» вождя. Сам по себе призыв «За Родину! За Сталина!» больше абсолютно ни о чем не говорит. Он и в реальной практике отнюдь не был столь универсально-безусловным, столь всеобщим, как это хотелось бы нынешним апологетам И.В. Сталина. И.В. Сталин как конкретная личность здесь ни при чем – хорош он был или плох. Речь идет лишь о чисто политическом по своей природе комплексе замещения: лицо, персонифицировавшее «культ», становится синонимом Отечества, Родины. Так было не раз в истории, так было и в этот раз...

Кстати сказать, в апологетической биографии И.В. Сталина, им самим отредактированной, упомянутый выше известный призыв излагается уже так: «За Сталина! За Родину!»¹⁷ Смерть от избытка скромности Сталину никогда не грозила...

При всем том, как это и свойственно «культу личности», который И.В. Stalin олицетворял, были налицо настойчивые усилия, все победы приписать самому И.В. Сталину непосредственно. «Великий вождь всех времен и народов» испытывал, увы, элементарную зависть к своим полководцам¹⁸. То, что «культовое» сознание масс, помноженное на отсутствие какой-либо информации о том, кем и как в действительности решались высшие вопросы руководства войной, в определенной мере отождествляло победу с И.В. Сталиным, было использовано творцами «культовой» идеологии и мифологии полной мерой. Десяти крупным операциям 1944 г. присвоили (без каких-либо оснований) название «10 сталинских ударов», И.В. Сталину было присвоено звание «генералиссимус» и т.д. и т.п. Причем и до

¹⁷ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1947. С. 240.

¹⁸ См.: Военно-исторический журнал. 1987. № 10. С. 59, 63.

последнего времени в искусстве и художественной литературе эта тенденция отнюдь еще себя не изжила¹⁹.

Порождали ли «культовые» отношения прямое сопротивление? Мы полагаем, что да, хотя формы этого сопротивления и тут менялись в соответствии с конкретной социальной ситуацией.

Основным «фронтом» этого сопротивления было антагонистическое столкновение двух форм ведении войны: народной (коллективистской) формы и «культурой». Это столкновение пока, увы, исследовано преимущественно в художественной форме. Глубоких исторических исследований этого столкновения пока, как мы считаем, нет.

Другая форма сопротивления, так сказать, «генеральская».

Истории известны реальные факты такого сопротивления «культурным» условиям: фактическое неповинование, скрытое под безусловной (по стойке «смирно!») исполнительностью. Именно так вели себя, к примеру, Н.Г. Кузнецов – нарком военно-морского флота, М.В. Захаров – к началу войны генерал-майор, начальник штаба Одесского военного округа. В рамках формального выполнения официальных указаний по инициативе Н.Г. Кузнецова на флоте была построена система ступенчатой оперативной готовности, позволившая флоту встретить начало войны в состоянии полной отмобилизованности. Относительно лучше других к началу войны оказались подготовленными вой-

¹⁹ В художественной литературе уже нашего времени есть два наиболее четко прорисованных (а можно сказать, и два полярно противоположных) изображения характера действий И.В. Сталина в войне: в романах И.Ф. Стаднюка «Война» и «Москва, 1941-й» и в уже упоминавшемся ранее романе В.О. Богомолова «В августе сорок четвертого...» – одном из лучших исследований в художественной форме проблем «культы личности» и войны, «культы личности» и советского народа, появившемся на свет еще в 1974 г.

И.Ф. Стаднюк изображает И.В. Сталина так, как будто бы он был только руководителем-организатором высокого ранга, но никак не являлся при этом еще и лицом, которое воплощало в своей особе «культу личности».

В отличие от И.Ф. Стаднюка В.О. Богомолов сумел показать органическое соединение в И.В. Сталине и способностей организатора, и персонификации «культы», сумел показать непримиримо противоречивое столкновение этих сторон в самой личности И.В. Сталина как отражение их столкновения в жизни общегумативную роль «культы личности» в войне.

ска Одесского военного округа. Во многом благодаря личной инициативе М.В. Захарова.

Ни один из этих вариантов поведения высших военных (со всеми возможными и реально имевшими место последствиями) не может быть назван оптимальным с точки зрения пользы дела, с точки зрения судеб войны, поскольку ни один из них не обеспечивал целиком компетентного, разумного, трезвого, всестороннего обсуждения ситуации, коллективно принятых решений, то есть условий сведения возможных ошибок к минимуму. В самом лучшем случае имело место лишь «наименьшее зло»... В том-то и состояла сущностная порочность «культы личности» – культуры И.В. Сталина – для управления войной. Эта порочность вытекала не из случайного, а из закономерного, не из личностных, психологических особенностей И.В. Сталина, а из природы феномена, именуемого «культурой личности».

...Такова была логика в самых общих чертах, логика и эффективность действия – в соответствии со своей социальной природой – «культы личности» в условиях войны. В ходе войны все негативное в «культуре» проявило себя самой полной мерой. А позитивного, как окончательно выяснилось, в нем ничего нет. Чрезвычайные (экстремальные) условия войны сконцентрировали и «выплеснули» на нас всех – наше общество(), наш социально-экономический строй, нашу историю, наши личные судьбы – все самое негативное, что неизбежно и обязательно по самой своей природе, своей сути содержит в себе «культ личности». Поняли яго мы не все, не сразу, не всё, – но не могли, в конце концов, не понять...

...Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. одержал коллективистский общественный строй, советский народ, новый во многом по духу советский человек. «Культ личности» нашей победе не способствовал. Он ей мешал...

8.3. КРИЗИС «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ИТОГОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

...В романе К- М. Симонова «Солдатами не рождаются» есть место, где вновь назначенный командир батальона Иван Синцов ждет в траншее конца артподготовки, чтобы начать атаку немецких позиций. Он смотрит и думает – о войне и о себе. Стой этих мыслей отражает и чем-то подытоживает наши общие солдатские размышления на войне и о войне. В этих мыслях много такого, что потом далеко вышло за пределы только самой войны, что не осталось в братских могилах с нашими мертвыми, а пришло с нами, живыми, с войны и во многом обозначало характер нашего осмыслиения всего прожитого нашим обществом прошлого.

«У меня лопается голова, когда бывает время думать над тем, как все это могло случиться. Значит, что-то было не так еще до войны, и не я один об этом думаю, а думают почти все...

Ведь не просто из-за нескольких генералов все это вышло. Кто-то еще раньше был виноват во всем этом.

И я бы хотел знать кто. Если не сейчас, то хотя бы после войны. И может быть, поэтому я и не хочу, чтобы после войны все было, как было»²⁰.

Это рассуждение Ивана Синцова весьма типично, хотя такие рассуждения не всегда, конечно, были столь четкими. То, о чем размышляет Синцов, – обобщенное содержание систематических, постоянных солдатских разговоров на всем протяжении войны. (Автор здесь вполне уверен о том, что об этом свидетельствовать.)

Мысли Ивана Синцова, отразившие в себе умонастроение миллионов, можно рассматривать как своего рода мостик, соединяющий войну и послевоенный период.

²⁰ Симонов К.М. Живые и мертвые. Кн. 2. Солдатами не рождаются//Собрание сочинений. В 10 т. М., 1981. Т. 5. С. 267, 268

Отечественная война вызвала колоссальный сдвиг в судьбах, а потому и в умах людей. В нашей литературе – исторической и художественной – сдвиг в умах как следствие войны 1914–1918 гг., а затем гражданской войны в России обрисован обстоятельно и разнообразно. Этого пока не скажешь о войне 1941–1945 гг. Достаточно полного, объемного и разностороннего отражения тех изменений, которое претерпело общее сознание людей в СССР, наше собственное личное социальное самосознание в результате войны 1941–1945 гг., в литературе – и научной, и художественной, – по нашему мнению, пока все еще нет.

Если сопоставлять политические системы двух воюющих сторон – СССР и Германии, то можно прийти к парадоксальному выводу: одна авторитарная система одержала победу над другой, не менее (но и не более) авторитарной. Однако за внешне сходными политическими структурами стояли две в конечном счете противоположные социальные (формационные) системы.

Сталинский авторитаризм вынужден был опираться на коллективизм масс и на демократическую (общечеловеческую) концепцию целей войны. Авторитарная по своей организации система фактически вынуждена была бороться в конечном счете против авторитаризма как принципа, бороться за свободу и демократию, отвергающие авторитаризм. И это очевидное внутреннее противоречие, пронизывающее умонастроение масс в войну, стало определяющим и для послевоенного развития.

Изменения в общественном сознании в итоге войны были сложны и многоплановы. Кратко их можно было бы обозначить как кризис «культа личности», кризис «культового» сознания. Внешне, казалось бы, «культ личности» чрезвычайно укрепился: со всех углов и стен смотрел на нас после 1945 г. мужественный облик не только теперь «величайшего гения всех времен и народов», но и «величайшего полководца» этих же времен и тех же народов – генералиссимуса Иосифа Сталина. Но на самом деле «культ личности» оказался в ситуации жестокого кризиса, поскольку логикой развития общества, логикой развития социаль-

ного самосознания советских людей оказался в антагонистическом противоречии с отчетливо проявившейся в войну коллективистской природой нашего общественного строя, оказался в состоянии конфликта с общественным бытием и общественным сознанием всего человечества.

Война ясно показала, что у человечества впереди общая судьба – общая борьба с угрозой уничтожения и угрозой порабощения. В одиночку, противопоставляя себя, свой «государственный остров» всему остальному миру, на какой бы идеологической основе ни предпринималась попытка возродить идеологию авторитарности и изоляционизма, ни один народ не смог бы в перспективе решить задачи выживания и процветания, поставленные ходом истории во главу угла во второй половине XX в. Можно было расходиться по множеству самых серьезных пунктов, но чтобы выжить, чтобы жить достойно, нужно было все расхождения и разногласия все же «вместить» в идею целостности человечества, его общности, его единства. Это сознание единства человечества потребовало качественного углубления понимания и качественного повышения действенности не декларативного, не номинального, а подлинного интернационализма.

Делать из интернационализма прикрытие гегемонизма (на чем в той или иной форме основывается всякий «культ») после войны 1941–1945 гг. было все труднее, а в конце концов и вовсе стало невозможно. К идее интернационализма должно было вернуться ее прежнее, истинно коллективистское содержание. Урок истории поворачивал человечество к подлинному интернационализму (и поворот этот с огромным трудом, со срывами, преодолевая ожесточенное сопротивление, шел, идет, длится до сих пор), тогда как «культ» основывается всегда фактически на идее исключительности – судьбы, расы, нации, народа, культуры, государства, исторической миссии, то есть на идее гегемонизма.

Война, с другой стороны, ясно и отчетливо показала меру высокой значимости для истории каждого индивидуального усилия, свободной воли и осознанного поступка каждой отдель-

ной личности. Идея бессловесного и беззаветного исполнения – «винтика», – которому разрешались только возглас «Ура! За... (имярек)!..» и нескончаемые бурные овации, причем только стоя... была радикально подорвана (если не вовсе разрушена) войной, сопротивлением оккупантам, творческим трудом в тылу. Войну не могли бы выиграть слепые исполнители воли вождя (они-то как раз ее в меру своих усилий проигрывали). Победу в войне могли одержать только те, кто считал, что они сами лично и самостоятельно отвечают за всю войну, всю историю, всю планету. Литература и кино всех стран показали – документально и в художественных образах – целую плеяду таких героев гуманистического подвига.

Такой индивид должен был все сам знать, во всем сам разобраться. Формула «...вождь указывает путь!..» ему больше не годилась. Она не только уже не была нужна, но и мешала. Свой маневр и свой путь он уже мог осмыслить сам. Однако «культ» основывался именно на этой формуле – на добровольно принятой каждым роли «винтика», бессловесного «ведомого»...

Советский человек, принеся неисчислимые жертвы, выиграл войну. Даже И.В. Сталин вынужден был публично это признать. Советский человек был, может быть, согласен простить своим руководителям их ошибки, но при этом он утверждался в своем сознании и чувстве «хозяина» страны, общества, своей истории. Он был готов трудиться, восстанавливая разрушенное столь же героически, как и воевал, готов был на жертвы, но помыкать и командовать собой он уже не мог позволить кому бы то ни было. И трескотня чисто словесных демагогических комплиментов уже не в состоянии была затемнить ему разум...

Война показала и советскому народу – пусть на примере прежде всего А. Гитлера, Б. Муссолини – всю внутреннюю гнильность, всю органическую безнравственность, всю античеловечность режима абсолютной личной диктатуры, режима корыстного ограничения гласности и демократизма. В глазах широкой массы людей вознесение непомерно высоко «вождя» стало при-

знаком лишь неограниченной личной диктатуры с ее внутренней бесчеловечностью, бесплодным субъективизмом, гнилью нравов, политической несостоятельностью. Сложились предпосылки коренного изменения критериев оценки и системы власти, и личности руководителя... Теперь людям хотелось видеть и слышать истинные, проверяемые доказательства общественной природы руководящих намерений, их научной обоснованности, доказательства наличия реальной компетентности, реальной авторитетности... Голая авторитарность больше не могла уже выступать главным критерием истинной авторитетности. Открылась эпоха умирания «живых богов»...

Наконец, война очень убедительно показала, что за самыми красивыми и высокими словесными построениями может оказаться пустота, а то и гниль. Отныне только на уровне Слова нельзя было претендовать на истину в последующей инстанции Дела. Последней инстанцией истины теперь все чаще принималось непосредственно само Дело. Неприятие слов, не подкрепленных делом, стало всеобщим. Критика враждебного общественного строя с помощью одной только браны не выглядела теперь столь уж убедительной: нужно было и критиковать делом – показом реальных преимуществ своих общественных отношений.

Конечно, весь этот поворот сознания – целая эпоха, фактически далеко не завершившаяся еще и до сих пор. Конечно, в 1945 г. этот поворот в умах человечества только еще наметился, только обозначился... Но как при всяком необратимом сдвиге, что-то уже соскочило, что-то хрюнуло, что-то стало ползти... Мир переменился – и в этом начавшем изменяться и продолжающем меняться мире жизненное пространство «культа личности» стало постепенно, мало-помалу, но неотвратимо скучоживаться, сокращаться...

...Пусть историки еще только в будущем смогут достаточно полно выделить документальную и фактологическую сторону этого поворота... Для автора – социального философа – уже в ходе самой войны стало очевидным коренное изменение челове-

ка после войны. Потом это изменение шло на глазах нашего поколения и с его активным участием...

ческого существования, развития образования, здравоохранения, культуры... На все эти процессы «культ личности» продолжал накладывать свой отпечаток, вносить в них свой дух волонтеризма, дилетантизма, пренебрежения к жизни, личности и достоинству человека.

...Нашей задачей является стремление на фоне всех послевоенных событий проследить, что же происходило именно с «культом личности» как таковым, что представляет собой эволюция «культы» в условиях свершившегося и продолжавшегося развертываться поворота в общественном сознании, в социальном самосознании не только общества, но и отдельного человека?

Специфическим свойством «культы личности» является его органическая сущностная консервативность. «Культ» по самой природе своей, с одной стороны, не хочет признавать закономерных, объективно обусловленных изменений, ибо «культ» доводит до абсолюта и даже абсурда именно субъективное, волевое начало. С другой – «культ» согласно своей природе боится, избегает каких-либо изменений, ибо в любом изменении видит (и не без оснований) угрозу себе. Не в малой степени этот консерватизм и обрекает «культ личности» рано или поздно на поражение, ибо общество и составляющие его люди, наоборот, неизбежно и закономерно развиваются, изменяются, совершенствуются. Общество в конце концов перерастает «культ». Меняются задачи и проблемы, которые должно решать общество социалистической тенденции развития. Эти новые проблемы требуют нового человека – более знающего, более ответственного, в том числе полной мерой ответственного перед самим собой, более творческого, а значит, и более информированного, ничего не берущего на веру... Тайна оказывается для этого развившегося и развивающегося общества нефункциональной, помехой развитию; вера оказывается несостоятельной как способ осмысливания мира в условиях, когда каждый раз и на каждом шагу надо

каждому заново оценивать ситуацию и принимать на все более высоком уровне все более сложные и ответственные решения; авторитет оказывается невозможным закрепить неким священномействием раз навсегда, а нужно непрерывно подтверждать его все новыми и новыми реальными делами.

После войны «культ» столкнулся с неодолимым и одновременно неуловимым противником: те практические дела, которые надо было решать, подталкивали к отрицающим «культ» идеям, к отрицанию его устоев в умонастроении масс, к набирающему силу истинно коллектиристскому и гуманистическому мировоззрению. Этого грозного джинна нельзя было загнать на Колыму, нельзя было уговорить вернуться назад в сбоя уютную бутылочку...

Не случайно несколько позже, в начале 50-х годов, зарубежные исследователи советского общества специально подчеркивали, что сама идеология социализма, как бы ее ни пытались деформировать и вульгаризировать «культ личности», медленно, но верно подмывает устой «культта», формирует в конце концов окончательное его неприятие²¹.

«Культ личности», культ И.В. Сталина оказался после войны, таким образом, в критическом для себя положении. Вся его машина самосохранения была создана и была эффективна против людей – против идей. «Культ» находил для себя истинных или мнимых противников и в борьбе с ними сам набирал силу. То это были люди – противники «культта» как системы, то противники «великого вождя» лично, то противники маленьких «вождей» второго, третьего и даже четвертого уровней, то это были носители таких идей, которые в конце концов содержали в себе антикультурский потенциал (как его, например, содержала любая наука), то это были люди науки, поскольку они профессионально должны были владеть методом опровержения заблуж-

²¹ Весьма типичной, например, в этом отношении была книга: Гофман, Вернер. Куда идет Советская экономика? М., 1956. (В ФРГ книга была издана в 1955 г. Мюнхенским институтом по изучению Восточной Европы.)

ждений и нахождения истины, то это и вовсе были люди, которые хотя бы потенциально могли бы стать в позицию, враждебную «культу». Во всех этих вариантах «культ» утверждал себя не только идеологическими «походами», но и обязательно репрессиями против людей, физическим уничтожением реальных или потенциальных оппонентов.

Одних уничтожали сразу, других тоже уничтожали, но не сразу, третьих «изолировали» просто на всякий случай, четвертых сажали только затем, чтобы в должной мере устрашать оставшихся, в самом зародыше подавить у них самую мысль о каком-либо неповиновении... И хотя – а именно это все еще было главным – изрядная часть людей пока еще продолжала в качестве средства реализации светской формы религиозного сознания превозносить «великого гения всех времен и народов» все его начинания, но теперь уже нужны были для этого какие-то новые, конкретные, масштабные, позитивные, созидательные начинания, факты, действия. Великая идея Октябрьской революции, начертанная даже в букварях для школьников: «Мы – не рабы! Рабы – не мы!» – набирала силу и теперь становилась реальной угрозой «культуре личности».

Поэтому в политике «культта» после войны произошли серьезные изменения.

В экономической политике был осуществлен набор реальных действий (или имитации таких действий), рассчитанных на внешний эффект не в меньшей степени, чем на свое реальное содержание. Регулярно снижались цены (отправляясь от непомерно завышенного их уровня в 1946 г. в ходе отмены карточной системы и при острейшем дефиците в народном хозяйстве самых элементарных продовольственных и промышленных товаров), волна за волной накатывались объявленные с грандиозной помпезностью «великие сталинские стройки коммунизма»: очередная крупная гидростанция, грандиозный канал, тысячекилометровые лесные полосы и т.д. и т.п.

Вся эта крупномасштабная кампания по имитации великих экономических начинаний шла на фоне, во-первых, фактически не изменившихся, малоэффективных в конечном счете принципов экономической политики, во-вторых, на фоне грандиозных идеологических «походов», направленных на одну лишь цель: остановить новое, противокультовое умонастроение, подавить его, заместить его какими-нибудь суррогатами... Не случайно в это время на фоне обычных текущих, будничных мероприятий по улучшению, повышению эффективности идеологической работы выделяется невероятно большое число самых разных, очень шумных и порой очень жестоких идеологических кампаний, представлявших собой настоящие «охоты за ведьмами».

В экономической политике «культового» характера после войны не было изобретено ничего нового. Продолжалась жесточайшая перекачка средств из сельского хозяйства в промышленность. Сельское хозяйство, несколько поправившееся в последние предвоенные годы (1937–1940 гг.), вновь оказалось в состоянии предельного упадка. Особенно тяжелым было положение в Российском Нечерноземье. Понадобились меры глубокого жесткого внеэкономического принуждения (уголовное наказание в том случае, если не был выработан минимум трудодней, ужесточение запрета на выдачу паспортов жителям села и т.п.), чтобы хоть как-то поддерживать ведение общественного хозяйства. В большинстве колхозов это хозяйство превратилось в своего рода цех государственной сферы производства, продолжая名义ально числиться кооперативным. Эффективность его была очень низка. Крестьянин должен был отработать свой минимум трудодней, чтобы получить право пользоваться приусадебным участком и держать скот в личном пользовании, причем и тут он должен был, кроме натуральных поставок, большую часть продукта продать на рынке, чтобы иметь возможность уплатить высокий денежный налог, взыскивавшийся мерами жесткого принуждения. Право иметь приусадебный участок и было своеоб-

разной формой возмещения за труд в общественном хозяйстве, формой превращенной «оплаты труда».

Управление экономикой осуществлялось по уже выработанному в предвоенные годы и усовершенствованному во время войны алгоритму «административно-командной системы». Однако возраставшие масштабы экономики и ее сложности, повышение роли НТП в экономическом процессе фактически сделали эту административно-командную систему уже в конце 40-х годов весьма неэффективной. Консерватизм «культа» проявился и здесь – в стремлении саму систему оставить незыблемой, но попытаться чем-то компенсировать ее низкую эффективность. Попытки повысить ее функциональные возможности осуществлялись испытанным для «культа» путем: методом наращивания числа лиц, занятых в управлении, повышением сложности управляющей системы, нагнетанием инструкций и запретов. Фактически же все это вело только к опережающему росту эффекта бюрократии, нарастанию неизбежных элементов субъективизма в управлении, к нарастающему разбалансированию экономики.

На этом-то фоне нарастающих экономических сложностей и трудностей и развертывалась ожесточённая борьба «культа» против нового общественного самосознания.

Сам И.В. Сталин был уже стар, нездоров. Сильнейший склероз делал его очередные «начинания» совершенно непредсказуемыми и зачастую лишал последних остатков логики. Склероз усугублял все его и без того страшные негативные личностные качества. В этой обстановке все более чудовищными, жестокими и отчаянными выступали «начинания» его помощников. То это была очередная «инициатива» А.А. Жданова, то Г.М. Маленкова, то Л.П. Берии, то М.А. Суслова... Каждый из них по-своему, на свой лад (и каждый обязательно к своей персональной выгоде) пытался «подпереть» нараставшую неустойчивость здания «культа личности», найти каких-то конкретных виновников идейных «шатаний», найти какую-то панацею, которая бы разом исцелила неотвратимо разрушавшийся абсолютизм. Во всех этих

«кампаниях» можно, конечно, найти и известную систему, но явственно проступала еще и простая суетливость, беспорядочность, при обязательной жестокости...

Особенно важное (может быть, центральное) значение имел поход против интернационализма под самым различным прикрытием: борьбы с «низкопоклонством перед Западом», борьбы с космополитизмом, репрессий против «плохих» народов, разоблачением «врачей-убийц». Направление всех этих походов было однозначным: подмена интернационализма национализмом и шовинизмом.

Надо отметить, что хотя попытка подменить марксизм-ленинизм национализмом и шовинизмом не слишком удалась, однако она не могла пройти бесследно. Оживилась не забытая со времен царской России национальная рознь. Под флагом борьбы с космополитизмом были разгромлены многие научные школы в Московском, Ленинградском, Киевском университетах... Бесплодные, как сапожные щетки, карьеристы от науки использовали эту кампанию, чтобы занять место изгнанных крупных ученых. Обвинения были настолько невнятны, неопределенны и расплывчаты, что позволяли преследовать любого неугодного, независимо от его пола, возраста и далее национальности. (Автор, будучи в те годы студентом, наблюдал поход агрессивной сталинской серости против выдающихся ученых на экономическом факультете МГУ: изгнание профессора Л.А. Мендельсона и члена-корреспонден-та АН СССР К.А. Пажитнова, профессора Е.Л. Гра-минского и доцента А.А. Пальцева... Возглавляли .ми поход люди, от которых след остался не столько и науке, сколько в скандальной политической, а то и молукриминальной хронике: доцент И.И. Козодоев, доцент И.И. Захаров, доцент А.В. Санина и другие. ()чеи активны были некоторые аспиранты, на волне борьбы «с чужими влияниями» нахватавшие ученые звания и солидные портфели... «Технологию» такого типа идеологических «походов» того времени очень точно описали Ю.В. Трифонов в «Доме на Набережной», Б.Д. Дудинцев в «Белых одеждах».)

Идеологические кампании «по искоренению» сыпались как из рога изобилия. То это были постановления ЦК ВКП (б) (например, «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26. 08. 1946 г., «О кинофильме «Большая жизнь» от 4. 09. 1948 г. и т.п.), то редакционные статьи газет «Правда», «Культура и жизнь», «За прочный мир, за народную демократию», доносительские и разгромные статьи о художественных или научных произведениях (вроде статьи в «Правде» от 13 февраля 1953 г. М. Бубеннова «О романе В. Гроссмана «За правое дело» или там же 27 мая 1954 г. статья В. Кочетова «Какие это времена?» по поводу романа В. Панонской «Времена года»); то статья в «Правде» от 13 января 1953 г. Ф. Константина «Схоластика вместо науки» об автореферате докторской диссертации С.Б. Церетели «К марксистско-ленинскому пониманию логического»; то статья в «Правде» от 16 января 1953 г. 10. А. Жданова «Против субъективистских извращений в естествознании», направленная против физиологов Л.А. Орбели, И.С. Беритова, П.К. Анохина и ряда советских и зарубежных физиков, химиков, и др.

...И это, конечно, куда как полный перечень... Сталинские руководители «идеологического фронта», при его собственном посильном участии, вели отчаянную и ожесточенную борьбу (оргвыводы, а то и просто физические расправы шли рука об руку с собственно идеологическими акциями) за сохранение «культа» и тесно связанных с ним своих собственных привилегий.

Хотя основным фронтом борьбы «культа» за свое существование вынужденно стал фронт идей, в тесной связи с идеологическим наступлением полным ходом продолжал работать прежний репрессивный аппарат. Репрессировали вейсманистов-морганистов, космополитов и многих, многих других. В итоге вернули в 1949 г. в лагеря и ссылку почти всех тех, кто в 1937–1938 гг. был репрессирован и либо отбыл свой срок, либо был освобожден в связи с участием в войне и т.п., множество людей было репрессировано по так называемому «ленинградскому делу», сфабрикованному Г.М. Маленковым и Л.П. Берией в 1949 г.

...Если попытаться во всех этих судорожных метаниях идеологического и репрессивного аппаратов «культа личности» найти какой-то единый стержень, то таким стержнем могла быть только борьба с новым уровнем общественного самосознания, новым уровнем самооценки своего места в обществе, новым пониманием своего человеческого достоинства, новым пониманием интернационализма. Новому подходу широких масс людей к оценке общественной ситуации, к личностной самооценке, к пониманию своего места в обществе и пытался дать бой «культ личности» на последних рубежах своего сопротивления: дальше отступать ему (от самого себя) было некуда...

...Кульминацией и логическим завершением этих (по существу своему арьергардных) боев «культа» за сохранение своего места и своей роли в общественной жизни было так называемое «дело врачей».

Событийная сторона этого «дела» элементарно проста. По прямому требованию И.В. Сталина и по доносу то ли провокатора, то ли психически неуравновешенного человека – врача 4-го управления Минздрава СССР Л.Ф. Тимашук – была арестована большая группа ученых-медиков по обвинению в неправильных методах лечения руководящих работников государства. В составе этой группы (тех, кто был назван в официальном сообщении в январе 1953 г.) было несколько лиц еврейской национальности (фактически меньше половины), а остальные – русские и украинцы. Было состряпано (под руководством начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР М.Д. Рюмина, получавшего инструкции непосредственно от И.В. Сталина) насквозь фальсифицированное дело по обвинению арестованных во вредительской, террористической и шпионской деятельности. Медицинско-экспертная комиссия, поддавшись давлению следствия и обстановке всеобщего страха, располагая лишь тенденциозно подобранный информацией, подтвердила фальсифицированное обвинение, данные которого были получены «путем применения недопустимых и строжайше

запрещенных советскими законами приемов следствия» (Правда. 1953. 4 апр.)²².

«Дело врачей» (его, так сказать, «сюжетная сторона») было использовано для очень широкой идеологической кампании. В ней-то и выступили на поверхность истинные глубинные и идеологические мотивы этого пресловутого «дела».

...Как известно, в современном обществе возможны в основном три главных варианта идеологического обоснования сплочения основной части общества вокруг каких-то ценностей, целей, установок действия, политических партий и т.п.:

- объединение прежде всего вокруг интересов экономических, социальных, культурных и т.п., то есть в связи с общим или сходным положением в социальной структуре;
- объединение прежде всего и главным образом вокруг национальной, национально-этнической, расовой общности;
- объединение на основе принадлежности к тому или иному конфессиональному религиозному культу: христианству, мусульманству, буддизму, иудаизму и т.д. и т.п.

Реально все три принципа в современном обществе всегда взаимодействуют, всегда сосуществуют. Материалистическая традиция исследования общества трактует социально-структурную общность как приоритетную, но обязательно и всегда проявляющую себя в условиях органического единства всех трех путей консолидации общества.

Проблема взаимодействия этих (и некоторых Других, о которых мы здесь просто не считаем нужным писать, поскольку это уело бы нас далеко от предмета нашего исследования) факторов консолидации (и соответственно расчленения и противостояния) общества очень сложна. Она уже очень давно является не только предметом исследований общественной жизни (и достаточно полно не решена и до сих пор), но и служит обоснованием для самых разных политических программ и спекуляций.

²² О «деле врачей» был в последние годы ряд публикаций. Мы считаем особенно ценным в качестве источника свидетельство одного из привлекавшихся по этому «делу» – Я.Л. Раппопорта. См. его книгу: На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953. М., 1988.

Коллективистская идеология, основы которой были заложены социалистическим направлением общественной мысли (в частности, К. Марксом, Ф. Энгельсом, В.И. Лениным) и развиты коллективным разумом, была и остается основанной на признании приоритета социально-структурной общности в социальном процессе. Национальное при этом никак не может быть отброшено или недооценено: нация есть на всю видимую перспективу одна из основных форм социальной общности.

В ходе развития общества в послевоенный период «культ личности» именно в интернационализме увидел угрозу себе. Но отказаться от интернационализма, не отказавшись от признания приоритета социально-структурной, классовой позиции в социальной жизни, невозможно.

И вот в целях укрепления своих позиций система «культа» прибегла к последнему оставшемуся ей средству – к попытке сменить интернационализм на национализм (шовинизм), отдать приоритет национальному перед классовым. Фактически речь шла о попытке конкретного изменения идеологических основ советского общественного строя. Это была крупнейшая со времен существования Советской власти попытка идущей «сверху» радикальной идеологической контрреволюции.

«Дело врачей» неправомерно рассматривать как локальную, только антисемитскую акцию. Его политическое и идеологическое звучание несравненно шире. «Дело врачей» создавало возможность окончательно свернуть на стезю национализма в его шовинистическом великодержавном варианте. С помощью одного из самых живучих, унаследованных еще от великодержавной политики царизма и притом универсальных национальных предрассудков – антисемитизма – «пытались разжечь в советском обществе, спаянном морально-политическим единством, идеями пролетарского интернационализма, глубоко чуждые социалистической идеологии чувства национальной вражды», – писала в передовой статье газета «Правда» от 6 апреля 1953 г.²³ Передовая

²³ Социалистическая законность неприкосновенна//Правда. 1953. 6 апреля.

статья эта была посвящена оценке прекращенного фальсифицированного «дела врачей» как именно идеологической диверсии.

Идея национальной (этнической) общности, так же как идея религиозной общности, не требует для своего усвоения теоретического осмысления процессов, происходящих в обществе. Она вполне и целиком укладывается в рамки обыденного сознания, в границы самой малой информированности, самого примитивного мышления. Сколько бы идеологи национализма (шовинизма) ни старались его усложнить и приукрасить, в своей основе националистическая (шовинистическая) идея вульгарно проста, доступна любому и каждому. Главным условием ее укоренения является обозначение хорошо выбранного – легко опознаваемого, без всяких доказательств – противника, врага, виновника всех бед, ибо национализм цементируется не столько общностью «за» (как правило, у национализма-шовинизма не может быть сколь-нибудь вразумительной собственной позитивной социально-экономической программы), сколько общностью «против». «Дело врачей» как раз и обеспечивало шовинизму в то время такого «противника»...

В нашей литературе значение «дела врачей» обычно непроизвольно приижается: оно трактуется преимущественно в ключе правовом, главным образом лишь как отступление от юридических норм, как нарушение Конституции, законности и т.п. Фактически же имела место крупнейшая политico-идеологическая акция: попытка коренной переориентации идеологии нашего общества, причем с одной-единственной целью – поддержания жизнеспособности «культа личности», культа И.В. Сталина.

Заметим при этом, что сползание к национализму и шовинизму закономерно для системы «культа» в любой стране. Рано или поздно, сильнее или слабее, но национализм и шовинизм в «культовой» системе проявляются обязательно.

...Однако, если вернуться к истории «культа» в СССР в 1953 г., нет и не может быть действий без неожиданных последствий... В числе репрессированных оказался и крупный терапевт, личный врач И.В. Сталина профессор Владимир Никитич Вино-

градов. Для большого со столь индивидуально протекающей болезнью, как тяжелая форма гипертонии и очень тяжелый атеросклероз, даже простая смена лечащего врача смертельно опасна. По имеющимся свидетельствам (С.И. Аллилуевой), после ареста профессора В.Н. Виноградова И.В. Сталин в основном практиковал самолечение. Н.С. Хрущев рассказывал, что его в основном пользовал майор охраны – бывший ветеринарный фельдшер... Ни к чему хорошему для И.В. Сталина это привести не могло... Очень быстро – 2 марта 1953 г. – последовало тяжелое кровоизлияние в левое полушарие головного мозга. 5 марта 1953 г. И.В. Сталин скончался...

В дни смерти И.В. Сталина поэт М.В. Исаковский писал:

И горько нам, и нет нигде
предела,
Нет скорби человеческой конца,
Что умер он, – земля
осиротела, –
Народ лишился друга и отца.
Все, что в народе счастьем
называлось,
Его руками было нам дано.
И сколько б слез о нем ни
проливалось,
Его нельзя оплакать все равно.

Эта реакция на смерть И.В. Сталина отнюдь не была исключительной. Наоборот, она типична для того времени. В этом же ключе писали все, такого рода идеями были полны многочисленные публикации газет и журналов. Это была типичная реакция «культового» сознания на событие, от которого фактически потом придется отсчитывать начало реального конца самого феномена «культ личности»... «Король умер!» – но попытки снова возвестить: «Да здравствует король!» – были уже, как это показала история, обречены...

...Была, однако, хотя и не очень в то время заметная, но реакция прямо противоположного свойства: миллионы людей в нашей стране вздохнули с облегчением. Они не могли избавиться тогда от чувства тревоги: будущее было еще весьма и весьма туманным, но преобладало все же чувство освобождения от гнетущей тяжести, пригнувшей страну и народ к самому долу... Отнюдь не единицы и даже не тысячи, а много- много больше к 1953 г. уже отдавали себе (пусть порой в самом общем виде) отчет, каково было истинное политическое лицо И.В. Сталина, природа «культа личности».

...4 апреля 1953 г. в «Правде» было напечатано сообщение Министерства внутренних дел СССР (министром после смерти И.В. Сталина вновь был назначен ІІ. П. Берия) о полной реабилитации арестованных ранее врачей, о полной несостоительности «дела врачей», целиком основанного на фальсифицированных данных. Непосредственно виновные в создании этого грязного «дела» (в том числе и лично руководивший следствием М.Д. Рюмин) были арестованы и привлечены к уголовной ответственности. В этом же номере газеты было опубликовано краткое сообщение о том, что «...Президиум Верховного Совета СССР постановил отменить Указ от 20 января 1953 г. о награждении орденом Ленина врача Тимашук Л. Ф. как неправильный, в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами».

...В июне 1953 г. был смешен со всех постов и арестован Л.П. Берия вместе с группой близайших сотрудников. Мера эта была одобрена в июле 1953 г. Пленумом ЦК КПСС. 17 декабря 1953 г. было опубликовано сообщение «В Прокуратуре СССР», где кратко излагалось обвинительное заключение по делу Л.П. Берии и его сообщников. 23 декабря 1953 г. по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР Л.П. Берия и его сообщники были расстреляны.

Вот уж разоблачение и расстрел Л.П. Берии вся страна (кроме, может быть, его близких сподвижников) встретила с удовлетворением, со вздохом облегчения. Именно разоблачение

Л.П. Берии было явным и однозначным сигналом того, что «сталинская эпоха» закончилась.

Разоблачение Л.П. Берии и его присных имело огромное значение в освобождении от гнета «культовых» порядков и «культурной» идеологии. Появилось убеждение, что с «культом» будет покончено, что страна и общество находятся на пороге прогрессивного обновления: еще не ясно было, когда и как наступит Лето социальной жизни, но Оттепель (И.Г. Эренбург дал название этому состоянию общества) была уже налицо...

...Эпоха послевоенного развития социалистического общества 1945–1953 гг., в течение которой «культ личности» прямо и непосредственно грубо мешал этому развитию, деформировал его, закончилась... Впереди были новые времена, длительная и трудная борьба за уяснение несовместимости «культы личности» с коллективистской природой социализма, борьба за устранение накопившихся деформаций социалистических принципов.

Никакой «культ», полновластный еще в 1945–1953 гг., его рецидивы в последующие годы, от которых до сих пор ощутимо исходит запах мертвчины, не мог тогда и не может сейчас остановить колесо истории: оно поворачивается медленно, но, как гнилые спички, трещат и рассыпаются любые, самые хитроумные построения, возводившиеся «культом», чтобы сохранить себя, уберечь свои привилегии, свою исключительность... Можно истребить треть (а может быть, и половину) населения страны, но даже такая гекатомба не останавливает неумолимого движения истории к истинному коллективизму, к гуманизму, к утверждению достоинства человека, приоритету дела над словом...

«Культ личности», то в одной стране, то в другой, собирает с человечества свою дань – кровью, бессмысленными затратами человеческих усилий и средств, деформацией принципов коллективизма, торможением и извращением социалистической тенденции развития, разрушением человеческой личности... Но он не может отменить самою суть коллективизма, разрушить его устои, остановить его развитие. И в этой неотвратимости истории, неодолимости ее прогресса – главное.

ОЧЕРК 9

ПРЕОДОЛЕНИЕ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» МЕТОДАМИ... «КУЛЬТА»: Н.С. ХРУЩЕВ

...Когда имеешь перед собой проект социальной реформы, к нему должно относиться с тем большим недоверием, чем более удовлетворительно разрешены в нем на первый взгляд все трудности.

Ж. Сорель

Парадоксальность «культы личности» как системы социальных отношений состоит в том, что по изрекаемым его апологетами декларациям – это столь же вечное, сколь и неизменное, уходящее в необозримое будущее состояние.

На самом деле это не так.

Во-первых, есть объективные исторические границы существования «культы». Развитие общественных отношений перерастает границы вынужденно консервативной системы «культы». Общество вступает в полосу затяжного кризиса, выражавшегося обязательно в том, что происходит неуклонное снижение эффективности «культовой» политики во всех сферах общественной жизни.

Во-вторых, есть и субъективные границы «культы»: ни один «культ» в своем полном объеме не пережил своего создателя. Культ И.В. Сталина – один из самых долголетних – просуществовал (считая с ноября 1929 г.) 23 с половиной года...

«Великий из великих» – объект культа – не может иметь себе равных ни наяву, ни в преемниках. Преемник любого из «великих вождей» не может быть в оценке самого «великого» ни больше его самого, ни даже равен ему, иначе сам «культ» ли-

шился бы смысла, перестал бы существовать. Поэтому физическая смерть человека, в котором «культ» воплощался, ведет в конечном счете к его расшатыванию, а затем и к разрушению. Наследники «великого вождя» обычно пытаются сохранить столь для них выгодную систему политической организации общества. Но для «культа» нужна соответствующая для этих целей личность, нужно время, чтобы эта личность могла завоевать себе статус «великого вождя». Этот статус отнюдь не сводится к одной лишь должности. Нужно, чтобы соответствующий руководитель стал объектом поклонения светской формы религиозного сознания.

«Культ личности» генетически, несомненно, связан с абсолютизмом эпохи разложения феодализма. Однако он в историческом смысле представляет собой шаг вперед: объектом «культа личности» является не деперсонифицированный венценосец вообще, не представитель наделенной священным саном династии, а конкретный человек – конкретный индивид, а не род. Эта закономерность истории обычно плохо усваивалась наследниками «великих вождей». Они любыми мерами, проявляя порой чудеса изобретательности, отчаянно пытались поднять свой статус до уровня ушедшего «великого»... Ни одному из преемников ни разу это не удавалось... Преемники И.В. Сталина исключения не могли составить и не составили. Скорее наоборот.

Социальная система отношений – общество социалистического, коллективистски ориентированного типа – по мере своего развития приходила во все более острый конфликт с «культом личности». Чем более развито это общество, тем меньше в нем реальных оснований для «культовых» отношений. На известной ступени развития попытки сберечь, утвердить элементы «культовости» в этом обществе ведут к лавиноподобному процессу их распада.

...Вот почему в истории обществ коллектиivistского типа налицо явление, которое с первого взгляда (то есть при поверхностном рассмотрении) кажется парадоксальным и необъясни-

мым: те из наследников «великого вождя» добиваются наибольших успехов руководимого ими общества (одновременно поднимая высоко и свой собственный личный статус), кто наиболее последовательно борется с «культом» своего «великого» предшественника, с «культом» вообще. Делать это нелегко: в чем-то и свой личный статус при этом «размывается», снижается, авторитет дробится, теряет форму личностной исключительности, – но такова уж диалектика социального развития обществ колlettivистского типа...,

...Все, что последовало непосредственно после 5 марта 1953 г., было сначала направлено на то, чтобы сохранить от «культа» все, что возможно и как можно больше Вместе с тем, как нам кажется, осознание неизбежности больших перемен проявилось одновременно уже в самых первых действиях преемников И.В. Сталина, направленных на срочное укрепление своего положения в качестве лиц, разумно распределивших на свои более хилые плечи тот груз власти, который раньше безупречно (как вещала пропагандистская машина) выносил на своих плечах один И.В. Сталин.

Прежде всего надо было укреплять то зыбкое политическое равновесие, которое попыталось сформировать постановление Совместного заседания Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР, опубликованное 7 марта 1953 г.¹ Этим постановлением в соответствии с новой ситуацией были перераспределены позиции в верховном управлении государством и партией. Центр тяжести властвования был перенесен на Совет Министров СССР. Его председателем стал Г.М. Маленков (освобожденный поэтому Пленумом ЦК КПСС от 14 марта 1953 г. от обязанностей секретаря ЦК). Это было главное звено новой организации власти, причем реальное положение в ее иерархии по обычаю того времени отражено в последовательности фамилий.

¹ Правда. 1953. 7 марта.

Последними в перечне изменений в расстановке руководящих лиц в постановлении были упомянуты перестановки в Центральном Комитете. До 5 марта 1953 г. Секретариат ЦК выглядел следующим образом: Г.М. Маленков – секретарь, фактически (но не официально) первый (Отчетный доклад ЦК на XIX съезде КПСС 5 октября 1952 г. делал Г.М. Маленков), М.А. Суслов, ведавший идеологией и международными делами, Н.М. Пегов, П.К. Пономаренко, Л. И. Брежнев, Н.С. Хрущев – первый секретарь МК Политбюро (именовавшееся в то время Президиумом ЦК) было большим, и в нем еще дополнительно выделялось Бюро Президиума. Новый секретариат ЦК выглядел следующим образом: Н.С. Хрущев (освобожденный от функций первого секретаря МК и фактически выполняющий функции первого секретаря ЦК, по без официального узаконения такого статуса), М. Л. Суслов (второй секретарь), П.Н. Поспелов, Н.П. Шаталин, С.Д. Игнатьев (бывший министр ГБ СССР, находившийся на этой должности и в декабре 1952 – январе 1953 г., когда было затеяно пресловутое «дело врачей»). По замыслу «руководящей группы», отныне Секретариату ЦК отводились фактически вторые роли в руководстве страной. Согласно табели о реальных политических рангах Н.С. Хрущев занимал пятое по порядку место в иерархии значений и авторитетов. Политбюро ЦК (Президиум ЦК) было вновь, как и в годы, предшествовавшие XIX съезду, резко сокращено: до 10 членов и четырех кандидатов. Состав (в порядке официального политического веса, в те годы обязательного при любых перечнях в печати): члены Президиума – Г.М. Маленков, Л.П. Берия, В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, И.С. Хрущев, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович, А.И. Микоян, М.З. Сабуров, М.Г. Первухин, кандидаты в члены Политбюро – Н.М. Шверник (назначенный в это время председателем ВЦСПС), П.К. Пономаренко, Л.Г. Мельников (первый секретарь ЦК Украины), М.Д. Багиров (первый секретарь ЦК Азербайджана, один из тех, кто был близок к Л.П. Берии).

В этом сложном конгломерате постов и персоналий основой оказалась все же фактическая иерархия «политических весов» прошлого. Поэтому об устойчивости и длительной равновесности этого «расклада» власти не могло быть и речи. Предстоял очередной тур борьбы за новое равновесие.

Прежде всего необходимо было устраниить источник постоянно висевший над всеми угрозы: изменить в корне положение органов безопасности и убрать тех, с кем персонально был связан механизм устрашения при И.В. Сталине. И без И.В. Сталина теперь именно на силу этих органов опирался тот, кто претендовал на исключительную власть, – Л.П. Берия. Лишить Л.П. Берии власти можно было, только опираясь на другой главный компонент политической силы – на армию. В составе руководства вооруженными силами было достаточно людей, политическая ориентация которых целиком соответствовала этой «антибериевской» установке.

4 апреля 1953 г. было опубликовано сообщение МВД СССР о прекращении «дела врачей» и полной реабилитации привлеченных по этому делу ряда видных деятелей медицинской науки. Непосредственная вина за эту фальсификацию была возложена на бывшего заместителя министра и начальника следственной части МГБ СССР М.Д. Рюмина. О бывшем министре госбезопасности (а в апреле 1953 г., когда публиковались эти материалы, уже секретаре ЦК КПСС) С.Д. Игнатьеве было сказано в передовой «Правды», что он «проявил политическую слепоту и ротозейство, оказался на поводу у... преступных авантюристов...»².

Впервые правомерность деятельности органов безопасности была поставлена под сомнение на официальном уровне. (Одновременно – в этой же передовой статье «Правды» было сообщение о полной реабилитации убитого при весьма темных обстоятельствах 13 января 1948 г. народного артиста СССР С.М. Михоэлса.) С.Д. Игнатьев был в связи с этим освобожден от должности секретаря ЦК. (Впоследствии С.Д. Игнатьев довольно

² Советская социалистическая законность неприкосновенна// Правда. 1953. 6 апр.

долго был первым секретарем ОК КПСС Татарской АССР, после чего благополучно вышел на пенсию.)

26 июня 1953 г. Президиум Верховного Совета СССР по представлению СМ СССР снял Л.П. Берии со всех постов и вынес решение о проведении Прокуратурой СССР следствия по его делу. Пленум ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. по докладу Г.М. Маленкова осудил попытку Л.П. Берии поставить МВД СССР над правительством и КПСС, вывел его из состава ЦК и исключил из партии как врага партии и народа³. Сессия Верховного Совета СССР 5–8 августа 1953 г. утвердила решение Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1953 г. Одновременно на этой сессии была произведена частичная смена лиц, занимавших ключевые позиции в органах юстиции: назначен новый Генеральный прокурор СССР, назначены три новых члена Верховного суда СССР. Новым министром внутренних дел СССР был назначен (26 июня 1953 г.) Круглов Сергей Никифорович – персонаж, причастный к прежней практике НКВД – МВД, но другого политического уровня и веса. Тем самым органы безопасности были введены в общие границы государственного подчинения и партийного контроля.

Дорога к коренным политическим и экономическим преобразованиям без этих мер не могла бы быть открыта. Хотя могло показаться, что все эти события сводятся только к неизбежной борьбе за влияние в руководящем ядре, фактически оказалось, что коренное изменение статуса органов безопасности и устранение руководящей верхушки этих органов – лишь прелюдия к предстоящему началу широкого процесса освобождения от отношений и наслоений «культа личности», ставших к этому времени уже главным препятствием для поступательного развития общества.

Новая ориентация развития экономики была провозглашена на августовской (1953 г.) сессии Верховного Совета СССР в докладах Г.М. Маленкова и министра финансов СССР А.Г. Зверева.

³ Правда. 1953. 10 июля.

Обобщенно характер намеченных изменений можно было бы назвать поворотом к интенсификации экономики, к мерам по постепенному устранению серьезных диспропорций в экономике (в первую очередь между промышленностью и сельским хозяйством, отраслями группы «А» и отраслями группы «Б», накоплением и потреблением и т.п.), к переходу от административно-приказного управления общественным производством к планово-экономическим методам, хотя в основе своей прямолинейно-директивный характер планирования был целиком сохранен. Меры эти соответствовали давно назревшей и настойчиво дававшей о себе знать необходимости.

Противоречивость ситуации была в том, что дальнейшее изменение принципов хозяйствования неизбежно влекло за собой и изменения в характере управления. Это обостряло конфликт между «культовой» системой управления и объективными потребностями повышения эффективности экономики. К началу 50-х годов этот конфликт в полной мере проявил себя в нашем обществе. Трудно гадать, каким способом он был бы разрешен, если бы не изменилась политическая ситуация со смертью И.В. Сталина, но необходимость его решения ощущалась уже достаточно остро. Зарубежные исследователи, и в частности уже упоминавшийся нами Вернер Гофман, выпустивший в ФРГ в 1954–1955 гг. несколько работ об экономике СССР, полагали, что при любых политических обстоятельствах реформы экономического механизма в той или иной форме, в том или ином виде все равно должны были быть проведены. Их проведение, по его мнению, уже тогда было условием самосохранения общественного строя.

Вслед за августовской (1953 г.) сессией Верховного Совета СССР поворотное значение в цепи коренных экономических и политических преобразований сыграл сентябрьский Пленум ЦК КПСС (с 3 по 7 сентября 1953 г.). Пленум ознаменовал решительный поворот в сельскохозяйственной политике, наметил изменения в организации производства в сельском хозяйстве, ме-

ры всесторонней экономической и организационной помощи колхозам. Был радикально изменен порядок взимания сельскохозяйственного налога с личного хозяйства колхозников, изменен порядок обязательных поставок сельхозпродуктов, изменены заготовительные и закупочные цены, предприняты меры по коренному улучшению кадровой политики в деревне. Правда, расчет на быстрый подъем сельского хозяйства в результате этих мер не лишен был элементов утопизма: установка была на то, чтобы «в ближайшие 2–3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность»⁴. Трудно было бы, оглядываясь на 1952 г. с высоты нашего времени, назвать реальными эти сроки, однако, во всяком случае, начало сдвига в сельском хозяйстве было положено.

Пленум принял и еще одно, политически очень важное решение: Н.С. Хрущев был официально избран первым секретарем ЦК КПСС. Изменилась официально не только иерархия в аппарате партии, но тем самым статус первого секретаря приближался вновь к главенствующему значению в системе власти в целом. Это был важный шаг в перегруппировке сил и влияний в руководстве партией и страной. А перегруппировка эта была неизбежна хотя бы уже потому, что предстояло коренным образом менять политическую линию и внутри страны, и в международных (в том числе и экономических) отношениях. А утверждать новый курс, не подвергнув самой решительной критике прежний, было невозможно: старое руководство в большинстве своем было неспособно на такую самокритику. Кроме того, нельзя было сбрасывать со счетов и личные мотивы в борьбе за власть.

Само понятие «культ личности» во вполне определенном негативном контексте прозвучало уже в 1953 г. в связи с «делом Берии». В передовой статье газеты «Правда» от 10 июля 1953 г., посвященной итогам Пленума ЦК КПСС 2–7 июля, на котором

⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 8. С. 308.

Л.П. Берия был исключен из партии, говорилось: «Сила нашего руководства – в его коллективности, сплоченности и монолитности. Коллективность руководства – высший принцип руководства в нашей партии. Этот принцип полностью отвечает известным положениям Маркса о вреде и недопустимости культа личности» (выделено мною. – З. Ф.).⁵

Следующее резкое осуждение «культа личности» в средствах массовой пропаганды было связано со снятием со всех руководящих постов М.Д. Багирова (первого секретаря ЦК КП Азербайджана, кандидата в члены Президиума ЦК КПСС, впоследствии расстрелянного за злоупотребление властью). 4 августа 1953 г. была опубликована статья В.С. Кружкова «Против догматизма и начетничества в пропаганде». В статье были такие слова: «Культ личности противоречит принципу коллективности руководства, ведет к принижению роли партии, ее руководящего центра, к снижению творческой активности партийных масс и советского народа».⁶

Потихоньку на страницах периодики снижался накал восхвалений в адрес покойного «величайшего гения всех времен и народов». Однако формула «Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин» была повсеместно в ходу вплоть до XX съезда КПСС.

Становилось все более очевидным, что одной только «тени Сталина», простертой над нынешним руководством (в его составе все были его ближайшими политическими соратниками), явно недостает для обеспечения собственного авторитета этого руководства. Необходимость коренного изменения направленности социально-экономической политики подталкивала к иному варианту обеспечения собственного авторитета: к решительному отмежеванию от существа, методов и характера политики И.В. Сталина. Все более определенно складывалось осознание того, что без решительного отмежевания от И.В. Сталина и связанных с его именем принципов социально-экономической политики продви-

⁵ Правда. 1953, 10 июля.

⁶ Кружков В.С. Против догматизма и начетничества в пропаганде//Правда. 1953. 4 авг.

жение вперед – и в развитии общества в целом, и в повышении собственного политического авторитета – невозможно.

Для устойчивости в новой политической иерархии необходим был высокий реальный (не столько должностной, сколько прежде всего собственно личностный) авторитет руководителей. Такой авторитет мог возникнуть только в условиях опоры в политической организации общества на демократию и гласность. Только они позволяли гарантировать руководителю высокий личностный статус при преобладании коллективного руководства. Но поколение руководителей, на которое неизбежно падала «тень Сталина», к этому уровню демократии и гласности в принципе не могло быть готовым: оно не на этом пути снискало высокое положение, оно совершенно не было готово к полной гласности по своим деловым качествам, у него было прошлое (участие в репрессиях, участие в славословиях И.В. Сталину и т.п.), ставившее под угрозу само сохранение сколько-нибудь высокого политического статуса в условиях полной гласности, наконец, у него не было и быть не могло уверенности, что оно в состоянии выиграть конкурсного порядка соревнование по своим деловым способностям. Надо было найти возможность совместить несовмещавшееся: категорически отмежеваться от И.В. Сталина, но сохранить ряд главных существенных элементов его политической системы единовластия, устраниТЬ из политической организации постоянно висевший над всеми «фактор устрашения», однако сохранить в качестве решающих политических аргументов факторы силы – армию и органы безопасности. Политическая обстановка оставалась очень шаткой, равновесие группировок с разнонаправленными интересами в сфере власти крайне зыбким, и фактор силы мог очень быстро понадобиться в борьбе за власть.

В итоге сложилась такая ситуация в политической сфере, которая составила основное противоречие последующего десятилетия: разрушение устоев «культта личности» осуществлялось с помощью «культовых» методов. Цели оказались в антагони-

стическом противоречии со средствами своей реализации. Обострение этого противоречия (чему в немалой степени способствовали и личные качества Н.С. Хрущева) привело через 10 лет к острому политическому кризису, завершившемуся отстранением Н.С. Хрущева от власти в результате консервативного (просталистского) дворцового переворота 14 октября 1964 г.

Над всеми участниками событий в верхнем эшелоне власти витала явная иллюзия, что «культовое» отношение «снизу» может быть сравнительно легко вновь воссоздано идущим «сверху» усиленным политическим рекламированием того или иного руководителя. «Культовое» отношение «снизу» уже не было решающим в 50-х годах в самой борьбе за власть (она теперь осуществлялась в основном методом дворцовых интриг и переворотов), однако оставалось важным с точки зрения обеспечения эффективности властевования. При этом фактор времени (значительное запоздание перехода к новым экономическим программам) заставлял претендентов на первые роли в руководстве торопиться не только с самими реформами, но – и это было особенно сложным и противоречивым – и с обеспечением видимого эффекта от этих реформ.

Срок получения объявленного и обещанного ощутимого эффекта от всех экономических новаций, определенный августовской (1953 г.) сессией Верховного Совета СССР и сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС примерно в 2–3 года, оказался заведомо нереальным. Кавалерийская атака на тяжелейшее экономическое «наследие» И.В. Сталина явно не удавалась. Ее лидер – Г.М. Маленков – вынужден был в январе 1955 г. подать в отставку с поста главы правительства. Окончательно завершилась новая рокировка власти: приоритет партийных лидеров и партийного аппарата в иерархии власти был восстановлен полностью. Первой фигурой в руководящем ядре уже безусловно вновь становился партийный лидер – Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев, один из тех, кого выдвинула

на первую политическую линию обстановка середины – конца 30-х годов.

Отмежевавшись от самой идеи скоропалительного проведения радикальных экономических реформ (отражением этого отмежевания была, в частности, большая статья Д.Т. Шепилова, члена ЦК, после XIX съезда, «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма»)⁷, партийное руководство выработало новую программу экономических преобразований, в основе своей продолжавшую курс на интенсификацию экономики в целом и особенно сельского хозяйства. Намечено было осуществить радикальную реформу управления, ускорить научно-технический прогресс, принять меры к повышению степени хозяйственной самостоятельности предприятий и регионов, создать условия для повышения благосостояния народа. Эта программа в своей общей направленности, если не преувеличивать значение каждого отдельного конкретного решения, конкретных форм их реализации, в тенденции в тенденции выражала объективную потребность внутреннего развития страны, совершенствования ее международных связей. В целом по своей ориентации это была программа прогрессивных социально-экономических преобразований. По первоначально предполагавшемуся темпу преобразований она была более или менее реальной.

В этих условиях и на этой основе как раз и созрела необходимость решительно подвести черту под прошлым. Эта необходимость была реализована в докладе И.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС (25 февраля 1956 г.). Доклад этот был прежде всего личной инициативой Н.С. Хрущева. Пункта повестки дня, обозначившего этот доклад, в официальной программе работы съезда, сообщенной делегатам и опубликованной в печати в дни съезда, не было. Доклад был сделан уже после выборов руководящих органов партии.

⁷ Шепилов Д.Т. Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма//Правда. 1955. 24 янв.

Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях»⁸ был, безусловно, проявлением политической дальновидности и актом большой смелости.

Об объективной необходимости критики «культа личности» мы уже писали выше. Но доклад, при всех его достоинствах, отражал и возможности того времени; задачи последовательной и радикальной критики «культа личности» как определенной системы отношений он еще не решал. Его основу составляло развенчание И.В. Сталина как руководителя, как личности, исходившее из его преступной деятельности в 1937–1938 гг., репрессивной политики в послевоенные годы, его личностной и политической нечестности, непомерного тщеславия и т.п. Культ И.В. Сталина этим докладом в принципе был опрокинут (хотя рецидивные его следы до сих пор живы и будут еще долго жить), но «культ личности» как система им был только серьезно поколеблен, а до его сколько-нибудь полного разрушения было еще далеко.

Утверждали порой, что последовательная критика И.В. Сталина была необходима Н.С. Хрущеву лишь для возвышения собственной личности, для того чтобы «тень Сталина» не заслоняла личных качеств П.С. Хрущева. Отрицать полностью наличие этого мотива вряд ли правомерно: в какой-то мере он, скорее всего, гоже имел место. Однако он не мог быть решающим. Ни-как не могли быть решающими и чисто эмоциональные качества Н.С. Хрущева. Н.С. Хрущев прошел в ближайшем окружении И.В. Сталина достаточную школу политической расчетливости и вряд ли мог позволить себе столь уж безрассудный «всплеск» эмоций в важнейшем политическом вопросе. (Ошибки Н.С. Хрущева в его последующей деятельности вполне объяснимы политическими и социальными факторами. Эмоциональность могла их дополнять, но не могла быть их причиной.)

Важно помнить, что доклад Н.С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда во всех случаях был фактически остройшей и

⁸ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

опаснейшей по возможным последствиям самокритикой. В системе культа И.В. Сталина М.С. Хрущев играл не самые первые роли, но был достаточно ответственным партийным деятелем, входил в ближайшее окружение И.В. Сталина. Делегат XVII съезда ВКП (б) от Московской организации, он был избран на съезде членом ЦК. Н. С. Хрущев оказался одним из примерно 7–8 членов ЦК и кандидатов в члены ЦК, избранных XVII съездом, кто не был репрессирован в 1937–1940 гг., не погиб в войну или после войны, остался жив к 1953–1956 гг. и все это время активно участвовал в политической жизни⁹. Этот круг людей входил в ближайшее политическое окружение И.В. Сталина. Из этого круга некоторые ушли из жизни естественной смертью, некоторых отодвинули от активной политической деятельности, этот круг потом несколько пополнился, но его главные персонажи были здесь уже в 1934 г., в составе ЦК, избранного XVII съездом (за исключением Г.М. Маленкова, М.А. Суслова и нескольких лиц в высшем слое, на XVII съезде еще ни в какие руководящие органы не избирались).

На всех лицах этого круга в той или иной мере неотвратимо лежит ответственность за сталинские репрессии конца 30-х, 40-х и начала 50-х годов. Поскольку Н.С. Хрущев в этом кругу занимал не самые последние места (кандидат в члены Политбюро с января 1938 г., член Политбюро с 1939 г.), определенное, и не такое уж малое, отношение к политической линии И.В. Сталина, в том числе и к репрессиям, он не мог не иметь. Об этом не нужно было специально писать или говорить, да и какие-то архивы и т.п. не были нужны: была вполне открытая литература об этом, живы были очевидцы этих фактов. Для руководителей Компартии Китая, например, не составило труда в галете «Жэньминь жибао» и журнале «Хунци» (13 сентября 1963 г.) и статье «К вопросу о Сталине», направленной и защиту И.В. Сталина от кри-

⁹ В настоящее время опубликованы собственные воспоминания Н.С. Хрущева, его политическая биография, написанная Р.А. Медведевым, и т.п. Более подробное изложение данных всех этих исторических документов и исследований было бы в нашей работе излишним.

тики его «культа на XX и XXII съездах КПСС, процитировать соответствовавшие духу 1937–1938 гг. выступления Н.С. Хрущева на V партийной конференции Московской области (6 июня 1937 г., где Н.С. Хрущев выступал в качестве первого секретаря МК) и на IV партийной конференции Киевской области (8 июня 1938 г., где он выступал уже в качестве первого секретаря ЦК Украины). 13 этих выступлениях курс на уничтожение «врагов народа» безоговорочно восхваляется, содержится призыв «...без остатка уничтожать врагов...». Вряд ли серьезный политик, каковым Н.С. Хрущев несомненно был, и в самом деле рассчитывал сохранить в полной тайне свое участие в политическом курсе И.В. Сталина.

Тем выше должна быть политическая и нравственная оценка доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и последующей его борьбы с «культом личности» через борьбу с культом И.В. Сталина. В деятельности по критике культа И.В. Сталина у Н.С. Хрущева был, конечно, как мы уже отметили, и определенный личный интерес, эта деятельность не всегда была последовательной, уровень обобщения при характеристике природы «культа» невысок и не во всем правилен, не являлись аргументом и многочисленные просто бранные слова в адрес И.В. Сталина, однако в целом, в итоге, по своему объективному содержанию борьба Н.С. Хрущева против культа И.В. Сталина была несомненно политически прогрессивной, справедливой, направленной на пользу и дела социализма в СССР, и интересам дела социализма вообще.

30 июня 1956 г. было принято (на основе доклада Н.С. Хрущева на XX съезде) постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Оно закрепило официально выработанные установки и оценки относительно «культа личности».

Еще до этого постановления основные установки доклада Н.С. Хрущева были изложены в «Правде» в редакционной статье: «Почему культ личности чужд духу марксизма-ленинизма?»¹⁰

¹⁰ Правда. 1956. 28 марта.

Однако характер «культа личности» как системы отношений, его деформирующее влияние на коллективистские общественные отношения явно недооценивались, а то и прямо отрицались. Это способствовало наследованию элементов стиля и характера политического руководства, свойственного «культовым» временам. Поэтому и после 1956 г. методы партийного и государственного руководства по своему существу изменились недостаточно.

Главное в политическом содержании «культа» все же не репрессии. Главное – это реализация конечной (социалистической) тенденции диктатуры рабочего класса только через личную неподконтрольную власть, подмена общечеловеческих и классовых целей целями личными и тем самым полная деформация диктатуры рабочего класса как типа политической организации общества в ходе становления социализма. Поэтому с общеисторической точки зрения главное в «культе» – это абсолютизация волевого принятия единоличных решений, опирающихся на интуицию, на здравый смысл, на мнение произвольно приглашенных экспертов и т.п., но не на строго научный анализ, не на коллективный опыт, не на демократические институты.

А субъективизм в принятии решений сохранялся и после 1956 г., продолжал существовать во всем своем вредоносном качестве. Сохранялся в том числе и механизм угадывания тех решений, которые по каким-либо субъективным причинам казались первому руководителю предпочтительными. Научные постулаты применялись в столь избыточно абстрактной форме, что они никак не могли определять степень реальности и эффективности конкретных решений.

Именем науки продолжали клясться все кому не лень и по любому поводу (особенно на высших «этажах» руководства), но фактически управление продолжало осуществляться преимущественно методом проб и ошибок. Этот стиль управления – одно из тяжелейших по своим последствиям наследие «культа» – вел к серьезным просчетам и в текущей политике, и при определен-

нии перспективных целей. Фактически планомерность продолжала оставаться лишь прикрытием субъективистского варианта стихийности, причем основывавшейся даже не на законе стоимости (то есть каком-то все же объективном основании), а на голой субъективности, на прямом произволе, апеллирующем к здравому смыслу.

При всем том это не дает оснований предполагать (а такие предположения в литературе неоднократно высказывались), что имело место целенаправленное стремление старый «культ» – И.В. Сталина – заменить новым – Н.С. Хрущева. Были, конечно, многочисленные, исходившие «сверху», неумеренные славословия в адрес Н.С. Хрущева. Но это было скорее инерцией «культовой» культуры, неосознанным наследием привычного старого (его методов, стиля), чем попыткой сознательно выстроить что-либо новое, подобное «культуре». При всей непоследовательности и неполноте критики «культы» в конце 50 – начале 60-х годов, в конечном счете он подвергался критике не только как культ одного данного конкретного лица – И.В. Сталина, – но как родовое понятие, как «культ» вообще.

Бедой Н.С. Хрущева (а в определенном смысле и его виной) было то, что с «культом личности» он боролся «культовыми» же методами. Отсюда – просчеты в проведении тех или иных конкретных реформ, в решении тех или иных конкретных организационных вопросов, неправомерность и непоследовательность его отдельных выступлений, требований, заявлений. Мы не усматриваем в этих ошибках какой-то иной общей основы, кроме субъективизма и элементарного волонтаризма активного, деятельного политического лидера, выбравшего в целом общее позитивное направление социально-экономической политики.

Решения Пленума ЦК КПСС от 22–29 июня 1957 г., устранившие из руководства тесно связанных с культом И.В. Сталина В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, были, безусловно, по своему объективному значению еще одним шагом вперед по преодолению «наследия Сталина». Другое дело, что кро-

ме объективного здесь было и субъективное: мотивы борьбы за личную власть.

Однако в определенном смысле концентрация власти после 1957 г. в руках Н.С. Хрущева оказалась пирровой победой. Группа В.М. Молотова хоть как-то сдерживала (пусть на свой лад, но в конечном счете все же сдерживала) крайне проявления волюнтаризма и субъективизма Н.С. Хрущева. Наличие такого рода оппозиции, наверное, не лучший способ поддержания умеренности и взвешенности в политике. Особенно когда ударная идея этой оппозиции полярно противоположна прогрессивной политической линии.

Однако, оказавшись Еовсе без каких-либо оппонентов, самовластие неизбежно «выходит из берегов». Изгнание ближайших сподвижников И.В. Сталина не устранило основы его политического наследия, в чем- то даже шире обеспечив другие формы, другие проявления этого «наследия». Личностные перемещения необходимы при политических сдвигах, но сами по себе они еще не решают сложнейшей и многосторонней проблемы изменения типа управления социальной системой, каковым является последовательный отказ от наследия «культа».

Важным средством ослабления «культивого» централизма, «культовых» форм единонаачалия в производстве, когда руководители ответственны только перед вышестоящими инстанциями, было усиление функций контроля за деятельностью администрации со стороны первичных партийных организаций (Постановление ЦК КПСС от 26 июня 1959 г.). Усиление контроля снизу могло бы способствовать повышению самодеятельной активности масс, постепенному освобождению их политического сознания от религиоподобного комплекса «вождизма». Однако проведение в жизнь этого постановления не было последовательным: не были обеспечены методы борьбы с сопротивлением руководителей контролю «снизу», не была гарантирована личностная независимость партийного актива от администрации.

Определенным шагом вперед в преодолении «культового» наследия в организационной структуре общества и партии было официальное внесение в Устав КПСС требований обязательной сменяемости руководящего звена. Положения о сменяемости вошли в новую редакцию Устава КПСС, принятую XXII съездом КПСС (17–31 октября 1961 г.). Они должны были поставить известные границы одной из весьма существенных «культовых» тенденций: попыткам пожизненного закрепления руководящей должности, а то и передачи ее по наследству.

Но и тут последовательности в преодолении «культовых» тенденций не было. По самому тексту Устава тенденция к пожизненности руководящего поста ограничивалась не безоговорочно и не безусловно: допускались исключения, сроки пребывания на руководящих должностях были избыточно велики – близки к общему предельному жизненному времени функционирования человека и т.п. Естественно все же было бы ожидать, что выполнение этих требований Устава повлекло бы на практике постепенное преодоление тенденции к несменяемости руководящих кадров. Однако такого рода практика попросту не успела состояться: через четыре с половиной года после принятия Устава принцип несменяемости руководящих кадров был по инициативе Л.И. Брежнева полностью восстановлен в своих правах.

Одним из направлений развертывания инициативы масс, был, как мы полагаем, и эксперимент с разделением партийного руководства по производственному принципу. Объективная основа у этого, в наибольшей степени осмеянного, начинания Н.С. Хрущева была.

Традиционное строение партийных органов предполагало дублирование хозяйственной структуры в партийной. Судьбы предприятий решали министерства и обкомы, но не сами трудящиеся и не администрация данного коллектива. Решения Пленума ЦК от 19–23 ноября 1962 г. «О развитии экономики СССР

и перестройке партийного руководства народным хозяйством» пытались ограничить самовластье партийных органов не призывами к демократии, а путем четкого разделения производственно-хозяйственных функций совнархозов и политических функций новых обкомов. Совнархозы не нуждались в дублировании своих функций, и поэтому партийным комитетам поневоле пришлось бы заниматься именно политической и идеологической деятельностью.

Возросшая самостоятельность предприятий, необходимость принимать самостоятельные политические решения оказались менее всего желательными для сложившегося в «культовые» времена партийного аппарата обкомов. Поэтому одним из самых первых мероприятий после октябрьского Пленума ЦК 1964 г., устранившего от власти Н.С. Хрущева, было возвращение к старой привычной и удобной для бюрократии структуре партийных органов.

Чтобы закончить рассмотрение подходов к проблеме «культы» в 1953–1964 гг., вернемся к характеристике XXII съезда КПСС.

На XXII съезде и после него в 1963–1964 гг. была предпринята попытка еще глубже проникнуть в механику «культы личности». Ряд выступлений, постановок вопроса на самом съезде и после него уже без всякой секретности означал, что расследование всего происходившего в сталинские времена не прекращено и не прекратится, что персонажи, активно насаждавшие сталинщину, не будут при этом забыты. XXII съезд осуществил наконец и то, что потом (но в более последовательной форме) мы увидели в аллегорическом finale «Покаяния»: прах И.В. Сталина был удален из Мавзолея Ленина...

Это был не просто символический акт – это была, так сказать, конкретная материализация известного постулата В.И. Ленина о том, что физическая смерть политического деятеля еще не означает его политической смерти¹¹. Отныне возникли полярные для понимания истории становления социализма противостояния до-

¹¹ См.: Ленин В. И Поли. собр. соч. Т. 20. С. 8–9.

бра и зла: Ленин – Сталин, ленинизм – сталинизм, социализм как таковой – «культ личности» как его уродливая деформация. Стало еще более наглядным и осозаемым, что очищение общества от скверны «культы личности» есть процесс неизбежный и объективно неотвратимый: когда социализм становится уже собственно социализмом (хотя бы и в самой начальной стадии), он должен освобождаться от «культы личности» как от своей «детской болезни», как от такого народа, который способен свести на нет все его, социализма, жизненные силы. Необходимость полного и последовательного очищения от наследия «культы» была поднята до уровня политической директивы съезда.

Нелишне заметить, – поскольку это определение стало предметом множества дискуссий, – что само понятие «период культа личности» впервые было введено в официальный лексикон в постановлении XXII съезда «О Мавзолее Владимира Ильича Ленина»¹².

XXII съезд КПСС принял и документ, имеющий очень большое значение для самого понимания того, каково было историческое место самой эпохи И.С. Хрущева, – новую Программу КПСС.

Теоретические ее постулаты, за исключением отдельных положений, не вышли за пределы «предмарксизма», а более всего псевдомарксизма 40–50-х годов. Практические задания оказались недостаточно обоснованы: они отражали в большей степени желания, цели, тогда как средства реализации этих целей были названы в очень общем виде, низбыточно абстрактно.

В последние годы наибольшие нападки вызывало обещание, содержащееся в Программе КПСС 1961 г., через 29 лет – в 80-е годы – построить в нашей стране высшую фазу коммунизма. Это обещание трактовали как типичное проявление прожектерства, свойственного Н.С. Хрущеву. На самом деле это не так. Н.С. Хрущев исходил из типичного для официозного обществоведческого знания того времени представления, что комму-

¹² См.: КПСС в резолюциях и решениях... М., 198в Т С. 204.

низм – это производство основных предметов потребления на уровне медицински обоснованных норм, то есть производственное изобилие.

Была ли возможность за 20 лет достичь этого уровня, что по сельхозпродуктам требовало увеличения среднедушевого производства в 2–3 раза, по основным непродовольственным товарам не только увеличения производства, но и серьезного изменения структуры производства этих товаров, их качества? В принципе такая возможность была. Пусть не во всем, не полностью, но была.

Однако для этого экономика должна была развиваться по совершенно другому, оптимальному варианту. Реальное же ее развитие оказалось весьма далеким от оптимальности.

Ошибкающим в этой формуле И.С. Хрущева – целиком, причем в ключе псевдомарксизма – было отождествление производственного изобилия с высшей фазой новой формации. Применение такого критерия имеет мало общего с формационной теорией К. Маркса. Однако и в новую редакцию Программы КПСС (1987 г., XXVII съезд КПСС) определение высшей фазы коммунизма вошло в той же формулировке.

...История периода 1953–1964 гг. явилась наглядной иллюстрацией к исторической закономерности: «мертвый хватает живого». Стремление освободиться от «мертвого» – от культа И.В. Сталина – пронизывает весь этот насыщенный победами и неудачами, сложный и противоречивый этап нашей истории. В целом это был, как теперь совершенно очевидно, период прогрессивного в конечном счете развития. Вместе с тем этому развитию мешало прежде всего «мертвое» – наследие «культа». Это наследие проявлялось в господствовавшем волюнтаризме принятия политических решений, в недостаточной, неполной и непоследовательной демократизации общественной жизни, недостаточно полной, недостаточно системной и радикальной реформе экономики, сохранившейся в своих основах той же политической организации, сохранившихся «культовых» свойствах идеологической сферы, недостаточной опоре в проводимой политике на кон-

крайние интересы людей, охватываемых тем или иным социальным сдвигом, и т.д. и т.п. Именно сталинское наследие ослабило силы позитивных преобразований, разобщило их сторонников, сформировало оппозицию Н.С. Хрущеву и «наверху» и «внизу», открыло-дорогу наиболее грубой и прямолинейной форме «мертвого»: действиям консервативной бюрократии, часть которой осуществила, а другая – всей душой поддержала термидорианский по духу политический переворот 14 октября 1964 г.

Можно сколько угодно спорить о том, сколько еще наломал бы дров на волонтерской стезе Н.С. Хрущев, но его действия были ориентированы в конечном счете в сторону прогресса. Пленум 14 октября 1964 г. свернул наше общество на полтора с лишним десятка лет на столь же волонтерский по методам принятия и реализации решений, столь же далекий от науки, от народовластия, но сверх того еще и тяготевший к засилью консерватизма, к реставрации сталинщины, к застойным явлениям путь...

Что собой представляло сопротивление политике Н.С. Хрущева? Каков был характер угроз его политической линии? Каков был по своей в конце концов природе переворот 14 октября 1964 г.?

Характер политической линии предопределял направленность сопротивления.

Боровшиеся со сталинизмом не могли быть врагами Н.С. Хрущева. Они зачастую были критиками и осуществлявшимся политики, и ее вдохновителя – Н.С. Хрущева, но критиковали его за непоследовательность, за рецидивы «культовых» методов, за кампанейщину, за метания, за утопизм и т.д. и т.п. Это было, образно говоря, скорее стремление «подтолкнуть в спину», заставить двигаться прямее и быстрее, не делая шагов назад и в сторону, чем просто противодействие.

Освоение целины, например, шло без строительства дорог, хранилищ, без соответствующей объему производства зерна организации транспорта, без учета мнений науки о необходимости для целины специальных технологий земледелия.

Кукуруза – культура важная и денная – внедрялась без соблюдения севооборотов, внедрялась не только на средней полосе России (на юге ее и без директив сеяли), но и на севере, где она заведомо не могла быть эффективной.

Не было никакой нужды влезать стране в «рязанскую авантюру», когда была предпринята нелепая попытка за год в 3 раза увеличить продукцию животноводства. Эта затея характерна тем, что проводилась по типичной логике и формуле «большого скачка». Последствия «рязанской авантюры» были, как и у всякого «большого скачка», сугубо негативными для животноводства в стране, для сельского хозяйства в целом.

Сокращение армии, в принципе прогрессивное, проводилось без какой-либо подготовки, без соблюдения личных интересов офицерского корпуса.

И перечень этот можно было бы продолжать и продолжать...

На всех этих и других начинаниях Н.С. Хрущева, равно прогрессивных и сомнительных по своей пользе, лежал отпечаток типичного «культового» субъективизма. Но в условиях подлинного «культа» действует либо механизм поддержки «культовых» начинаний «снизу», либо грозный механизм репрессий – устрашения и принуждения – «сверху».

Однако усилиями самого же Н.С. Хрущева – усилиями безусловно прогрессивными – механизмы поддержки политики «культа» были подорваны. При любых славословиях идеологов – «культа» Н.С. Хрущева не было. Руководитель был в глазах массы уже просто человеком, с которым можно было соглашаться и не соглашаться, которому можно было аплодировать, но можно было рассказывать о нем в то же время анекдоты. Что же касается репрессивного механизма, то вопрос о политических репрессиях при Н.С. Хрущеве в литературе пока серьезно не анализировался.

«Культовая» система, даже если она своей главной политической целью ставит борьбу с «культом личности» как таковым, не может обойтись без механизма насилия, без своего рода прак-

тического безразличия к демократическим институтам, без имитации наличия таких институтов, при их фактическом подавлении. Именно поэтому такого рода «культовая система», каковой была система Н.С. Хрущева, очень Гн.и ъро теряет поддержку «снизу». А потеря поддерни кн «снизу» неизбежно открывает зеленый свет загони рам «сверху».

«Культовые» системы характеризуются тем, что смена власти в них осуществляется исключительно через дворцовые перевороты. «Левые» ли, «правые» ли приходят к власти, дорога к власти лежит в «культурной» системе только через дворцовый переворот. При этом круг кандидатов в следующие на очереди «вожди» всегда предельно узок.

14 октября 1964 г. произошел именно такого рода дворцовый переворот. В целом прогрессивную политическую линию Н.С. Хрущева (при всех ее слабых сторонах) сменила консервативная линия Л.И. Брежнева.

Консерватизм «брежневской линии» отнюдь не был случайным: оппозиция политике Н.С. Хрущева в «эшелонах власти» могла быть только консервативной. Этот консерватизм – естественная реакция на радикализм начинаний Н.С. Хрущева.

Очерк 10

СТАЛИНИСТСКИЙ ТЕРМИДОР Л.И. БРЕЖНЕВА. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ЭПОХА ЗАСТОЯ»

...И во сне позабыть не моги,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги.

А.А. Галич

...Можно обманывать некоторых
все время; можно обманывать всех
некоторое время; но никому еще не
удавалось обманывать всех все время.

А. Линкольн

У Булата Шалвовича Окуджавы (сына Ш.С. Окуджавы – члена партии с 1918 г., делегата XVII съезда с совещательным голосом от Свердловской партийной организации, секретаря Нижнетагильского ГК ВКП (б), сложившего свою голову во время той же полны репрессий 1937–1938 гг.) есть такие строки: «...ах, были б помыслы чисты, а остальное все приложится!..» У организаторов переворота 14 октября 1964 г. чистых помыслов не могло быть. Ведущим мотивом переворота было не только установление новой личной власти – на личную власть среди главных действующих лиц дворцового переворота 14 октября 1964 г. в равной мере могли претендовать несколько человек, ни один из которых по «гамбургскому счету» не годился в политические лидеры на уровне современной политической жизни, а стремился лишь к реставрации прежних политических отношений.

Леонид Ильич Брежнев – типичный пример той посредственности, которой окружал себя И.С. Хрущев. «Культовые» тра-

диции проявлялись и в подборе людей П.С. Хрущевым для своего ближайшего окружения: уровень приближенного должен быть более низким, чем уровень «главного».

В какой-то мере уровень Л.И. Брежнева – зеркало уровня П.С. Хрущева. Да еще и люди, выдвигавшие Л.И. Брежнева, из своего круга выбрали наиболее, если так можно выразиться, «уравновешенную» посредственность: не новатор, не демократ, но и не экстремист, покладистый, не злобный, поддающийся влияниям, но не чересчур уж слабохарактерный¹... Л.И. Брежnev не только казался «золотой серединой» своему окружению, но и в самом деле оказался для окружавших его людей почти идеальной «правнодействующей».

Можно было бы сказать, что история всегда повторяется – сначала как трагедия, потом как фарс, если бы... Если бы правление Л.И. Брежнева (1964–1982 гг.) не обернулось для советского народа трагедией, масштабы которой в каком-то смысле были не меньшими, чем масштабы трагедии, осуществившейся под эгидой И.В. Сталина. Только в этом своеобразном новом жанре – фарса-трагедии – трагедийное имело совершенно другую форму, чем в сталинские годы.

Умирающий «культ» по своим последствиям оказался столь же трагическим, столь же ужасным явлением, как и торжествующий.

Истинной, глубинной целью переворота 14 октября 1964 г. было сохранение «культовых» форм политической и государственной организации, обеспечивающих определенному слою в руководстве, возглавлявшемуся группой членов в Политбюро, относительно спокойное существование, охранение ее от тенденции к демократизации управления. Установками Пленума ЦК от 14 октября 1964 г. фактически было сохранение, а не пре-

¹ Собирательный портрет Л.И. Брежнева и его окружения сравнительно отчетливо прорисован и исследователями его правления (Р.А. Медведевым, Ф.М. Бурлацким и другими), и его собственными соратниками, написавшими воспоминания (К.Т. Мазуровым, Г.И. Вороновым, Н.Г. Егорьевым, Н.Н. Родионовым, В.Е. Семичастным и другими). Автопортреты создают фон и для коллективного портрета...

образование, стабилизация, а не обновление. А потому переворот 14 октября законсервировал все недостатки сущности и организации общественных отношений, восходящие к «культу личности», еще на 18 лет. Выздоровление социализма от рецидивоз «культы личности» было искусственно задержано. Это обрекло социальный процесс в СССР на длительный, формационный застой.

Борьба с волонтизмом и субъективизмом, провозглашенная в качестве основного мотива Пленума ЦК от 14 октября 1964 г., оказалась на деле в основном лишь идеологическим прикрытием консервативной политики. Слова, декларации проверяются реальными делами. В реальном же развитии ни : волонтизм, ни субъективизм ни на йоту не уменьшились. Они остались определяющим принципом выработки и реализации политического курса. Этот принцип был в известном смысле «децентрализован»: субъективистские инициативы и волонтистские решения были разрешены каждому первому руководителю на его уровне и в его епархии. «Культ» как система культов после 14 октября 1964 г. не потерял, а укрепил свои позиции. Изменилась лишь внешняя направленность волеизъявления: направленность на новации сменилась консервативными по своему содержанию инициативами. Воцарились умеренность, выдававшаяся за обоснованность и даже научность, консерватизм, прикрывавшийся словами о взвешенности и осторожности вправленческих решений.

На смену Н.С. Хрущеву пришла весьма своеобразная группа властующих лиц, среди которых особенно выделялись сухой догматик, карьерист, инициативный исполнитель всех кампаний 1949–1953 гг. по «изобличению», «искоренению», «осуждению» и т.п. М.А. Суслов и политически недалекий (во всяком случае, для руководителя одной из двух великих держав), ориентированный на власть как таковую, заведомый консерватор, вульгарный потребитель, у которого в конце концов развились еще и «...орденская клептомания» (Глобус. 1987. № 47. 20 ноября. С. 7),

Л.И. Брежнев. Это сочетание в чем-то главном выглядело беспросветным и тягостным, однако какими вообще могли бы быть инициаторы такого политического акта, как дворцовый консервативный переворот 14 октября 1964 г.?..

Получив в свои руки власть, эти люди рассматривали ее во вполне «культурных» традициях: их конечной целью было само по себе властовование. На принципиально новое, прогрессивное они были по своим истинным интересам неспособны, поскольку шли к власти как носители консервативной и вульгарно потребительской социальной тенденции. Однако и восстановить во всей полноте старое они тоже были не в состоянии: время этого «старого» ушло... Отсюда и вытекало господство эклектизма в политике, отсутствие перспектив, потребительство, застой как самое большее, на что они вообще могли быть способны.

В декларациях, по своему звучанию самих по себе верных, не было недостатка. Если посмотреть заново (с позиций 1989 г.) Отчетный доклад ЦК XXIV съезду КПСС, сделанный Л.И. Брежневым 30 марта 1971 г., то в декларированной политической линии практически есть все или почти все, что через 15 лет составило основу перестройки, провозглашенной XXVII съездом.

Все нужное было провозглашено еще на XXIV съезде, в той или иной мере повторено на XXV и XXVI съездах партии, но реально сделано было чрезвычайно мало. Осуществлено фактически было лишь то, что в основе своей не выходило за рамки старого. Более того, «старым» в большинстве случаев явилось еще «дохрущевское». Оказался сохраненным один из главных политических принципов «культта»: имитация преобразовательной деятельности, идеологические декларации на темы прогресса вместо реальной, подлинной деятельности, бег на месте вместо продвижения вперед. В условиях же формационного соревнования социализма и капитализма «бег на месте» был по своей истинной сути нарастающим отставанием.

Возродить из небытия волонтеризм сталинского типа было уже невозможно: не сразу, но сравнительно скоро это поняли и

и инициаторы переворота 14 октября 1964 г. Однако для них демократизация не могла быть альтернативой: основная часть организаторов переворота выдвинулась, выросла в политическом вакууме после 1937–1938 гг. и после 1949–1950 гг. Подлинная демократизация неизбежно поставила бы их под огонь конструктивной критики и неизбежно заставила бы в конце концов уйти без славы и чести... А потому оставалось только холить и лелеять все тот же волонтаризм, придав ему благообразную внешность.

Механизм консерватизма инициаторов 14 октября 1964 г. имел сугубо политическую подоплеку. Объяснения психологического плана здесь несостоятельны.

Необходимость серьезных качественных преобразований хозяйствования и управления проявила себя, как мы уже отмечали, еще в предвоенные годы. Тем более явной и насущной эта потребность в преобразованиях выступила после войны. Частично преобразования были начаты после 1953 г. Н.С. Хрущевым. Но именно их осуществление «культовыми» средствами, перспектива их дальнейшего развертывания, требовавшая не только радикального очищения от сталинского наследия в экономике и \ более радикальной чистки унаследованных от сталинских врагов партийных кадров, привела к политической изолинии м. С. Хрущева, а затем и к его устраниению.

Сложилась весьма своеобразная ситуация. Необходимость перемен была самоочевидна. Аппарат готовил доклады, речи, постановления и обращения в духе всеми ощущаемых, необходимых и очевидных перемен. Тем более что готовить эти доклады, речи можно было так или иначе только при участии науки. Наука, даже на ее официозном уровне, не столь принципиальном, чтобы настаивать на неудобных истинах, вынуждена была все же какие-то назревшие нозации включать в докладные записки, предложения по докладам, по постановлениям. Науку можно заставить вертеться на холостом ходу, но не всю, не во всем, не всегда... Получались не самые плохие в научном смысле

доклады, произносимые, однако, весьма и весьма консервативными деятелями, отнюдь не стремившимися реализовать ими же произнесенное. Докладчик порой «озвучивал» доклад, идеи которого не во всем понимал и с которыми в конце концов не был согласен...

Практическая реализация таких докладов и постановлений была минимальна. Аппарат партийных органов, аппарат министерств и других центральных ведомств, хозяйственные руководители на местах совместными усилиями подновили, подлатали сталинскую систему имитации всеобщего благополучия. Планы (не слишком напряженные: составляемые «от достигнутого») кое-как выполнялись, а если не выполнялись, то «вполне законно» корректировались, а если же их почему-либо оказывалось невозможным откорректировать в нужную сторону, в ход шли приписки, фальсифицировавшие истинную картину. Налицо было молчаливое согласие на приписки, на обман и самообман. Громкие крики «Ура!» звучали немедленно, как только очередное постановление еще принималось, а дотошный контроль за его исполнением считался дурным тоном.

Сложилась система постоянной круговой поруки, организованной малоспособными, ни на что, кроме интриг и приписок, не годными людьми. Целью же и обмана, и интриг была власть – и только власть: цель, но мнению реализовывавших ее персонажей, оправдывавшая любые средства. В эту круговую поруку были вовлечены обстоятельствами и те, кто вообще-то и был способен (в свое время эту способность проявил на деле) выполнять самые серьезные организаторско-управленческие обязанности, но ради пребывания у власти готов был поступиться своими умениями.

Все существенное, что делалось полезного после 1964 г., – индустриализация строительства, попытки экономической реформы в 1965–1966 гг., попытки продолжить интенсификацию сельского хозяйства, поддержание относительно большого объема жилищного строительства и т.п. – было заложено до 1964 г.,

разработано как принципы политики до 1964 г. Однако и это делалось все в какой-то мере по инерции, по затухающей кривой. Все те начинания, которые возникли до 1964 г. и хоть в какой-то мере угрожали благополучию бюрократии, приведшей к власти Л.И. Брежнева, либо были немедленно отставлены, либо дело ограничилось лишь имитацией реформ и перемен.

Вскоре после переворота Пленум ЦК КПСС принял 16 ноября 1964 г. постановление «Об объединении промышленных и сельских областных, краевых партийных организаций». Бюрократия партийных органов вернулась на круги своя...

В сентябре 1965 г. решением Пленума ЦК был удовлетворен и важнейший запрос хозяйственной бюрократии: восстановлено прежнее отраслевое (через министерства) управление народным хозяйством. Бывшие министерские работники, «высланные» в совнархозы, вернулись в свои «забронированные» московские квартиры...

XIII съезд 29 марта – 8 апреля 1966 г. исключил из Устава КПСС пункт об обязательной сменяемости кадров и вновь учредил должность Генерального секретаря. И здесь все вернулось на круги своя...

Решением сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС была принята установка на экономическую реформу, предполагавшую повышение степени самостоятельности предприятий (введение полного хозрасчета, переход на экономические методы управления, более полное использование товарно-денежных отношений и т.д.). Однако реформа была плохо подготовлена, директивы зачастую строились на уровне идей, не подкрепляемых технологиями. Налицо было цепное нежелание эту реформу проявить главе с Л. П. Брежневым встали на путь прямого саботажа реформы. Это обусловило ее заведомый провал.

Решение об экономической реформе в сентябре 1964 г. было по своему объективному содержанию, пожалуй, наиболее серьезной попыткой обновившейся группы руководства страной и партией внести что-то реальное в освобождение от «культового»

наследия. Если бы эта реформа удалась, то из-под ног у «культового» наследия была бы выбита соответствующая его природе экономическая основа. Была бы решена одна из ключевых проблем освобождения от этого наследия. Однако содержание реформы пришло в противоречие с интересами того круга людей, которые должны были руководить ее прозедением. В проведении реформы проявила себя полной мерой традиция принятия радикальных решений без должного последовательного обоснования, без доведения общих идей мероприятия до конкретных, взаимоувязанных технологий. И наконец, хозяйственная и партийная бюрократия делали все, чтобы экономическую реформу провалить.

Ощутимым все же позитивным шагом по преодолению «культурного» наследия было официальное признание на научном и политическом уровне приоритета социальных целей по отношению к целям экономическим. Первоначально на нескольких передовых предприятиях по инициативе «снизу» возникло так называемое социальное планирование. Идея была выдвинута наукой, а осуществлялась совместно предприятиями и научными учреждениями (завод «Светлана» в Ленинграде и ЛГУ; Пермский телефонный завод и Пермский политехнический институт; объединение «Электрон» во Львове и Львовский филиал Института экономики АИ УССР). Опыт социального планирования был замечен и поддержан на XXIII и XXIV съездах КПСС. После принятия новой Конституции СССР (октябрь 1977 г.) планы развития на всех уровнях стали именоваться «планами социального и экономического развития». Однако здесь снова ясно проявила себя «культурная» традиция: громкие декларации и подмена реального дела пустыми словами, имитация дела.

Фактически выделение социального планирования в самостоятельную форму управления общественным развитием должно было осуществляться на основе широкого развития самоуправления и демократии. Социологические исследования, без которых реальное социальное планирование невозможно, долж-

ны были обеспечивать социальное планирование информацией, степень объективности которой в принципе была бы выше прежней. Уровень обратной связи – информированность трудящихся о социальной ситуации, социальных процессах – при этом должен был бы тоже качественно повыситься. Только тогда могло осуществляться реальное и эффективное социальное планирование, способное дать сильный позитивный импульс общественному сознанию и общественным отношениям.

Такое социальное планирование, однако, мешало бы спокойствию бюрократии, ибо оно подрывало бы «культовое» сведение роли рядового работника к роли «винтика», делало бы весьма затруднительным произвол в управлении социальными процессами, мешало бы скрытию от трудящихся всей невыгодной для бюрократии социальной информации. Характер истинного социального планирования был поэтому грубо искажен. Фактически оно было сведено к экономическому планированию в традиционных формах. И здесь налицо была лишь имитация дела.

Остальные нововведения в экономике и политике – переход к гарантированной оплате труда в колхозах, переход к пятидневной рабочей неделе, принятие новой Конституции СССР и др. – традициям «культа» прямо не угрожали. Их позитивное значение очевидно, но «культовое» наследие проявилось здесь в том, что и эти, давно назревшие, очень важные с точки зрения позитивного развития социализма экономические, политические и идеологические реформы по своему содержанию были половинчаты, да и не осуществлялись последовательно. Любая попытка в их реализации пойти до конца неизменно пресекалась в какой-либо неявной форме.

Новая – консервативная – политическая тенденция первое время маскировалась: не то чтобы она заигрывала с «левизной», но упор на критику волюнтаризма Н.С. Хрущева какое-то время внушал иллюзии, что поворота «направо» не произошло. Пробным камнем режима, обнажившим его истинное политическое лицо, была «Пражская весна» 1968 г.

В основе «Пражской весны» лежало стремление уйти от деформированного «культового» социализма, навязанного Чехословакии в свое время И.В. Сталиным и нашедшего там достойных последователей и подражателей. Если в Венгрии народное восстание в 1956 г., на наш взгляд, довольно быстро переплелось с контрреволюцией и можно было говорить о реальной опасности перерождения власти, и общественного строя (тем более что в Венгрии был раньше свой вариант фашистской диктатуры и в войне она участвовала на стороне гитлеровского рейха), то в Чехословакии у власти все время твердо оставалась компартия и речь могла идти лишь об обновлении социализма.

В условиях «Пражской весны» безусловно подняли голову антисоциалистические силы. Однако контрреволюционные элементы проявили себя отнюдь не в решающей степени. Брежневско-сусловский режим об этом был достаточно хорошо информирован и фактически видел для себя главную опасность как раз в самой тенденции обновления социализма.

Это и обусловило вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. войск стран Варшавского Договора во главе с СССР.

После августа 1968 г. режим Л.И. Брежнева – М.Л. Суслова перестал скрывать (или хотя бы маскировать) свою консервативную направленность. Последовала серия мероприятий, которую можно назвать только «завинчиванием гаек». В той мере, в какой вообще был возможен сталинистский термидор, он был осуществлен после подавления силой «Пражской весны».

Еще в сталинские времена были мало-помалу растеряны методы и принципы научного управления социальным развитием. Весьма характерна в этом отношении не показная, а истинная история планового управления. По мере нарастания сложности экономики планирование на основе хоть какой-то научно обосновываемой перспективы подменялось сиюминутной «утряской» частных текущих вопросов. Контрольные цифры определялись простой экстраполяцией – от достигнутого. До уровня действительного конкретного плана (с его рассчитанностью по

нормативам, сбалансированностью и т.п.) эти цифры не доводились, оставаясь фактически лишь малообязательной политической декларацией. Работа шла по годовым планам, но и они составлялись скорее по принципу «затыкания прорех», чем на основе подлинной науки. Централизация планирования была непомерной, порой просто абсурдной. Планы непрерывно корректировались, менялись и фактически превратились в метод оправдания складывавшегося полустихийно на каждый данный момент положения.

Лишнее сколько-нибудь серьезной научной основы, планирование вырождалось в наихудший вариант стихийности. Степень управляемости экономики непрерывно падала по мере возрастания ее масштабов и сложности. Помимо всего прочего, это создало чрезвычайно благоприятные условия для злоупотреблений и казнокрадства, превратившихся в своего рода негласную норму реального экономического поведения.

Фактически в управлении социально-экономическими процессами воцарился столь полный произвол, что он по степени своей субъективности превзошел и все сталинские «культовые» precedents, и хрущевские импульсивные начинания.

Общество, которое по своей сути, по своей природе должно было бы развиваться на строгой научной основе, оказалось на грани фактически полного (и чуть ли не принципиального) отказа от научного обоснования социально-экономической политики.

В нашей литературе до сих пор чаще всего о социальном феномене бюрократии пишут в какой-то мере обезличенно. Дело не в том, чтобы здесь назвать те или иные фамилии и должности (это порой, кстати сказать, делается). Суть вопроса в том, чтобы показать, как в характере рекрутования слоя государственной и партийной бюрократии «культовые» традиции формируют определенные качества руководящего слоя и определенные требования к его компетентности в вопросах, решать которые он призван. Общий уровень и тип субкультуры бюрократии, ее неспособность к освоению нового, ее неспособность к участию в вы-

работке коллективных решений, ее негативное отношение к науке и непонимание самой природы научных рекомендаций, ее нравственный облик, моральные критерии предпринимаемых действий, ее неспособность к гуманистически направленному моральному выбору есть следствие воспитания и отбора.

Объективные основания для подбора, выдвижения, продвижения кадров лежат в реальных потребностях общества, его экономики, его политической надстройки, культуры, идеологии. Однако объективные условия и критерии опосредствовались внутренними интересами «культа» как системы отношений – «культа» как паразитирования на действительном развитии и функционировании общества. «Культ» не снимает целиком объективные условия и критерии: он и не в силах это сделать, ибо по своей природе есть лишь паразитарное явление. Но пока он существует, он опосредствует, преломляет через свой эгоистический интерес общественную потребность. И тем самым деформирует принципы социального продвижения.

В итоге нарастал страшный для планомерно развивающегося и планомерно функционирующего общества разрыв между объективными потребностями общества и управляемых кадрах определенного (высокого и все возрастающего) качества и реальным качественным уровнем кадров, все больше отстававшим от объективной потребности. Все в большей степени тяжела ноша, и во все возрастающей степени она становилась руководящему слову не по плечу...

Сталинские репрессии 30–40-х годов привели к несомненному снижению политического и нравственного уровня хозяйственных кадров (хотя чисто функциональные качества не всегда менялись в худшую сторону). Во времена Н.С. Хрущева общее засилье субъективизма все же вело к нарастанию разрыва между повышающимися объективными потребностями общества и реальным качеством кадров. При Л.И. Брежневе этот разрыв стал катастрофическим.

Потеря нравственных критериев подбора руководителей особенно тяжела для коллективистского общества. Может быть, правильным было бы даже считать, что это главный пункт порочности «культовой» кадровой политики.

Социализм, как всякая социальная система, зиждется на вполне материальном основании, но его решающие преимущества, вытекающие из его коллективистской природы, неотделимы от его принципиальной духовности, от высокого уровня (и возрастающего уровня) нравственности. Распространение всеобщей безнравственности в руководящем слое поэтому подрывает основу основ социализма, одно из решающих его преимуществ перед капитализмом. Лишенный позитивных нравственных качеств руководитель при социализме не может рассчитывать на личностный либо ритет. Он может лишь уповать на власть как давление, принуждение, но не па силу примера, убеждения, требующих соответствующей моральной основы. Социальная иерархия вырождается из единственно функциональной для социализма иерархии универсальных и всесторонних личностных достоинств и иерархию должностей, «руководящих стульев», и иерархию безликих, безотказных, безнравственных исполнителей.

Логика социальных систем сложна, трудна для постижения, доступна в полном объеме лишь профессионалам, но отказ от этой логики (отказ от последова тельной научности в управлении обществом) в пользу субъективизма любого толка – сталинского, хрущевского, брежневского, еще чьего-то – чреват принципиальной нефункциональностью и экономики, и политики, и идеологии. Социализм в целом теряет свою функциональность, свою историческую прогрессивность, если его пытаются основывать на субъективизме и безнравственности.

Фактический отказ от научного обоснования социально-экономической политики был осуществлен еще в конце 20 – начале 30-х годов. Л.И. Брежnevым этот отказ был повторен в типичных «культовых» традициях: имитации научности. За время

с 1964 по 1982 г. непрерывно декларировались требования повысить роль общественных наук в практике социального управления. Все это создавало видимость, иллюзию исключительной озабоченности о творческом развитии прикладной функции общественных наук. Фактически же в них в целом сложились и усиленно поддерживались жесткая монополия, вульгарно-апологетическое направление, ставившее перед собой лишь вульгарноидеологические цели. Основным содержанием официозной науки оставалась апологетика, выхолащивавшая и дискредитировавшая марксизм, сводившая его в лучших «культовых» традициях к роли лишь государственной религии.

...Слова известной шуточной (вернее, иронической) песенки из кинофильма Э.А. Рязанова весьма подходят, на наш взгляд, для характеристики той роли, которая отводилась общественным наукам:

Мы не сеем, не пашем, не строим.

Мы гордимся общественным строем.

Руководство, заведомо отказавшееся от развернутого научного обоснования перспектив своего развития, определившее общественным наукам лишь скучную функцию апологетики, было способно в лучшем случае только к бегу на месте.

Механизм устрашения, на котором во многом строилась система управления до 1953 г., надо было частично заменить каким-то другим, более безопасным для самой бюрократии. Нужен был механизм менее жесткий и категоричный в своих требованиях, но обуславливающий хотя бы минимальную эффективность управленческой деятельности в рамках мало измененной (и даже реставрированной в каких-то важных чертах после 1964 г.) административной системы. Такой альтернативой мог быть только механизм несменяемости кадров и механизм подачек, полуприкрытых от глаз народа материальных привилегий (включая сюда и негласное разрешение умеренного казнокрадства, взяточничества и поборов, протекционизма, валютных махинаций).

Механизм устрашения полностью не мог быть устранен вопреки поверхностным представлениям. Он лишь был смягчен, а главное – стал более конкретным по своей направленности: его объектом был круг лиц, не проявлявших лояльности к руководству, причем прямые политические обвинения практиковались не часто, уступив приоритет фальсифицированным обвинениям уголовного характера. Общее же предпочтение все же оставалось за методом подачек и привилегий, к которым, наряду с простейшими, извечными, так сказать, методами самообогащения, теперь добавились дежурно-юбилейные награждения орденами, раздача премий, званий, издание «трудов» и т.п.

Прямая и полная реабилитация И.В. Сталина, как мы уже отметили выше, была невозможна. Но для косвенной, хотя бы частичной было сделано все возможное. Критика И.В. Сталина и его действий была прекращена. Общественному мнению поднаторевшие в идеологических фальсификациях чиновники от идеологии подсунули гипотезу, что вся критика и на XX и на XXII съездах была вызвана только личным эгоистическим интересом Н.С. Хрущева: обругать И.В. Сталина, чтобы возвысить себя. Значительная часть имен старых коммунистов, государственных деятелей, ученых, писателей, сложивших свои головы в сталинские времена, вернулась во всевозможные энциклопедии и справочники, но понять причину их массовой гибели, скажем, в 1937–1938 гг. было невозможно: не указывались даже сам факт репрессий и причина смерти, ее точная дата. Все мало-мальски хорошее лично о И.В. Сталине, что можно было выжать из истории, было до последней капли выжато. С очевидным умыслом осуществлялось смешение явлений, связанных друг с другом, но не тождественных друг другу. Исследование «культа личности» подменялось изложением биографии И.В. Сталина, описанием его участия в тех или иных событиях истории советского общества; достижения советского народа подменялись трактовкой этих достижений как якобы личных заслуг И.В. Сталина; замал-

чивались ошибки, просчеты, преступления И.В. Сталина и его ближайшего окружения.

Самое главное, что показывало истинное официальное отношение к сталинскому наследию в 1964–1982 гг., было то, что оставалась в ходу сталинская интерпретация истории партии, истории страны в целом в 20–40-е годы, истории войны 1941–1945 гг., истории международного рабочего и коммунистического движения... Образ «великого вождя» после XX и XXII съездов явно померк... Однако эти, не слишком «удобные» для восхваления И.В. Сталина, съезды упоминались редко. Имя И.С. Хрущева, тексты его выступлений, его изображения (даже в документальных фильмах) были вычеркнуты из обихода. Его как бы и вовсе не было...

Субъективные политические симпатии руководящего ядра проявились здесь очень точно. Но объективные политические реалии все же были иными. Это обнаружилось в тот момент, когда надо было прямо и ясно определить свое отношение к И.В. Сталину как олицетворению системы «культы личности» в СССР. Такой момент наступил 21 декабря 1979 г. В этот день в «Правде» была напечатана редакционная статья: «К 100-летию со дня рождения И.В. Сталина». В ней было собрано все положительное, что можно приписать лично И.В. Сталину, однако не игнорировались и негативные следствия «культы». По своему духу статья соответствовала Постановлению ЦК КПСС от 30 г 1956 г. «О преодолении культов». Таким образом, уйти от осуждения (пусть лишь на словах) «культы личности» все же не удалось. Вместе с тем, уровень оценки «культы», выяснение его основ и его природы спустя 20 лет во многом был недостаточен.

Заигрывание с наследием «культы», попытка использовать это наследие для своих эгоистических интересов дорого стоили нашей стране.

Степень деформации социализма, обусловленная тенденцией играть в «культовые» игры, особенно отчетливо выявилась в Средней Азии, Казахстане, Закавказье. Наше общество и наше

теоретическое понимание общества получили наглядный урок того, что социализм несводим к отношениям собственности, что государственная собственность может быть весьма значительно (не целиком, конечно, но весьма и весьма значительно) отчуждена от работника, что в условиях сохранения «культовой» традиции на феодальной социокультурной основе происходит как бы реанимация еще и социальных структур феодального типа, что насаждается своего рода феодальный (не мелкобуржуазный, а именно добуржуазный, феодальный) вариант «культурного» отношения масс к руководителю, если это такой руководитель, который, называясь коммунистом, фактически поставил себя в положение феодального владыки со всеми свойственными ему атрибутами власти.

Как ни тяжелы последствия попыток законсервировать «культурные» отношения в 1964–1982 гг. для экономической и политической сфер общественной жизни, все же наиболее глубокие негативные следы «культ» оставил в общественном сознании и самосознании всех слоев советского народа, в нравственной атмосфере общества.

Выше мы писали о начале процесса постепенного преодоления «культурного» сознания. Социальная практика, особенно в экстремальных социальных условиях (в частности, в период войны 1941–1945 гг.), необходимо формировало антикультурное понимание высокой ценности самодеятельной сознательной ответственности каждого человека в коллективистском обществе. Одновременно расширялся общий социально-политический кругозор людей, повышалась их грамотность. Рассло представление о ведущей роли общечеловеческих гуманистических принципов. Поворотным пунктом в этом процессе был, как уже было сказано, XX съезд КПСС.

Но «поворотный пункт» – это далеко еще не освобождение. До полного освобождения оставался впереди еще долгий, очень трудный, противоречивый, а самое главное, отнюдь не однозначный по результату путь.

Истинно «культовое» сознание широких масс – разновидность религиоподобного сознания – по самой своей сути содержит в себе существенный элемент духовности, энтузиазма. Такое сознание – сложный и противоречивый конгломерат элементов научного представления о перспективах социального развития (оно привносится в массы), элементов утопического представления о характере будущего состояния общества, путях, ведущих к нему, сроках радикальных общественных преобразований, элементов религиоподобного представления о политическом руководстве как некоем священнодействии, о руководителях как «великих вождях» и т.п.

Обстановка «культа» рождает и другой вариант сознания – вульгарное карьеристское сознание прихлебал, прислужников, доносителей и т.п. Это – не массы, не основная часть общества. Однако этот слой типичен и закономерен для условий «культа». По своему миропониманию они прагматики, для них приемлема любая социальная или политическая система, если она позволяет лично им успешно делать карьеру, делать выгодные для себя делишки и т.п. Они безразличны к любым идеям, вождям, социальным институтам, поскольку во всем мире любят и ценят только самого себя: их единственная религия – эгоцентризм.

Для общества социалистической ориентации жизненно важно, чтобы «культовая» ступень духовности и энтузиазма – духовность через религиоподобное восприятие идей социализма, через поклонение вождям, через религиоподобное восприятие социальной философии вообще – не оказалась в последующем развитии просто потеряна, а постепенно, по мере развития и отношений в обществе, и образующих общество людей, переходила бы в исторически более высокую форму духовности, идейности, социально-направленного энтузиазма: критическое, научное осознание закономерности, прогрессивной направленности истории, рождающее осознанное следование определенной концепции общества, истории, сознательный поиск своего места в обществе и истории. Такой форме духовности лишь в мини-

мальной степени должна быть свойственна экзальтация, эта духовность не должна тяготеть к лозунгам и приветственным возгласам, но по своей природе она на порядок более устойчива, формирует относительно жесткую, логически обоснованную последовательность действий, ей свойственна самостоятельная ориентация в ситуациях социального выбора. Критичность этой формы духовности, идейной убежденности никогда не носит чисто внешней направленности: она всегда включает самого автора в круг критически исследуемой социальной ситуации, то есть она обязательно самокритична и конструктивна. «Культу» она органически чужда.

И в довоенной действительности было достаточно фактов, толкавших людей к освобождению от религио-подобных иллюзий относительно природы того общества, тех конкретных социальных отношений, в системе которых они жили и действовали. Однако по преимуществу это были факты негативного свойства негативной направленности: люди сталкивались с типичными элементами авантюризма в экономической политике, с фактами произвола, безнравственности в самом процессе руководства общественной жизнью, с необоснованными репрессиями и т.п. В той или иной мере эта практика освобождала их от элементов «розового» утопизма, от религиоподобного отношения к руководителям и самому процессу руководства и т.п. Однако у этого процесса была и своя слабая сторона: толчком к нему были негативные эмоции (по поводу негативных же явлений). Поэтому сознание отказа, отрицания в осознании действительности в массе своей превалировало над программами позитивного действия.

Война 1941–1945 гг. резко ускорила и серьезно усугубила этот процесс смены типа сознания. В тех явлениях реальной жизни, которые воздействовали на сознание широкой массы, было множество негативного, критическое в осознании социальной ситуации занимало очень большое место, однако основой сдвига в сознании был поиск позитивной программы: что нужно сделать всем и каждому, мне лично, чтобы война была

выиграна минимальной ценой?.. Поэтому на смену созидальному сознанию прежнего типа шло созидальное сознание нового типа, более критическое, а потому и принципиально более последовательное, более действенное, более результативное.

Противодействие «культа личности» процесс этот могло затормозить, но не могло его остановить.

Политическая линия 1953–1964 гг. (может быть, точнее начинать ее с 1956 г. – с XX съезда) была направлена, при всей ее внутренней неустойчивости, непоследовательности, противоречивости, именно на «переключение», «перевод» духовности и энтузиазма прежнего религиоидного уровня на другой, более высокий. При этом процесс реальной трансформации и идеиности далеко выплескивался за пределы официальных рамок, что тоже не было случайностью, ибо официальные рамки процесса трансформации сознания определили люди, еще не так давно с той или иной мерой активности формировавшие противодействие новому сознанию.

После октября 1964 г. процесс формирования нового сознания не только затормозился, но и резко деформировался. Период сразу начался объяснениями на уровне полуправды и лицемерия, а затем полуправда и лицемерие все набирали и набирали силу: лишь опираясь на них, можно было не только сохранять оставшееся от старого «культа», но еще и пытаться «сверху» насаждать новый. Лживость этих потуг уже была очевидной не единицам, а самой широкой массе: вряд ли в стране были заблуждающиеся относительно смысла проводимой политики, относительно вакханалии самонаграждений и самого Л.И. Брежнева, и его окружения, вряд ли было непонятным лицемерие призывов к высокой идеиности и строгой нравственности в сочетании с практикой элементарного «хапания» со стороны многих и многих руководителей.

Под воздействием тенденциозной полуправды и процветавшего в идеологической деятельности лицемерия старая, «культовая» по происхождению идеиность уже не могла трансформиро-

роваться в идейность новую, более высокую. Шел, скорее, обратный процесс: идейность, духовность в изрядной мере замещалась так называемой безыдейностью. Мировоззрение упрощенно коллективистского характера (свойственное массе трудающихся в условиях «культта») зачастую вместо того, чтобы перерастать в более основательное, антикультовское, на порядок более высоко осознанное коллективистское же мировоззрение, сменялось вульгарно-индивидуалистским, последовательно эгоцентрическим и в этом своем качестве – антигуманным, лишенным нравственных норм и принципов, чаще всего упрощенно приобретательским и потребительским. Именно на этой почве возродились и расцвели вешизм, пьянство, наркомания, принципиальная (не от нищеты, а от хищничества, приобретательства) проституция, невиданные прежде по своим масштабам взяточничество, всевозможные поборы, спекуляция, небескорыстный протекционизм, валютные махинации, контрабанда и т.д. и т.п.

Эпицентром подлинной – действительно социалистической по своему духу и направленности – идейности оставалась, как это не раз уже было в истории России, находившаяся в своего рода оппозиции к официозной вульгарной пропаганде критическая литературная социальная тенденция. Аналогичное противостояние приспособленчеству и новой идейности было в кино, театре, изобразительном искусстве и т.п.

На эту оппозицию своим идеологическим установкам режим Л.И. Брежнева – М.А. Суслова ответил вполне в духе «культовых» традиций: репрессиями. Эти репрессии были иными (и по масштабу и по характеру), чем сталинские, но налицо оказалась реакция именно «культурной» природы на оппозицию. Эта оппозиция получила название «диссидентства». Фактически она, как и всякая активная оппозиция в условиях авторитарного режима, была лишь видимой вершиной айсберга.

Часть деятелей искусства и культуры была осуждена (якобы за политические преступления), изрядная часть оказалась за рубежом (кто-то уехал сам, кто-то был выслан, причем, как прави-

ло, с лишением гражданства СССР), часть, оставаясь в СССР, фактически действовала в полуподполье. Широкое распространение получили так называемые «самиздат» и «тамиздат» – формы (каналы) идеологического воздействия оппозиции брежневскому варианту «культа».

Репрессивная политика по отношению к идеологической оппозиции стимулировала политическое расслоение оппозиционных слоев. Часть оппозиции критиковала брежневщину (то есть «культовую» идеологию и практику) с позиций демократического социализма, часть же фактически отдала дань антисоциалистическим и антисоветским представлениям. Сейчас есть тенденция нивелировать взгляды оппозиции, сменив в оценках лишь знак: с «--» на «+». Правомерность такой нивелировки кажется нам сомнительной.

Глубокое раздвоение по идейному критерию характерно и для общественных наук в период 1964–1982 гг. (это раздвоение, частично уже преодоленное в литературе и искусстве, мало изменило свой характер в современном обществознании).

Официальное обществоведение (так называемый «марксизм учебников»), связанное с «культом» и генетически, и по духу своему, было (и во многом остается до сих пор) по преимуществу на уровне вульгарной, приспособленческой, эклектичной методологии. Исследование социализма как системы противоречий отсутствовало в этой сфере обществознания. Возможность противоречий с грехом пополам была признана. При этом любопытно, что в официальных партийных документах противоречия социализма – и то не как внутриприсущее самому социализму свойство, а лишь как некое их абстрактное присутствие – были впервые признаны лишь на Пленуме ЦК в июне 1982 г., то есть фактически уже за пределами рассматриваемого нами сейчас периода. Это был такой уровень признания, когда в выражавших официозную точку зрения учебниках в лучшем случае помещали отдельный параграф о противоречиях.

Сферой общественных наук, где творческое развитие марксизма с трудом, но все же прокладывало себе дорогу через все наслоения вульгарной, компилиативной апологетики, было так называемое периферийное, внеакадемическое обществознание. Здесь в безгонорарных в основном (и уже потому второстепенных по своему официальному рангу) периодических изданиях, в периферийных университетских изданиях (Ростов, Саратов, Томск и др.), в тезисах и материалах конференций, симпозиумов и т.п. в потоке все той же апологетики все же иногда прорывалась живая мысль, мелькали подлинно творческие постановки проблем. Эта область обществоведения была менее подвержена официозной цензуре, но зато она и от возможности влияния на вырабатываемую социально-экономическую политику была и остается пока отделенной тремя китайскими стенами.

Застойность в социально-экономических отношениях, застой в сфере официозной обществоведческой науки, деградация нравственных принципов деятельности во всей сфере управления (потеря нравственных критериев управляемской деятельности была общим фоном, на котором каждый индивидуально вел себя по-своему, но полностью избавить себя от компромиссов с совестью не мог никто), серьезнейшее размывание по всей толще общества ценностей коллективизма были в 1964–1982 гг. логическим и закономерным следствием попыток реанимации «культы личности».

Период 1964–1982 гг., характеризовавшийся попыткой законсервировать (а порой в чем-то и приумножить) традиции «культы», «культурный» строй общественных отношений, завершился уже несколько лет назад, однако его тяжелейшее наследие в экономической сфере, его тлетворное влияние на отношения в обществе, на умы и чувства людей долго еще будут мешать продвижению вперед нашего общества.

Вокруг этого «наследия» прошлого идет сейчас ожесточенная борьба и в сфере экономики, и в сфере социальной органи-

зации, и в идеологии, и в политических отношениях. Компромиссы в этой борьбе исключены...

10 ноября 1982 г. скончался Л.И. Брежnev. За несколько месяцев до этого – в январе 1982 г. – закончилась земная жизнь главного идеолога периода 1964–1982 гг. М.А. Суслова. На внеочередном Пленуме ЦК 12 ноября 1982 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Ю.В. Андропов, после смерти М.А. Суслова перешедший в мае 1982 г. с поста председателя Комитета государственной безопасности на пост второго по статусу секретаря ЦК.

К власти впервые пришел человек, не отягощенный серьезными связями со сталинскими репрессиями, не связанный прямо с переворотом 14 октября 1964 г. В этом смысле Ю.В. Андропов мог быть назван первым пришедшим к власти человеком новой формации.

Очень важным политическим начинанием периода с ноября 1982 г. по февраль 1984 г. была организация борьбы с коррупцией, разъедавшей партийный, государственный и хозяйственный аппарат. Фактически была объявлена война той самой системе подачек и безнаказанности казнокрадства, которая в брежневско-сусловском варианте «культовой» системы управления обществом выдвинулась на первый план, отодвинув на второй систему прямого устрашения. Одновременно были предприняты и первые шаги по столь же бескомпромиссной борьбе и с новым изданием системы устрашения, когда ее исполнительным институтом стали в период 1964–1982 гг. коррумпированные органы МВД, под вымышленными и фальсифицированными предложениями участия в «уголовных преступлениях» расправлявшиеся с покусившимися на самовласть и привилегии руководящего слоя.

Для преодоления «культового» наследия в соотношении науки и политики большое значение имела речь на июньском Пленуме Ю.В. Андропова. Одно из положений этой речи мы

считаем нужным не только отменить, но и процитировать полностью: «...если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»². Это признание фактически подводило черту под «культовым» обоснованием политической линии – признаваемыми с порога всегда безошибочными гениальными научными указаниями каждого очередного вождя, – которое господствовало в СССР с конца 20-х годов и было причиной серьезнейших трагедий, ошибок и неудач.

Мы склонны считать, что это признание в речи 10. В. Андропова по своей конечной антикультурной направленности, может быть, не менее важно, чем доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС.

Очень важное значение имела и установка Пленума на формирование нового типа экономического мышления, нацеленного на инициативу и социалистическую предприимчивость, на повышение ответственности, творческий поиск путей, ведущих к наилучшему конечному народнохозяйственному результату при наименьших затратах³.

Мы не будем специально останавливаться на анализе проблем, решаемых страной в настоящее время, то есть в период начавшейся после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС перестройки, очень далекой пока до завершения. Анализ современности надо вести, по нашему мнению, в несколько ином ключе, чем ретроспективный анализ истории. Отметим лишь, что в условиях современности перед нами до сих пор неотвратимо стоит во весь рост проблема освобождения от рецидивов, от стереотипов сознания, от пережитков «культа личности». Это

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 года. М., 1983. С. 124–125.

³ См. там же. С. 18.

сложная, трудная задача: самое трудно искореняемое наследие «культы» сидит в нас самих, в наших мыслях, поступках, ценностях. Однако еще достаточно много элементов этого наследия сосредоточено в сферах политической организации, экономической, сфере идеологии, культуры сознания.

Один из весьма интересных исследователей феномена «культы личности», историк М. Я- Гефтер, назвал свое интервью журналу «Рабочий класс и современный мир» (1988. № 1. С. 113–129) «Сталин умер вчера...». В интервью высказано много глубоких и полезных в борьбе за преодоление наследия культуры И.В. Сталина мыслей. Однако с заголовком этого интервью мы бы не согласились. Мы утверждаем, что гораздо ближе к реальности формула: «Сталин умрет завтра!»

Только от нас с вами зависит, как скоро это «завтра» наступит...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»

...В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям... Но как ни важно это... для исторического исследования... оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам... Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы.

Ф. Энгельс

...Подведение итогов исследования столь сложного, многопланового и противоречивого явления, каким был «культ личности», требует, чтобы еще раз была уточнена общая концепция, опираясь на которую развертывалось исследование. После всего изложенного выше читатель вряд ли удивится, если мы здесь сошлемся на Ф. Энгельса: «...всякая историческая борьба – совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области – в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов...»¹.

Концепция эта сегодня, правда, служит объектом изощренных и яростных нападок публицистики, поскольку в недалеком прошлом она безосновательно была и абсолютизирована и вульгаризирована одновременно. Однако выношенные наукой фундаментальные положения нуждаются как в глубоком изучении, так и в основательной критике, более способной развить кон-

¹ Энгельс Ф. Предисловие к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» // Маркс К-. Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. С. 259.

цепцию в соответствии с новой исторической практикой, нежели эмоции или апелляция к здравому смыслу, чаще всего используемые современной публицисткой (серьезный научный анализ проблемы никогда не сможет быть подменен публицистической экзальтацией...).

Выше мы рассмотрели генезис и сущность «культа личности». Теперь, чтобы как-то обобщить это более или менее детализированное рассмотрение, мы должны попытаться понять место «культа личности» в общем ходе истории XX в., в общем процессе формационного перехода от общества индивидуалистического к обществу колlettivistскому. Надо теперь, опираясь на наше знание конкретного в «культе личности», сделав обобщения первого порядка, подняться в процедуре обобщения на более высокую ступень: найти для «культа личности» своего рода «экологическую нишу» в потоке всемирной истории.

История общества всегда складывалась из диалектически единого процесса эволюционных и революционных изменений. К. Марксу при анализе генезиса капитализма эта идея казалась очевидной. Не могло составить исключения и становление колlettivistского общества, идущего на смену обществу индивидуалистическому. Становление социализма, идущего на смену капитализму, образует сегодня конкретное содержание этого формационного перехода.

Эволюционный путь становления колlettivistских отношений непосредственно обусловлен развитием производительных сил на третьей фазе капиталистической формации – фазе ее «умирания». Эволюционный путь формационного перехода представляет собой процесс, в котором развитие производительных сил, а вместе с ним и поступательное движение экономики в целом возможны только при условии, что элементы колlettivistских отношений постепенно теснят индивидуалистические

принципы хозяйствования. Проявляет себя объективно обусловленное внутреннее спонтанное изменение капитализма в общество нового типа. Как далеко может зайти этот процесс эволюционного становления нового, остается до сих пор предметом ожесточенных дискуссий.

Революционный путь обусловлен иной ситуацией в обществе. Развитие производительных сил, формирующих предпосылки социализма, вызывает в ряде стран, которые еще фактически не завершили достаточно полно переход к зрелому капитализму, крайнее обострение классовых конфликтов. Поскольку капитализм, достигший стадии империализма, изрядно себя дискредитировал в глазах самых широких слоев общества, это обострение классовых противоречий порождает широкое распространение расплывчатых представлений об общественном строе, отрицающем капитализм. Тем самым складывается почва для радикального решения дальнейших судеб общества и в первую очередь для революции, ориентированной на социализм. Политическая революция, ставящая своей конечной целью переход к социализму – первой фазе общества коллективистского типа, – совершается поэтому в ряде стран раньше созревания экономических, социальных, культурных предпосылок новых общественных отношений.

На определенных отрезках истории в силу ее неравномерности, в силу противоречивости исторического процесса та или иная из этих форм движения к социализму – эволюционная или революционная – выходит на первый план, становится ведущей. Однако в конечном счете история движется на основе противоречивого взаимодействия той и другой форм развития, причем они друг друга взаимообуславливают и взаимодополняют.

Эволюционное развитие социализма получило довольно полное отражение в программах социал-демократических и социалистических партий. Вместе с тем реальную политику этих партий никак нельзя идеализировать. В свое время эти партии

осуществили ряд явных и очевидных уступок буржуазии. За этими уступками стояла своего рода недооценка роли субъективного фактора истории, упование на решение всех проблем истории преимущественно самим «естественному» ходом развития общества.

Стихийный напор классовой борьбы трудящихся, ряд социальных завоеваний на пути революционного преобразования общества, политическая борьба за власть как средство утверждения влияния партии заставили со временем «леветь» социалистические и социал-демократические партии. Можно образно сказать, что объективные обстоятельства и требования масс «подталкивали» эти партии к социализму.

Революционное развитие социализма главным образом связано с политической деятельностью коммунистических партий. Для этих партий были типичны элементы «левых» утопических представлений о том, что сразу после политических революций будет наличествовать достаточно возможностей для быстрого продвижения к социализму, быстрой реализации «чистого» социализма. У этих партий имело место преувеличение роли субъективного фактора в реализации социалистических целей. В отличие от социал-демократии эти партии чаще всего тяготели к тому, чтобы энергично «подталкивать» массы к социализму.

Можно ли утверждать, что эволюционный и революционный пути к социализму равнозначны, равновесны, равноценны? Мы полагаем, что такая постановка вопроса сама по себе методологически некорректна. Нельзя сопоставлять их вне конкретной истории, вне реального изменения социально-экономической ситуации в мире.

В первой половине XX в. историческая обстановка складывалась в целом предпочтительнее для революционного пути.

Режим жесткой и открытой эксплуатации колоний, первая мировая война 1914–1918 гг., экономический кризис 1929–1932 гг. и 1937 г., наконец, фашизм негативно характеризовали со-

временный капитализм. Это негативное в данных конкретных исторических обстоятельствах в конечном счете перекрывало то позитивное, что в то время было достигнуто методами эволюции и потенциально могло быть достигнуто в видимом будущем на эволюционном пути. За совокупностью всех этих катализмов первой половины XX в. с очень большим трудом просматривалась перспектива эволюционного пути к социализму.

Историческая обстановка первой половины XX века характеризовалась складыванием революционной ситуации в целом ряде стран в связи с обострившейся неравномерностью и противоречивостью развития капитализма. Классовая борьба резко обострилась, сводя к крайнему минимуму возможности продвижения к социализму эволюционным путем.

Отсюда спонтанный приоритет революционного пути к обществу нового типа на этом отрезке истории.

Однако революционному пути были свойственны свои глубокие внутренние противоречия.

«Слабым звеном» в мировой политической системе империализма, где мог реализоваться революционный метод продвижения к социализму, закономерно оказывались страны, где капитализм еще не достиг высокой степени зрелости. В этих странах докапиталистические формы экономических отношений и политической организации общества были весьма значительны, порой в некоторых из этих стран налицо были и элементы колониальной эксплуатации, преобладала в массах культура во многом докапиталистического типа. Именно докапиталистической культуре свойственна низкая общая и особенно политическая грамотность, религиоподобное сознание, низкая политическая активность населения, отрыв политики от нравственности, групповой (и личностный) эгоизм самого вульгарного толка в политике и т.п.

В странах этого типа в силу относительной неразвитости рабочего класса, его невысокой общей и особенно политической

культуры, значительной (обычно преобладающей) численности крестьянства (а также других мелкобуржуазных слоев и классов общества) противостояние в общественных отношениях собственно работников и тех, кто интеллектуальным трудом обеспечивает функции управления и координации общественного процесса, являлось особенно сильным и глубоким. Этот разрыв исполнительского (по преимуществу физического) и интеллектуального труда не могла снять никакая политическая революция. Это под силу только революции технической и культурной, а они не могут быть осуществлены ни за год,, ни за пять лет: они требуют десятилетий. Поэтому в течение какого-то определенного (и не столь уж короткого) исторического периода в этих странах после политической революции строительство социалистических отношений осуществляется правящей партией и подчиненным ей политически государственным аппаратом скорее для масс, чем осознанно и целенаправленно самими массами.

Социальная структура в странах, в которых возобладал революционный путь к социализму, характеризовалась высокой подвижностью: переходные отношения ведут к ослаблению определенных границ социально-классовой принадлежности. Имеет место феномен своего рода переходной (маргинальна социальной структуры, высокий удельный вес элементов, потерявших определенность социально-классового положения (то есть своего рода люмпенизация части населения).

Все это не может не оказать негативного влияния и на характер интересов в социальном процессе, и на политическую культуру (как часть общей культуры), и на социальное самосознание, и на характер нравственного сознания, характер морали.

В этих условиях весь комплекс практического социального самосознания: понятие социализма как цели, представления о соотношении цели и средств в процессе движения общества к социализму, представления о связи материального и духовного, выгодного и нравственного в социальном процессе и т.п. – ста-

новится весьма зыбким, туманным, текущим, в высокой степени открытым для утопических иллюзий, легко доступным для прямого и корыстного давления вульгарной идеологии.

Ситуация строительства социализма с преимущественным акцентом «для масс» исторически складывалась объективно. Ее можно было смягчить, можно было свести к минимуму негативные моменты, но снять ее окончательно может только длительный путь направленного развития.

Революционный вариант движения к социализму оказывается, таким образом, перед альтернативой, перед выбором.

Можно было политическими средствами, в основном через все формы активизации политической роли трудящихся, свести к минимуму вынужденный негативный социальный эффект от отчуждения работника производства от реальной власти, от реального процесса принятия принципиальных управленческих решений.

Эта политическая линия могла бы сочетаться со строго выдерживаемой экономической политикой повышения благосостояния масс, реального учета всего многообразия экономических интересов трудящихся (включая крестьянство), действительной (а не декларативной) реализацией всего собственного социализму комплекса социальных гарантий.

В конечном итоге вся эта линия в социально-экономической политике позволила бы реализовать изначально противоречивую ситуацию строительства социализма «для масс» в стране, где далеко не все предпосылки социализма достигли достаточной степени зрелости, целенаправленно и форсированно подвести массы постепенно к тому, чтобы они сами играли решающую роль не только в непосредственном созидании нового общества, но и в управлении этим созиданием, выработали соответствующее социализму социальное самосознание.

Именно такого рода система установок проходила красной нитью через работы В.И. Ленина 1921–1923 гг. Именно она находилась в центре его политического завещания.

Но можно было идти и другим путем: фактически узаконить отношение к массам как «винтикам», построить экономические отношения с ними в ключе, близком к государственному капитализму, превратить крестьянство вновь в «податное сословие», использовать объективно необходимый механизм централизованного планового регулирования в качестве инструмента командования, администрирования, принуждения. Политическую организацию общества при этом можно было строить таким образом, чтобы провозглашенная диктатура рабочего класса «сама собой» трансформировалась в диктатуру авторитарных «вождей», опирающихся на превращаемых в бюрократов профессионально управляющих.

Это и был путь, который был выбран в России И.В. Сталиным. Этот путь и получил обобщенное (и, как мы уже отметили выше, не самое удачное) название «культ личности».

Неразвитость общей и политической культуры масс создала благоприятные условия для акцента на насилие, акцента на утопические цели и утопические методы на пути к социализму, недооценки значения индивидуальной судьбы в потоке целенаправленного воздействия на историю (жертвенности как абсолютного принципа), приоритета критерия пользы перед критерием нравственности. Как социально-политическая система, «культ личности» паразитировал именно на утопических иллюзиях о простом и быстром продвижении к социализму, на гипертрофии роли «вождей» и принижении интересов масс и их роли, на абсолютизации интереса группы (партии, класса) и пренебрежении интересами индивидов. Как бы конкретно ни варьировала форма «культы личности» в различных странах, его общие основы были однотипны, однопорядковы.

И до сих пор в литературе (особенно политической публицистике) можно встретить утверждения, что революционный путь к социализму не закономерен, что даже у народов таких стран, как Россия, Китай, уже в начале века был возможен эволюционный путь к социализму. Мы полагаем, что такой взгляд не более чем иллюзия утопического характера, попытка проигнорировать реальный ход истории.

Единственно возможной реальной альтернативой в начале XX в. революционному пути к социализму в большой группе стран, где капитализм не сложился окончательно и была налицо революционная ситуация, а сама эта революционная ситуация закончилась поражением революции, были отнюдь не либерально-буржуазные демократии (и тем более демократии более высокого – коллективистского, социалистического типа), а праворадикальные (фашистские и полуфашистские) диктатуры.

Анализ существа и исторического развития «культа личности» наглядно подтверждает исходную гипотезу: каким бы на-громождением случайностей ни казался «культ личности», какие бы разные по внешнему облику формы он ни принимал в разных странах, его невозможно отнести к числу случайных явлений истории. Переход от старой формации к новой, тенденция движения к коллективистскому обществу при определенных социальных условиях закономерно сопровождается созданием благоприятных условий для «культа личности». «Культ личности» – одна из политических форм, отражающих при определенных условиях и для определенной группы стран давление старого на новое, проявление старого в новом на ранних стадиях формационного перехода.

Столь же не случайной представляется и возникновение праворадикальной (фашистской) тенденции, опирающейся на ту же маргинальность социальной структуры, на тот же неразвитый тип сознания масс, на утопические иллюзии (но главным образом национал-социалистического и корпоративного толка), на то

же религиоподобное отношение к руководящим группам и институтам в обществе, на тот же приоритет личностных и групповых целей, на тот же эгоцентристский аморализм. Правый радикализм и левый радикализм существуют исторически параллельно и в какой-то мере взаимно обусловлены антагонистическим отталкиванием одного от другого.

Точно так же предельно радикальное решение однотипной социально-экономической ситуации обуславливает наличие и у правого радикализма, и у левого радикализма некоторых внешне сходных организационных, институциональных, идеологических форм. Однако содержание социального развития, конечная его тенденция у них полярно противоположны.

Правый радикализм поэтому был наиболее открытым, последовательным и непримиримым врагом левого радикализма. Левый радикализм в конечном счете всегда платил ему той же монетой: в антифашистском сопротивлении коммунистические партии почти повсеместно играли решающую роль.

Такова реальная историческая альтернатива начала XX в.

Как мы старались показать в своем исследовании, «культ личности» в основе своей закономерен. Какие-то его элементы возникают объективно и неизбежно. Однако степень его развитости, формы его реализации, совокупность его негативных для судеб общества, народа, революции свойств во многом зависели от субъективного фактора.

Парадоксом и одновременно закономерностью истории является тот факт, что коллективистское общество возникает раньше, чем оно в состоянии создать механизм собственной защиты от узурпации власти авторитарной личностью, от аморального эгоцентристского интереса авторитарных групп и личностей. И этот разрыв во времени далеко не случаен, ибо историческая преемственность в процессе формационного перехода исключает возможность создания сразу, в самом ходе социалистической революции достаточно развитых и осознанных отно-

шений коллективности, коллективистской политической культуры широких масс, впервые становящихся сознательными творцами собственной истории. К моменту же революции могут быть развиты в основном только самые элементарные исходные элементы такой культуры. Новая культура общества в целом, новая политическая культура масс могут быть выработаны только ценой долгого, противоречивого, трудного и сложного общественного развития².

Таким образом, объективные предпосылки «культы личности» по шкали закономерно в условиях переходных отношений от капитализма к социализму. Они по являлись исключительной особенностью социально-экономически отсталых стран. Они не порождены (хотя безусловно стимулированы) особенностями строительства социализма в условиях капиталистического окружения. Они, однако, наиболее типичны для условий переходного периода именно в странах этого типа, тем более что переход к социализму мог идти в этих странах преимущественно через политическую революцию.

«Культ личности» – это социальная система, паразитирующая на становлении коллективистского общества, коллективистских отношений. Это не самостоятельное формационное явление истории, а именно сопутствующее, параллельное, паразитирующее. «Культовая» – паразитарная – структура не является органической частью самой коллективистской структуры общества.

² Концепция коллективности как определяющего (основного) отношения новой формации имеет корни еще во взглядах социалистов-утопистов. Концепция эта была развита К. Марксом и Ф. Энгельсом. В литературе XX в. она получила значительное распространение. В СССР в 20-е годы ее развивали А.А. Богданов, И.И. Скворцов-Степанов и другие. В послевоенные годы она получила отражение в работах И.И. Кузьминова и его школы. Эта точка зрения широко распространена в литературе самых различных направлений за рубежом. В наших работах (в том числе и в рамках созданного в 1985 г. Головного совета по РСФСР по исследованию коллективности как определяющего отношения социализма) имел место ряд публикаций на эту тему. Отшлем читателя, в частности, к следующим: Файнбург З. И., Козлова Г.П. Диалектическая логика политической экономии социализма. Саратов, 1982. С. 50–58; Файнбург З., Козлова Г. Становление новой парадигмы политической экономии социализма//Экономические науки. 1987. № 3.

венных отношений, но она может воспользоваться благоприятными обстоятельствами для своего возникновения и временного процветания. Отсюда следует, что «культ личности» не может возникнуть, не может существовать вне продвижения общества к коллективности, к социализму. Это – «детская болезнь» становящегося социализма, болезнь чрезвычайно грозная, болезнь, которая может угрожать вообще судьбам социализма в той или иной отдельной стране (что еще в 1908 г. предвидел А.А. Богданов), может серьезно деформировать социализм, хотя не может изменить общей направленности истории.

В.И. Ленин неоднократно писал о чрезвычайной опасности того, что мелкобуржуазность (в самом разном и широком понимании этого слова) захлестнет революционный процесс, захлестнет процесс продвижения к социализму.

«Культ личности» и представлял собой попытку строить социализм мелкобуржуазными средствами, на уровне мелкобуржуазных интересов и идеалов, в кругу представлений мелкобуржуазной морали³.

Вместе с тем революционный путь продвижения к социализму дал мощный импульс эволюционному пути, серьезно подтолкнул классовую борьбу трудящихся за свои интересы, способствовал распаду колониальной системы империализма.

Полностью отменить, сиять реализацию интересом трудящихся классов в системе Советской власти не мог никакой «культ», хотя он может на какое-то время наполнить эту власть реализацией прежде всего личных и групповых интересов бюро-

³ Связь «культ личности» с мелкобуржуазностью отрицают некоторые исследователи. Наиболее последовательно отрицает трактовку «культ личности» как мелкобуржуазности А.С. Ципко (см. его работу «Истоки сталинизма» // Наука и жизнь. 1987. № 11, 12; 1988. № 1, 2; эта работа напечатана и переработанном виде под заголовком «О зонах, закрытых для мысли» в кн.: Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма. М., 1989). Мы полагаем, что позиция А.С. Ципко основана на избыточно суженном понимании мелкобуржуазности. Отождествление понятия «мелкобуржуазности» с социальным статусом и социальным самосознанием только крестьянства кажется нам недостаточно убедительным.

кратизированной верхушки «культовой» управленческой пирамиды.

До поры до времени даже извращенный «культовый» метод продвижения к социализму давал все же не только негативный, но и в определенной степени позитивный эффект: продвижение к социализму все же осуществлялось, но сам социализм при этом неотвратимо деформировался, а продвижение к нему столь же неотвратимо замедлялось. Противоречие между объективной исторической тенденцией социализма и паразитирующей на ней системой «культы личности» постепенно нарастает,, обостряется. В конце концов бывает смертный час «культы личности»: система, которую сначала прямой и открытый «культ», а затем его рецидивные формы доводят до состояния формационного застоя (при продолжающемся за пределами этой системы – и столь же неизбежно нарастающем – эволюционном продвижении к социализму), неизбежно «взрывается». Варианты этого неизбежного взрыва многообразны: опыт КНР, ГДР, Венгрии, Польши, Румынии, Болгарии, Чехо-Словакии да и наш собственный опыт у нас перед глазами.

Мы полагаем, что каковы бы ни были проявления и варианты «культового» наследия, через какие бы сложные метаморфозы общественных отношений в процессе преодоления этого наследия ни пришлось пройти, каковы бы ни были рецидивы «культурных» отношений и стереотипов, собственно социалистические методы продвижения к социализму в конечном итоге должны сменить мелкобуржуазные. В этом – суть логики (формационной логики) истории. Но эта смена потребует коренной содержательной и структурной перестройки общественных отношений, весьма трудной, чреватой возможностями возникновения ряда серьезнейших негативных побочных следствий.

Природа «культы личности» проявляет свою сущность, становится очевидной его роль в деформации социализма сначала после «большого скачка» – обходной ступени трансформации лмкта чего класса в «культурную» диктатуру личности, а затем в

процессе развертывания массовых репрессий. Речь не идет только об особенностях реализации «культа личности» в России – речь идет об общих закономерностях его становления и функционирования.

«Большой скачок» может представлять собой акцию, развертывающуюся в любой из сфер общественной жизни: экономической (чаще всего), политической, культурной, идеологической. Однако во всех случаях он представляет собой попытку, опираясь на бытующее в массах «историческое нетерпение», «перескочить» историческую закономерность, сжать ее во времени до такого предела, который позволил бы претенденту на главенствующую роль в руководстве и его окружению коренным образом изменить свой статус: вместо «первого среди равных» (обязательный статус руководителя в процессе самой революции) стать «великим вождем» (статус руководителя в системе «культа личности»),

О том, насколько фатальными могут быть последствия такого «большого скачка», свидетельствует история сплошной колективизации в СССР в 1929–1934 гг., «великой культурной революции» в Китае и т.п.

Уже «большой скачок» жестко противопоставляет руководящие институты, персонажей «культовой» власти, образующую ее опору – бюрократию – всему обществу, рабочему классу как ведущему классу социальной революции. Именно в этой ситуации развертывается приобретающее крайние формы отчуждение трудящихся от средств производства, от систем управления, от активной и сознательно творимой политики.

Однако «культ личности» наиболее полно проявляет свою антисоциалистическую природу тогда, когда развертываются массовые репрессии, необходимые ему как средство придать персоне, осуществляющей «культ», статус исключительного положения в обществе.

Наличие репрессивного аппарата, использование репрессий в политической жизни в качестве одного из существенных меха-

низмов реализации ближайших социальных целей типично и характерно для любой из диктатур – форм политической организации господствующего класса. Диктатура рабочего класса не составляет здесь исключения.

Однако реализация социалистической тенденции развития общества требует конечного выхода на общечеловеческие ценности колlettivизма, на бесклассовую структуру общества, на широкую демократию. Вот почему истинно социалистическая политика требует неуклонного сужения репрессий политического характера, постепенного сведения их на нет. В идеале (то есть в теоретически последовательной форме) революционная тенденция движения к социализму (начинаясь с диктатуры рабочего класса) и эволюционная тенденция становления социализма (пытающаяся в своем развитии не выходить за рамки демократических институтов) должны в каком-то пункте соединиться. В первую очередь это их слияние, соединение должно было бы осуществляться на основе широкой демократии социалистического типа, к которой они равно должны прийти, хотя и двигаясь от различных отправных точек и разными методами.

Социализм как общество, в принципе управляемое на научной основе, уже в процессе своего становления потенциально обладает возможностями при всем том не дать предпосылкам «культа» разрастись, реализоваться в крайних формах, в полной мере проявить себя с негативной стороны.

Даже для условий России начала века нет оснований считать безусловно обязательной сталинщину с ее массовыми репрессиями, со всеми ее ужасами, ее маразмом, ее тяжелейшими социальными последствиями. Неизбежный (и немалый) элемент исторической случайности был все же и тут. Не следует, конечно, переоценивать значение этого элемента случайности. Однако, например, именно масштабы и характер репрессий могли бы быть много меньше, при всем том что «культ личности» по своей сути не может существовать без наличия какой-то репрессивной системы.

Массовые репрессии отсекают возможности эволюционного преодоления отношений «культы личности», возможности, в том числе и для самого «культы», каких-либо внутренних политических компромиссов. Противостояние различных политических установок в условиях массовых репрессий становится жестким, абсолютным, антагонистичным. «Культ личности» как социальная система теряет в условиях таких репрессий последние остатки способности к самокритике, становится системой программного, нормативного аморализма, что неизбежно в конце концов ведет в тупик, ставит общество перед неизбежной угрозой либо глубокого кризиса, либо даже гибели, причем не только самого «культы», но и всей вообще социальной системы, на которой паразитировал «культ». Эта полная историческая тупикость «культы личности», если он опирается на массовые репрессии, опасность внутреннего взрыва не только самого по себе «культы», но и всей социальной системы, в которую он «вписанлся» и которую он всегда деформирует, рано или поздно (может быть, в каких-то странах в сроки, превышающие индивидуальную продолжительность человеческой жизни, но всегда в сроки, относительно короткие для истории) проявляет себя. Решившись на массовые репрессии, данная «культовая» система лишает себя возможности какой бы то ни было позитивной эволюции и тем самым неизбежно подписывает сама себе смертный приговор, который история неукоснительно приводит в исполнение.

Во второй половине XX в. сложилась новая историческая ситуация, существенно меняющая не только соотношение революционного и эволюционного путей к социализму, но и обнажающая несостоятельность, историческую бесперспективность «культурного» извращения, «культурной» деформации того варианта движения к социализму, который в свое время столь убедительно начинался радикальной политической революцией масс.

Уже первые десятилетия перехода капитализма на стадию империализма позволили В.И. Ленину, другим исследователям выделить в происходивших изменениях свойства, означавшие в

совокупности непосредственное подготовление социализма: обобществление, перераставшее границы частной собственности, появление у государства функций регулирования экономических процессов в общественном производстве (возникновение государственно-монополистического капитализма), развитие методов регулирующего воздействия на рынок и экономические процессы в целом и т.п. Именно совокупность этих свойств позволила В.И. Ленину сделать вывод о том, что капитализм непосредственно вступил в фазу перехода к новой формации (фаза «умирающего» капитализма).

Однако особенно существенные сдвиги начались после кризиса 1929–1932 гг. «Новый курс» Ф. Рузвельта означал перестройку капиталистической экономики: отказ от безраздельного господства домонополистической конкуренции, отказ от нерегулируемого рынка, от преобладания функций «ночного сторожа» у буржуазного государства, опору отныне как на новые теории экономического управления капитализмом, так и на опыт составления плана первой пятилетки в СССР.

Война серьезно способствовала дальнейшему развитию государственно-монополистических тенденций в капитализме, еще более подняла и усовершенствовала экономическую роль государства. В послевоенный период экономическая и особенно социальная политика капиталистических стран находятся под возрастающим влиянием концепций эволюционного социализма⁴.

В послевоенный период три фактора резко усилили объективную необходимость в развитии колLECTивистского характера общественных отношений: овладение атомной энергией, обусловившее объективную недопустимость мировых войн, резкое обострение многоаспектного глобального экологического кризиса, компьютерная производственно-техническая революция

⁴ Еще в 1945 г. Дж. Оруэлл, автор знаменитого романа «1984», например, так предсказывал ход послевоенной истории в странах развитого капитализма: «...господствующий класс, поступаясь многими привилегиями ради сохранения своего положения, будет способен объединиться в гигантскую корпорацию и даже создать некую извращенную форму социализма» (Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 269).

70-х годов, в корне меняющая функциональную структуру труда и требования к личности работника. В этих условиях эволюционная форма продвижения к социализму постепенно стала приобретать решающее значение.

Это в конечном счете и способствовало окончательному краху «культа личности» как социальной системы, паразитировавшей на революционном методе продвижения общества к социализму.

Современный капитализм все еще остается в конечном счете но своим формационным критериям капитализмом, хотя элементы коллективистских отношений в рамках этого общего формационного качества все более настойчиво и безальтернативно теснят его старые качества. Современный – «социализированный» – капитализм решил историческую экономическую задачу: создал производственное изобилие основных потребительских благ. Тем самым он сделал решающий шаг к обществу коллективистского типа, призванному сменить его в истории. Социализм, деформированный «культом личности», с такого рода капитализмом соревноваться оказался не способен: он отстал в самом главном и самом интегральном – в степени реализации критериев коллективности. Это в конечном счете и определило в условиях современного мира выход вперед эволюционных методов движения общества к коллективистским отношениям, к социализму.

Социализм по своему месту в истории не столько способ решения ее экономических проблем – ключ к их решению в конечном счете находит общество в рамках капитализма (правда, не традиционного капитализма XIX в., а именно современного, то есть «социализированного», капитализма, капитализма на третьей фазе своего развития), – сколько принципиальный шаг общества вперед в решении задач общесоциального, культурного и духовного развития. Социализм (не декларированный, а действительно реализуемый) должен исходить из конечного приоритета социальных целей на соответствующей высокоразвитой экономической основе. Социализм обретает для себя дей-

ствительно прочную, незыблемую основу, когда он становится реально движением общества дальше и выше того уровня, который могла дать, при полном напряжении своих возможностей, предшествующая формация – капитализм⁵.

Задачи экономического развития – это, как мы полагаем, в конечном счете исторические задачи буржуазного происхождения. Это отнюдь не означает некоего изначального тяготения социализма к аскетизму. Попытки трактовать социализм как намеренный аскетизм носили утопический характер и являлись превращенной формой отражения в общественном сознании реальной недоразвитости экономики на момент революции. Иллюзия аскетизма как социальной нормы выступает превращенной формой разрешения на идеологическом уровне противоречия между сложившейся необходимостью политической социалистической революции и неразвитостью экономических предпосылок социализма.

«Культ личности» вполне естественно для себя стремится ограничить развитие социалистической тенденции общества именно решением экономических задач. С одной стороны, это позволяет назвать социалистическим фактически предсоциалистическое развитие, то есть приписать «культуре» способность решать исторические задачи, которые он ка самом деле решать не в состоянии: они выходят за рамки «экологической ниши» существования «культовых» отношений в историческом времени. С другой – это позволяет избежать или, во всяком случае, до поры до времени сдерживать развитие общества в том направлении, которое неумолимо лишило бы «культ личности» оснований для существования: позволяет сдерживать развитие науки, демократии, политической культуры, социальной активности и

⁵ Приоритетность социальных целей как формационная особенность развития колективистских общественных отношений была названа в литературе в 60–70-е годы в связи с развитием социального планирования в СССР. См., в частности, одну из пепсых работ на эту тему: Козлова Г.П. Вопросы соотношения экономического и социального планирования//Проблемы социального планирования. (Личность, группа, общество). Пермский политехнический институт. Сборник научных трудов № 157. Пермь, 1974.

социального самосознания масс, оправдывая это приоритетом экономических целей.

«Культ личности» эксплуатирует социалистическую направленность революций в странах с относительно невысоким уровнем развития, живущих и развивающихся в условиях напряженного и жесткого соревнования с капитализмом, вынужденных поэтому ставить до поры до времени экономические цели впереди социальных. Такой временный приоритет экономического был условием выживания социалистической тенденции в этих странах, путь которых к социализму лежал через радикальную политическую революцию.

Ориентация на экстенсивное экономическое развитие, стремление уйти от решения социальных, политических и культурных проблем действительно социалистической направленности, помноженные на органичные для «культа» дилетантизм и субъективизм, обусловливают в конечном счете тупиковое состояние общества, формационный застой.

Рецидивная форма «культа личности» в СССР, связанная с деятельностью Л.И. Брежнева, М.А. Суслова и их окружения, обусловила нарушение важнейшего критерия относительной равновесности в соревновании социализма (то есть общества на первой фазе новой формации) и капитализма (находящегося на третьей формационной фазе): однотипности производственно-технической базы общественного производства. СССР к середине 80-х годов отстал от развитых стран Запада в качественной характеристике производительных сил на целую историческую ступень. В конечном счете это и обусловило в настоящее время серьезное обострение экономических и социальных противоречий в странах, где по опыту СССР была провозглашена социалистическая ориен- Т й ц и я.

В настоящее время кардинальной стратегической задачей соревнования социализма с капитализмом является создание эффективных механизмов резкого ускорения НТП, создание условий для формирования новой технической базы для экономи-

ческого и социального развития социализма. На этой обновленной технической базе производства можно будет обеспечить сбалансированность народного хозяйства, устраниТЬ бюджетный дефицит, качественно изменить состояние производства продовольствия и потребительских благ, создать условия для существенного повышения роли рынка, товарных отношений в общих границах планомерного регулирования.

Фактически должно произойти значительное сближение социально-экономической политики и социально-экономической практики эволюционного и революционного вариантов движения общества к социализму.

Развитие социалистической тенденции истории неизбежно должно проходить через кризисы старых форм и методов. Кризис революционного пути сейчас уже налицо. Его крайняя острая целиком обусловлена рецидивными влияниями «культы личности». Мы полагаем, что определенного рода кризисные явления, но совершенно другого характера, чем кризис революционного варианта продвижения к социализму, затронут в относительно близком будущем и эволюционную тенденцию продвижения к социализму.

Кризисные явления всегда в истории были хоть и болезненным, но методом обновления общественных отношений, методом их подъема на новую ступень. И современные кризисные явления будут способствовать становлению новых форм продвижения общества к преобладанию коллективистских отношений. Эти новые формы должны, наверное, быть в своем историческом формационном качестве на ступень выше и традиционных революционных путей, и традиционных эволюционных путей. Можно ожидать, что эти новые методы продвижения общества к коллективистским отношениям будут представлять собой своего рода синтез всего позитивного, что было и могло быть получено ранее на революционном пути решения задачи формационного перехода, с тем позитивным, что давал эволюционный путь.

Нет оснований уповать на то, что это возникающее новое будет представлять собой прямой, легкий и исключительно светлый путь. От такого рода утопических иллюзий человечеству пора бы и излечиться. Интегрированный новый метод строительства социализма отнюдь не может быть лишен своих трудностей, поскольку основное противоречие колlettivistского строя общества – между индивидуальным и собственно колlettivistским началами – мажет лишь последовательно разрешаться в процессе движения к колlettivistским отношениям, но не может быть этим процессом продвижения снято.

В перспективе новая формация может окончательно победить – выйти на вторую фазу своего формационного развития – только на основе новой промышленной революции, создав специфическую, принципиально более высокую по своему типу производственотехническую базу. Если человечество раньше не уничтожит само себя каким-либо способом, эту историческую перспективу надо, наверное, считать безальтернативной⁶.

* * *

«Культ личности» как определенное социальное явление имеет, как мы попытались доказать, вполне конкретные и определенные исторические границы. Речь может идти об определяющей деформации общества становящегося, но еще не ставшего социализма, о болезненном параситарном наросте на его теле. Только исключительная жизнеспособность нового строя, его конечная глубокая историческая прогрессивность могут позволить ему выжить, несмотря на столь грубую деформацию, вызванную «культом личности».

Еще и сейчас для СССР и стран социалистической ориентации сохраняется потенциальная опасность установления на ка-

⁶ Исходные теоретические посылки, позволяющие построить методологию подхода к проблеме новой промышленной революции, весьма состоятельно были г.можем еще К. Марксом в «Экономических рукописях 1857–1861 годов». Идея необходимости новой промышленной |н пилкщим для перехода колlettivistской формации к |нторум гту-путь ее развития была развита в советской литературе еще в 30–40-е годы. Затем эта проблема активно обсуждалась в 60–70-е годы в литературе, посвященной НТР.

кое-то время авторитарных политических режимов⁷. Однако «культ личности» не может быть сведен лишь к простой авторитарности – личной диктатуре. «Культ личности» – это обязательно религиоподобное отношение к политическим лидерам (носителям авторитарной власти) как к «великим вождям». А пот возможности такого рода – возможности воскрешения культа «живого политического бога» – сегодня, на наш взгляд, исторически себя уже изжили.

«Культ личности» оказывал глубокое негативное воздействие на развитие социалистической (коллективистской) тенденции истории. Это негативное воздействие имело характер не просто частных ошибок и субъективных просчетов, а осуществлялось на самом глубоком формационном уровне.

Можно сказать, что «культ личности» являлся основной помехой революционному методу перехода к социализму. «Культ личности» серьезно деформировал революционную форму перехода, ослаблял, прижал, деформировал прогрессивные исторические потенции социализма. В более резких ли (вплоть до прямо уродливых), в сглаженно-мягких ли формах, но «культ личности» неотвратимоискажал процесс становления социализма, деформируя тем самым и восприятие широкими массами самой идеи социализма, дискредитируя эту идею.

Объективный характер историй, которая на определенном этапе становления социализма создала благоприятные условия для возникновения «культы личности», обусловливает, как только социализм, хотя бы в самой своей первой грубой форме, начал складываться, неизбежное преодоление и разрушение «культы личности». Формируются объективные закономерные основания для полного и окончательного преодоления «культы лич-

⁷ Проблема эта активно обсуждается в периодике в настоящее время. См., в частности: Нужна «железная» рука? (Беседа обозревателя «Литературной газеты» Г. Целмса с И. Клямкиным и А. Миграняном) // Лит. газ. 1989. 16 авг. Мнение о необходимости (а может быть, и неизбежности) нового витка авторитаризма, развиваемое в ЛГ и других публикациях А. Миграняном, излагается им обоснованно, но при всем том его аргументация отнюдь не кажется нам безупречной.

ности» и его рецидивов. Надо только помнить, что необходимость отмирания «культа личности», как и все закономерное в истории, не реализуется «сама собой». Она прокладывает себе дорогу через многообразные формы борьбы старого и нового в обществе, через идеологические препоны, через чрезвычайно живучие стереотипы старого сознания, через прямое сопротивление тех, кому «культовая» система была удобна и выгодна...

Люди сами делают свою историю. Это в полной мере относится и к исторической тенденции преодоления «культа личности», преодоления его рецидивов.

...Только в ожесточенной борьбе с «культом личности» может быть последовательно реализована пророческая формула победы коллективистской тенденции всемирной истории:

Никто не даст нам избавленья –
Ни бог, ни царь и не герой,
Добьемся мы освобожденья
Свою собственной рукой.

Эжен Потье. Интернационал

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Очерк 1. РОССИЯ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»)	11
Очерк 2. ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ! БОРЦЫ ЗА ИДЕЮ И СОИСКАТЕЛИ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ (СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»)	37
Очерк 3 .МАРКСИЗМ, «ПРЕДМАРКСИЗМ», ПСЕВДОМАРКСИЗМ... (ИДЕЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»)	59
Очерк 4. ПЯТЬ СТУПЕНЕЙ ВВЕРХ, ИЛИ СТАНОВЛЕНИЕ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» КАК ОСОБОЙ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ	84
Очерк 5. «БОЛЬШОЙ СКАЧОК»: ДОСТИЖЕНИЕ АБСОЛЮТНОЙ ЛИЧНОЙ ВЛАСТИ.....	110
Очерк 6. «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»: ЗАВОЕВАНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ... <td>151</td>	151
Очерк 7. КАКОЙ СОЦИАЛИЗМ МЫ СТРОИЛИ: ПО МАРКСУ? ПО ЛЕНИНУ? ПО СТАЛИНУ?	196
Очерк 8. «КУЛЬТ личности» И ВОЙНА: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ.....	218
Очерк 9. ПРЕОДОЛЕНИЕ «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» МЕТОДАМИ... «КУЛЬТА»: Н.С. ХРУЩЕВ.....	275
Очерк 10. СТАЛИНИСТСКИЙ ТЕРМИДОР Л.И. БРЕЖНЕВА. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ «ЭПОХА ЗАСТОЯ».....	300
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ МЕСТО «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ»	326

Файнбург Захар Ильич

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА...

**Социализм и «культ личности»
(Очерки теории)**

Заведующий редакцией В.И. Кураев

Редактор Д.А. Замилов

Младшие редакторы Ж.Я. Крючкова и Е.С. Молчанова

Художник О.Г. Черных

Художественный редактор А.Я. Гладышев

Технический редактор И.А. Шавкунова

ИБ № 8907

Сдано в набор 19.09.90. Подписано в печать 04.02.91. Формат
84Х108'/з2. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Пе-
чать высокая. Уел. печ. л. 16,80. Уч.-изд. л. 17,58. Тираж 50 тыс. экз.

Заказ № 1197, Цена 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473. Краснопролетарская, 16.